

КрТЗ(2)
Ф45!

Охотск

Ола

А. П. ФЕТИСОВ

РАЗБУЖЕННЫЕ ПРОСТОРЫ

Страницы истории
Охотского побережья

Нелькан

Аян

Микан

А. П. ФЕТИСОВ

кртз(2)
Ф451

РАЗБУЖЕННЫЕ ПРОСТОРЫ

Страницы
истории
Охотского
побережья

706487

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1982

ББК 63.3(2ДВ)
9(С19ДВ)
Ф 45

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки Якутской АССР,
профессор, доктор исторических наук
А. И. НОВГОРОДОВ*

*Рецензенты
доктора исторических наук
А. И. АЛЕКСЕЕВ,
Г. Е. РЕЙХБЕРГ,
кандидат исторических наук
Б. И. МУХАЧЕВ.*

Художник Н. И. Холодок

5505040000—23
Ф М160(03)—82 46—82

© Хабаровское книжное издательство, 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Там, где в студеное Охотское море впадают своенравные Охота и Кухтуй, стоит древний Охотск, колыбель русского Тихоокеанского флота в прошлом, один из центров рыбной промышленности Хабаровского края в настоящем. Основанный в 1647 г. отрядом казаков С. А. Шелковника, Охотск сыграл выдающуюся роль в открытии и освоении Северо-Востока Азии русскими людьми, а с 1731 по 1850 г. был главным портом России на Тихом океане. Здесь снаряжались знаменитые русские экспедиции, уходившие в дальние плавания к Курильским и Алеутским островам, и сюда же возвращались они после многолетних трудов и лишений у берегов Нового Света. Самая длинная в мире сухопутная дорога начиналась в Петербурге, пересекала бескрайние просторы Европейской и Азиатской России и заканчивалась в Охотске, а дальше начинались морские дороги, которые вели и на север — на Камчатку и Командоры, к русским поселениям на островах Кадьяк и Ситха, и на юг — к форту Росс в солнечной Калифорнии... Из Охотска же ходили славные русские мореходы к берегам загадочной Японии. И настолько надежны были морские корабли, построенные на охотских верфях, что руководитель одной из русских тихоокеанских экспедиций конца XVIII в. Иосиф Биллингс, бывший участник третьего кругосветного плавания Джемса Кука, обращался в Петербург с просьбой разрешить ему идти из Охотска в Кронштадт на судне охотской постройки.

Однако позднее, в начале XIX в., а главным образом после переноса порта из Охотска в Петропавловск-Камчатский, из Петропавловска — в Николаевск-на-Амуре и затем, в 1871 г., во Владивосток, значение Охотска стало падать, и в конце XIX — начале XX в. Охотское побережье было в полном смысле слова забытой, нищей и отсталой окраиной Российской империи. Лишь Великий Октябрь вновь пробудил к жизни эти малоосвоенные пространства.

Русские горнорабочие и рыбаки, передовые представители малых народов Севера — эвенов, эвенок и коряков, героически сражавшиеся за власть Советов в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, под руководством Коммунистической партии приступили

Памяти отца —
Павла Федоровича Фетисова,
одного из организаторов
колхозного движения
в Подмоскowie

ОТ АВТОРА

к преобразованиям традиционного уклада жизни, покончили с остатками национального неравенства и вековой отсталостью, заложили основы социалистической экономики и культуры на Охотском побережье. «Особое место среди достижений Октября занимает решение национального вопроса — одного из самых болезненных, самых драматичных вопросов в истории человеческого общества», — говорил 2 ноября 1977 г. на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Достижения ленинской национальной политики КПСС обеспечили крутой поворот в исторической судьбе коренных жителей Приохотья, сыграли огромную роль в приобщении их к активному участию в жизни нашего многонационального государства.

Обо всем этом читатель сможет узнать, ознакомившись с новой книгой А. П. Фетисова «Разбуженные просторы. Страницы истории Охотского побережья».

Благодаря многолетним исследованиям автора, влюбленного в историю Приохотья, теперь мы имеем возможность проследить основные этапы далекого и близкого прошлого этой обширной части Хабаровского края и Магаданской области. Попытка такого рода впервые предпринимается в научной и краеведческой литературе, и, на наш взгляд, автор со своей задачей справился. Несомненное достоинство книги — ее солидная источниковедческая база, как и доступное для широких читательских кругов изложение сложного научного материала.

«Разбуженные просторы» с интересом прочтут и ученые-историки, которые найдут здесь немало сведений, впервые введенных в научный оборот, и краеведы из Охотска, Аяна, Чумикана или Олы, и местные пропагандисты, журналисты, школьные учителя. Небесполезным окажется труд историка, проработавшего немало лет на Охотском побережье учителем, и для тех молодых людей, которые решат соединить свою судьбу с будущим Дальнего Севера.

А. И. НОВГОРОДОВ,
заслуженный деятель науки ЯАССР,
профессор, доктор исторических наук

Много лет тому назад я, в ту пору молодой учитель, впервые летел из Хабаровска в Охотск. «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно», — казалось, пели двигатели самолета, несшего меня над просторами Охотского моря. Вот внизу медленно проплыли острова и островки Шантарского архипелага, а слева круто изогнулся и стремительным броском ушел на север гигантский белый вал — полоса прибоя. Вот четко обозначились грозные зубцы Джугджура, а у самого моря словно застыли всплески прибрежных хребтов. Справа — стальной блеск валов Охотского моря и белое сияние ледяных полей, слева — белая кипень прибоя и голубые контуры Джугджура... Душа моя ликовала! Мое будущее представлялось мне столь же прекрасным, как эти первозданные берега.

Забегая вперед, скажу, что в своих предчувствиях я не ошибся. Скромный труд учителя дал мне все, о чем только может мечтать молодой человек, жаждущий служить своему народу. Я любил своих учеников — детей таежных охотников, оленеводов и рыбаков, а их отцы, деды и прадеды, проникнувшись доверием к молодому учителю-историку, посвятили меня в самые сокровенные тайны далекого и не столь уж далекого прошлого Охотского побережья. С их помощью были написаны все мои книги и научные статьи, и я не могу сейчас не высказать им самые искренние слова признательности и благодарности...

И эта книга, во многих отношениях итоговая для меня, писалась так же, как прежние. Помнится, мои ученики повели меня в первое же воскресенье к устью реки Охоты и рассказали, что сам Охотск, из-за стропитивого нрава реки Охоты, несколько раз кочевал с места на место, пока в 1815 г. не обосновался окончательно на левом берегу полноводного Кухтуя. Позже я побывал на Улье и других реках Охотского побережья, названия которых часто упоминаются в книгах по истории великих русских географических открытий. На Улье, где в 1639 г. москвитинцы zaloжили первое русское поселение на побережье Тихого океана, я впервые в жизни наблюдал ход лососевых. Крупные, сильные рыбы с такой яростью устремлялись вверх по течению, что дух захватывало!

И еще об одной реке нельзя не упомянуть, говоря об истории

Охотского побережья. Именно по долине Урака некогда пролегал известный Охотский почтовый тракт, а в устье реки была заложена судовой завод. Здесь же, на Ураке, еще недавно находилась первая в районе животноводческая ферма. Площадь водосбора Урака 13 500 кв. км, длина его 225 км, ширина в среднем 80 м. Левый приток Урака Кетанда зарождается на территории Якутии, что и способствовало выбору Урака для переброски грузов на Охотское побережье еще во времена Камчатских экспедиций.

Так исподволь, совершая с учениками экскурсии на реки и в поселки Охотского района, знакомился я с историей Охотского побережья. Еще на моей памяти приобщал охотчан к поиску исторических реликвий местный журналист и краевед Евгений Федорович Мороков, и вот уже открыт в районном Доме культуры народный краеведческий музей. Пусть экспозиции его развернуты всего лишь в нескольких комнатах, но зато все экспонаты подобраны с большой любовью к славному прошлому района.

Шли годы. Я освоился в районе и со временем стал совершать поездки в далекую Олу и не близкие Аян, Нелькан, Чумикан, Удское. Как-то во время командировки мне посчастливилось достать превосходную книгу известного писателя и исследователя Приохотья Г. А. Федосеева «В тисках Джугдыра», и я с волнением прочел: «Меня начинает привлекать природа этого края, угрюмая, скупая, с бедным колоритом, но, несомненно, имеющая свою прелесть»¹. Писатель выразил не только свои, но и мои мысли!

В ту пору я уже изъездил все Охотское побережье и составил представление об основных чертах его географического положения и жизни местного населения. Собственно побережьем называется западная и северо-западная часть морского берега. Это крупный регион Дальнего Севера, включающий в себя пять районов Хабаровского края и Магаданской области: Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский, Охотский, Ольский и Северо-Эвенский. В 30-х годах эти районы входили в состав Охотско-Эвенского национального округа, подчиненного непосредственно Далькрайисполкому, и лишь позднее, с 3 декабря 1953 г., в связи с образованием Магаданской области, Ольский и Северо-Эвенский районы перестали быть частью огромного Хабаровского края.

Старожилы-охотчане любят вспоминать, что Охотский уезд в начале нашего столетия занимал площадь в 200 тыс. кв. км, простираясь от Аяна на юге до Олы на севере. Несколько уступали ему по размерам территории Удской и Гижигинский уезды. Однако и в наши дни «владения» Тугуро-Чумиканского, Аяно-Майского и Охот-

ского районов поражают воображение — их площадь 421 тыс. кв. км.

Русские землепроходцы, еще в первой половине XVII в. присоединившие к России Охотское побережье, соприкоснулись здесь с «тунгусами» — эвенками и «дамутами» — эвенами. Однако не эти коренные охотники, олениводы и рыболовы были первооткрывателями Приохотья. Исследования якутского археолога Ю. А. Мочанова в районе Ульи показали, что древние северяне пять тысячелетий тому назад пришли сюда со стороны современной Якутии. Родина же эвенков и эвенов находится гораздо южнее, в Прибайкалье. На Охотском побережье, как считают некоторые советские ученые-этнографы, они появились сравнительно недавно, не позднее XVI в., оттеснив предков коряков к северу, а предков нивхов — к югу.

Видный советский этнограф и антрополог М. Г. Левин, проработавший на Охотском побережье больше двух лет, утверждал, что самыми древними олениводами на Дальнем Востоке были эвены и эвенки. Они и научили олениводству чукчей, коряков и других северян.

Несмотря на кочевой образ жизни, малые народы Севера создали развитую материальную и духовную культуру. Выдающийся советский ученый-этнограф В. Г. Тан-Богораз писал: «В северных условиях нужно уметь выкопать теплую землянку, сшить меховую тройную одежду, на долгую зиму собрать запасы мяса и сала, создать передвижение по огромным северным рекам и беспредельным тундрам, — всю эту культуру создал северный туземец»¹. По словам ученого, советские люди должны были принести на Север элементы культуры общесоциалистической и общечеловеческой и тем самым выполнить свой интернациональный долг. Часто бывая в далеких северных поселках, я с волнением узнавал, как благодарны северяне своим первым учителям и врачам — русским и украинским юношам и девушкам, как радуются они переменам, происшедшим в их жизни.

Огромны просторы и богата природа Приохотья, но даже в наиболее обжитом Охотском районе на жителя приходится 8 кв. км территории. Еще менее заселены Аяно-Майский (19 кв. км на жителя), Тугуро-Чумиканский районы (28 кв. км на жителя). Охотское побережье ждет новоселов, влюбленных в красоту Севера.

Молодых рыбаков на всю жизнь очарует Охотское море, грозное в ненастье и торжественное в ясный летний день. Уезжая в отпуск на Черное море, многие старые охотские поморы через пару недель не выдерживают и мечтают о возвращении на свое студен-

¹ В. Г. Тан-Богораз. Народы Севера, — «Наши достижения», 1931, № 7—8, с. 113—114.

¹ Г. Федосеев. В тисках Джугдыра. М., 1955, с. 286.

ное, но зато родное море. Сам воздух его, чистый и прохладный, веселит их души и возвращает им силы. Молодежь должна знать, что Охотское море — один из богатейших внутренних водоемов нашей страны. В не столь далеком будущем еще более весомым должен стать вклад охотских поморов в реализацию общесоюзной продовольственной программы. Уже сейчас рыбный промысел невозможен без оснащения рыболовецких судов и рыбокомбинатов высокопроизводительной техникой и без овладения научными методами использования и охраны биологических ресурсов Охотского моря. Прихотье ждет молодых специалистов по рыборазводу и марикультуре, изыскателей и строителей железных дорог и приливных электростанций, охотоведов, агрономов и зоотехников.

Уже давно северяне в значительной мере обеспечивают себя картофелем, капустой и другими овощами. В 1954 г. с побережья навсегда изгнана цинга, этот бич Севера. Но это только первые шаги. Молодежь должна закрепить успехи своих предшественников и поднять северное полеводство и животноводство на еще более высокий уровень.

Часто пишут и говорят о суровой охотской зиме. Однако сильные морозов здесь не бывает, целых сто дней в году на побережье светло и тепло. А как волнуют всех знаменитые «белые ночи» в июне и июле, когда исчезают тени, а море играет всеми цветами радуги!

В последние годы работы на побережье я часто встречался с геологами. Они говорили, что Прихотье очень богато полезными ископаемыми, и уверяли, что будущее побережья — в разработке горнорудных богатств. Но чтобы добыча их была рентабельной, нужны надежные дороги, а строить в тайге, в горах трудно и сложно.

Вместе с охотниками я бывал в тайге и должен признаться, что только на первый взгляд охотская тайга кажется безжизненной и угрюмой. Мои новые друзья с торжеством показывали мне свои «трофеи» — шкуры бурого медведя и волка, драгоценный мех соболя и связки шкурок белки и горностая. А как вкусно мясо сохатого и куропатки!

Сокровищем тундры по праву считается северный олень. Истари служил он человеку, обеспечивая его и пищей, и одеждой, и материалами для строительства жилья. И в наши дни в условиях северной тайги и тундры олений транспорт незаменим.

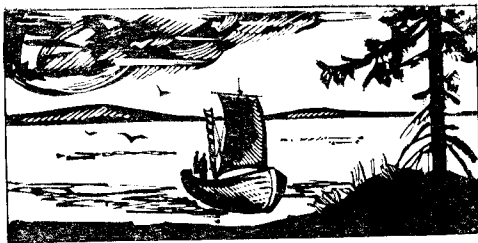
Охотский район не является крупным центром оленеводства, занимая по численности оленей всего лишь девятое место среди северных округов и районов страны. Однако в Охотском районе оленей гораздо больше, чем в других районах Хабаровского края.

Становление колхозного и совхозного оленеводства — одна из

ярких страниц истории Охотского побережья. Благодаря переходу к научно обоснованной организации труда оленеводство стало высокопродуктивной отраслью народного хозяйства. Колхозный строй возродил оленеводство, помощь русских ученых, ветеринаров и зоотехников предотвратила массовую гибель животных, и на ягельниках Прихотья ныне пасутся многочисленные стада оленей. Наряду с профессиями рыбака, рыбообработчика, охотника профессия оленевода — одна из наиболее уважаемых на севере Хабаровского края.

Как уже было сказано выше, эта книга для автора — итоговая. Создавая ее, автор на основе марксистско-ленинской теории не только обобщил выявленный им материал по истории Охотского побережья и проследил действие общих законов развития общества в локальном масштабе, но и как бы подвел итоги своей многолетней деятельности как педагога и ученого-историка. Если читатель сможет проникнуться уважением к подвигу отважных русских первопроходцев, приобщивших северян к передовой культуре русского народа, и еще раз оценит значение великих преобразований, происшедших на Охотском побережье после Вечного Октября, автор будет считать свою задачу выполненной.

В заключение считаю своим долгом выразить искреннюю признательность ветерану борьбы за Советскую власть на Охотском побережье А. И. Унжакову, докторам исторических наук А. И. Алексееву и Г. Е. Рейхбергу, кандидату исторических наук Б. И. Мухачеву и кандидату сельскохозяйственных наук Г. И. Сухомирову за ценные советы и пожелания.

ЗЕМЛЯ У МОРЯ СТУДЕНОГО

В 1639 г. начался поход отряда сибирских казаков во главе с Иваном Юрьевичем Москвитиним «встречь солнца», «на Большое море-океан». Выйдя из Бутальского острожка на Алдане, томичи и красноярцы «Маею рекою вверх шли до волоку 7 недель, а из Май реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли 6 ден. А волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью, на вершину»¹.

В низовьях Ульи москвитинцы поставили зимовье, ставшее первым русским поселением на Охотском побережье (теперь на этом месте воздвигнута стела, на которой высечены имена первопроходцев, проложивших путь к Великому океану). В том же году казаки вышли в море и поднялись на север до устья реки Охоты, а на следующий год обследовали юго-западное побережье Охотского моря. «...И лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки, — сообщали москви-

тинцы о жителях побережья. — А по той де рски по Ульи и живут те тунгусы 4 роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы... А на той де реки на Улье соболя и иного всякого зверя у них много». Сведения о природных богатствах рек Охоты и Урак были еще более обнадеживающими: «А те де реки собольные, зверя всякого много, и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбуня; столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь. А река быстрая, и в той реке рыбу быстредью убивает и выметывает на берег, и по берегу лежит много, что дров...»¹

В 1645/46 г. в острожке, поставленном москвитинцами, зимовал Василий Поярков, прошедший морем из устья Амура к устью Ульи. Ко времени походов отрядов И. Ю. Москвитина и В. Д. Пояркова относятся первые русские сведения об Амуре, Сахалине, Шантарских островах, Охотском море и районах Приохотья. Вскоре эти обширные территории вошли в состав Русского государства. В 1647 г. в низовьях реки Охоты поднялись стены Охотского острожка, заложенного казаками Семена Шелковника. Закрепившись в Охотске, землепроходцы развернули исследование природных богатств побережья. Они начали с установления дружественных отношений с звенами и звенками.

31 мая 1648 г. Шелковник отправил на восток для обследования новых земель отряд из 26 казаков во главе с Алексеем Филипповым. Тяжелый поход продолжался свыше трех лет. В итоге А. Филипповым была составлена первая лощия Охотского моря — «Роспись от Охоты-реки морем до Ини и до Мотыклей-реки, и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи впали в море, где морской зверь морж ложится»

¹ Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 68.

¹ Там же, с. 69.

и на которых островах». Само название этой «росписи», составленной, вероятно, в 1651 г., указывает на ее практическое назначение.

Уже в 1660 г. вблизи Охотска закладывается первая русская верфь на Тихом океане. Здесь строятся шитики, дощаники, струги, кочи. В 1652 г. отряд Ивана Нагибы морем достиг устья реки Тугур и основал здесь Тугурское зимовье, упраздненное позднее, в 1667 г. В 1681 г. отряд якутского пятидесятника Данилы Михайлова поставил зимовье в низовьях реки Уды, уже в 1682 г. перенесенное выше по течению, на расстояние в день пути от старого места¹. В 1682—1684 гг. в Удском острожке начинал свою службу будущий «камчатский Ермак» Владимир Атласов. Чтобы читатель мог составить представление о том, как выглядели эти русские форпосты на Северо-Востоке, мы приведем здесь описание зимовья: «Зимовьем звалась простая курная изба с большой глиняной печью, со слюдою в окнах, а то и просто с куском льда. Жило в такой избе самое малое 6 казаков. Коли надо было, так избу огораживали»². Острожек строился более основательно, чем зимовье: «Удский острожек о два боя под кровлею. Да в острожке поварня, да над воротами анбар брусчатой казенной»³. Службу на Уде ежегодно несли от 30 до 60 казаков, направлявшихся из Якутска; кроме того, сюда нередко наведывались русские промышленники и торговцы.

В XVII в. и позднее Якутск был центром, к которому тяготели многочисленные русские поселения в долинах Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы, Оленека, Анадыря, Пенжины, Охоты, Уды и Тугура. Местное население,

¹ Подробнее см.: Н. Ф. Демидова. Освоение Приохотья в XVII веке, — «Вопросы истории», 1977, № 9, с. 213—217.

² Там же, с. 213—214.

³ Там же.

принявшее русское подданство, регулярно вносило в казну ясак, и эта форма правовой связи его с русской администрацией оставалась основной вплоть до продвижения на Северо-Восток русского земледелия и ремесел. Именно русские крестьяне, основная производительная сила феодального общества, приобщали аборигенов к более передовым формам хозяйства и русской культуре. В свою очередь жители тайги и тундры охотно делились с ними своими знаниями, передавали им навыки охоты на пушных и морских зверей и рыболовства. Местные торговые центры, сложившиеся на Северо-Востоке, постепенно включали аборигенов в систему общероссийского рынка, и тем самым северяне выходили из состояния многовековой изоляции. Огромное значение имело также прекращение межплеменных войн и распрей.

К началу XVIII в., когда в состав России вошла Камчатка, Охотск в полном смысле слова стал первым русским портом на Тихом океане. По указу Петра I в 1714 г. в Охотск направляется группа архангельских мореходов, призванная проложить морской путь на Камчатку. Уже в 1716 г. лодья «Восток», сооруженная на охотской верфи, вышла в свое первое плавание к берегам Камчатки и через год вернулась в Охотск. Это выдающееся событие связано с именами якутского казачьего пятидесятника Кузьмы Соколова и помора Никифора Трески. Прошло несколько лет, и в Охотске появляются геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин. Инструкция обязывала их «описать тамошния места, где сошлась ли Америка с Азиєю, что подлежит зело тщательно сделать... и все на карту исправно поставить»¹.

Как известно, берегов Северной Америки Евреинову

¹ Б. П. Полевой. Колумбы русские, — «Дальний Восток», 1975, № 1, с. 128.

и Лужину достичь не удалось, но зато на карту легли очертания шести Курильских островов и впервые были определены координаты 33 пунктов Сибири и Камчатки. Кормщиком в этой экспедиции был охотчанин Кондратий Мошков. В 1732 г. тот же Мошков принимал участие в плавании к берегам Северной Америки геодезиста Михаила Гвоздева и подшкипера Ивана Федорова. Русская наука обогатилась выдающимся открытием, значение которого, однако, было оценено гораздо позже.

Огромную роль в исследовании и освоении Дальнего Востока сыграли Первая и Вторая экспедиции Беринга—Чирикова. И снова охотские мореходы Треска и Мошков уходят в дальние плавания. В эти годы преобразуется Охотск. «Старый Охотск, где раньше жили только немногочисленные казаки, присылаемые из Якутска за сбором ясака и периодически сменявшиеся, оживился, — пишет Ф. Г. Сафронов. — Ежегодно сюда из Якутска и других мест прибывали казаки, плотники, кузнецы, кораблестроители, мореходы, принадлежавшие к разным слоям населения — служилым, переселенцам и ссыльным... В 1735 г. здесь находилось около 200 казаков, 30 мастеровых, 3 кораблестроителя и 2 штурмана. К 1737 г. население достигло 300 чел.»¹.

Если в результате Первой Камчатской экспедиции (1725—1730) был повторно, после С. Дежнева, открыт пролив между Азией и Америкой, а также нанесено на карту северо-восточное побережье Азии от устья реки Камчатки до мыса Дежнева, то Вторая Камчатская экспедиция (1733—1743) положила начало комплексному изучению Севера Сибири и Дальнего Востока.

Большой вклад в деятельность экспедиции внес ака-

¹ Ф. Г. Сафронов. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII—середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978, с. 187—188.

демический отряд, собравший ценные сведения по истории, географии и этнографии Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. Проведена была также большая работа по изучению местных минеральных и биологических ресурсов.

4 октября 1737 г., выйдя из Охотска на старом суденышке «Фортуна», начал свое путешествие на Камчатку молодой сотрудник академического отряда Степан Крашенинников, будущий автор фундаментального труда «Описание земли Камчатки»¹. Академик В. И. Вернадский считал, что именно этим трудом С. П. Крашениникова открывается новый этап в истории русской Академии наук.

Ценные исследования оставил после себя также адъютант Академии наук Георг Вильгельм Стеллер, участник плавания В. И. Беринга к берегам Северной Америки в 1741 г. Несколько лет назад в ГДР вышла в свет биография ученого под поэтическим названием «Там, в голубой дали, лежит Америка». Написал ее немецкий литератор Вотте. В России Г. В. Стеллер нашел свою вторую родину, в Сибири же закончил свой жизненный путь, имея от роду всего лишь 37 лет. Пятью годами раньше, в 1741 г., на необитаемом острове, названном впоследствии его именем, погиб от цинги капитан-командор В. И. Беринг.

В 1743 г. в Охотск вернулись оставшиеся в живых участники плавания на пакетботе «Св. Петр». Более удачным было плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел», но и экипаж этого судна понес значительные потери.

Как дорогие реликвии хранят охотчане в своем маленьком музее пушку с корабля времен В. И. Беринга и большой колокол, может быть звеневший у берегов

¹ О путешествиях С. П. Крашениникова см.: Н. Г. Фрадкин. С. П. Крашенинников. М., 1974.

Аляски. Есть здесь и книга сподвижника Беринга Свена Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» (М. — Л., 1940).

«Когда бобры стали удаляться от берегов Камчатки, в это время Вторая экспедиция Беринга, открыв новые земли и острова к востоку от Камчатки, указала камчатским промышленникам, что преследуемый ими и высокоценимый морской бобр не перевелся совсем, а удалился к востоку на острова, к спокойным для него логовицам, — писал в 1864 г. капитан I ранга Д. М. Афанасьев. — И вот предприимчивый сержант Нижне-Камчатской команды Емельян Басов в сотовариществе с московским купцом Серебренниковым шьет свой шитик. Капитан подбирает команду из русских и камчадалов и пускается в 1743 году, по рассказам людей, возвратившихся из экспедиции Беринга, на восток, достигает ближайших к Камчатке Командорских островов, на которых Беринг окончил жизнь от цинги, запасается бобрами и с богатой добычей приплывает обратно. Это первый русский аргонавт за бобрами»¹.

С 1743 по 1764 г. русские промышленники осуществили 44 экспедиции на Командоры и Алеуты, а к концу XVIII в. — еще около 60 плаваний. Только за первые 30 лет, с 1744 по 1775 г., в порты Камчатки и Охотск было доставлено пушнины на 3 204 138 руб.²

Охотск стал плацдармом для массового движения русских крестьян и промышленников на острова Тихого океана. А. И. Алексеев справедливо отмечал: «Трудно найти такой морской поход промышленника-купца, такую экспедицию, организованную по указам правительства, которая не была бы связана с историей Охотска, не была бы организована в Охотске, не выходила бы в

¹ Русская тихоокеанская эпопея, с. 297.

² Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 113.

свой далекий путь из Охотска. С конца XVII в. Охотск стал отправным пунктом всех экспедиций, произведших многочисленные исследования на Тихом океане и открывших с запада Северную Америку»¹.

Слава Охотска в XVIII в. достигла зенита. Именно отсюда в 1783 г. уходил в свое знаменитое плавание к берегам Аляски Григорий Шелихов и, основав первые постоянные русские поселения в Северной Америке, возвращался в Иркутск опять же через Охотск. Это путешествие, продолжавшееся три года, превосходно описано им в книге «Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам», в 1971 г. переизданной Хабаровским книжным издательством.

Г. И. Шелихов доложил правительству о результатах экспедиции. Основанная его наследниками Российско-Американская компания вытеснила мелких предпринимателей из северо-западной части Тихого океана и вплоть до 1867 г., когда Аляска и Алеутские острова были «проданы» царским правительством США, монопольно пользовалась «всем тем, что доньше в сих местах как на поверхности, так и в недрах земли было ею отыскано и впредь отыщется, без всякого со стороны других на то притязания». Юрисдикция компании распространялась на огромные территории: «По открытию из давних времен российскими мореплавателями берега Северо-Восточной части Америки, начиная от 55° северной широты, и гряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россией пользоваться компанией всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне по северо-восточному берегу Америки от вышеозначенного

¹ А. И. Алексеев. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 3.

55° до Берингова пролива и за оный, также на островах Алеутских, Курильских и других, по Северо-Восточному океану лежащих»¹.

Охотск стал и портом, и перевалочной базой, и главной факторией Российско-Американской компании.

Деятельность русского купечества на Тихом океане, особенно во второй половине XVIII в., способствовала ускорению процесса первоначального накопления капитала в России и разложению экономической структуры феодального общества². Несомненно ее значение в создании судостроения на Востоке России, распространении здесь земледелия и ремесел, развитии морских и сухопутных коммуникаций.

В Охотске уже в середине XVIII в. действовали су-доверфь, соеваренный (до 1836 г.) и кирпичный заводы, на которых широко использовался труд каторжан. «В виду того, что Охотск был единственным русским портом на Востоке, — писал Б. В. Давыдов, — он занимал важное место, так как в те времена русские еще не пользовались кругосветными морскими путями, а следовательно, через Охотск шло все снабжение как Камчатки, так и североамериканских владений России»³. В 1783 г. Охотск стал центром Охотской области и получил статус города. В 1790 г. ему был присвоен городской герб.

Первым правителем Российско-Американской компании был сподвижник Г. И. Шелихова А. А. Баранов, в 1804 г. основавший на острове Ситха Ново-Архангельск — столицу Русской Америки. Он организовал ряд экспедиций, в которых часто сам принимал участие, провел перепись коренного населения, изучал быт алеу-

¹ Русская тихоокеанская эпопея, с. 417.

² См.: Р. В. Макарова. Указ. соч.

³ Лоция побережий РСФСР Охотского моря... Владивосток, 1923, с. 480.

тов и индейцев, открывал школы для детей аборигенов. До сих пор следы русской культуры сохранились в географических названиях и фамилиях местных жителей, в их обычаях и языке¹. Это признают и современные американские исследователи.

Рядом с именами К. Соколова и Н. П. Трески, И. Евреннова и Ф. Ф. Лукина, В. И. Беринга и А. И. Чирикова, М. С. Гвоздева и И. Федорова, П. К. Креницына и М. Д. Левашова, С. Т. Пономарева и С. Г. Глотова, А. Толстых и Г. Л. Прибылова следует поставить и имя выдающегося русского ученого-гидрографа Г. А. Сарычева. Прибыв в Охотск 27 марта 1786 г. во главе отряда из 120 моряков, кораблестроителей и казаков, молодой офицер, «учиня все нужные распоряжения к построению судов», описал устья рек Охоты и Кухтуя. Вернувшись с Колымы, Сарычев в апреле 1789 г. спустился на байдаре из Охотска до залива Алдома, где неожиданно встретился с капитаном I ранга И. К. Фоминым, завершавшим съемку береговой черты от устья реки Уды до залива Алдома. В итоге этих исследований появился проект переноса порта из Охотска в бухту Алдома, куда предполагалось также провести тракт из Якутска. После работ Сарычева и Фомина, явившихся продолжением исследований А. Е. Шельтинга, М. С. Гвоздева и В. А. Хметевского, изображение линии юго-западного берега Охотского моря на картах стало более четким.

23 сентября 1789 г., выйдя из Охотска, Биллингс и Сарычев открыли скалистый пятачок суши в Охотском море, названный ими островом Ионы. Перезимовав на Камчатке, мореплаватели завершили описание Алеутских островов, а Биллингс позднее обследовал

¹ См. очерк Б. Стрельникова «И назвали поселок по-русски». («Правда», 3, V, 1978).

прибрежье Чукотского полуострова от Берингова пролива до Чаунской губы, высаживался на Аляске (у мыса Родней).

Г. А. Сарычев не только написал книгу о своих путешествиях, но и подготовил к изданию дневники начальника экспедиции Иосифа Биллингса. Позднее Сарычев стал адмиралом, министром и содействовал подготовке первых русских кругосветных экспедиций.

Однако в летопись Охотска вписаны дела и имена не одних только русских мореплавателей и исследователей. Охотские правители, именовавшиеся то главными командирами, то комендантами, то просто начальниками, пользовались бесконтрольностью со стороны вышестоящего начальства и допускали чудовищные злоупотребления и произвол. До сих пор, например, не выяснены обстоятельства смерти известного дальневосточного ученого-самородка Т. И. Шмалева, назначенного на должность охотского коменданта, но встреченного в Охотске говорил: «На небе бог, а в Охотске Кох»). Первый охотский комендант полковник Г. А. Козлов-Угренин (1784—1789) оказался не только жестоким деспотом, но и матерым хищником, разорившим эвенов Приохотья и коряков Камчатки. Не уступали ему и его приятелю Коху в стремлении к обогащению и всевозможные земские исправники, заседатели и комиссары.

² Значение Охотска как единственного порта России на Тихом океане предопределило перемены в его административном положении. Если в конце XVII — начале XVIII в. на Охотском побережье было два административных центра — Охотский и Удской остроги, подчиненных Якутску, то с образованием Охотского правления в 1731 г. в его ведении находились «побережья Охотского и Берингова морей, Анадырский край и Камчатский полуостров. Административным их центром являл-

ся Охотский острог. Руководство из него осуществлялось через систему крепостей и острогов, куда посылались приказчики...

В 1739 г. к Охотскому правлению был приписан Удский острог со всем своим большим округом, ранее подчинявшийся Якутску¹. Однако в 1773 г. Удской округ снова перешел в ведение Якутской воеводской канцелярии. В 1849 г. Приморское управление в Охотске было упразднено и Охотское побережье вошло в состав Якутской области, а Петропавловск стал центром Камчатской области. Однако в 1856 г., когда была создана Приморская область с центром в Николаевске-на-Амуре, Удской (с 1857 г.), Охотский, Гижигинский и Петропавловский округа перешли под начало приморского военного губернатора.

Со времени Камчатских экспедиций Беринга—Чирикова ожил Охотский тракт, связывавший Охотское побережье с Якутском. Штурман Бирев (1732), матрос Белов (1734) и капрал Уваровский (1736) с отрядами солдат и матросов проложили его по нагорьям, топким болотам и через бурные горные реки.

Выйдя из Охотска, путешественники поднимались по сухопутному тракту вдоль берега реки Охоты к эвенским стойбищам Кетанда и Юдомское, а оттуда спускались к якутскому поселению (впоследствии почтовой станции) Аллаха-Юнь. Дальше тропа вела вдоль берега рек системы Алдана в сторону Якутска. Другой путь—водный, или летний, — пролегал вверх по реке Урак, откуда сушей переходили в долину реки Юдомы, сплавливались вниз по этой реке и Мае и затем поднимались вверх по Алдану и Лене до Якутска.

Доставка провианта и снаряжения в Охотск обходилась дорого. Из-за отсутствия свежих продуктов цинга

¹ Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., с. 28—29.

нередко уносила в могилу десятки и сотни жизней, опустошая небольшие северные селения. Вот почему уже первому главному командиру Охотского правления Г. Г. Скорнякову-Писареву вменялось в обязанность: «Приехав в Охоцк, иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножить, и хлеб завести и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охоцку казенной мяжкой рухляди и купецких людей с товарами и для других потреб зделать...»¹.

В 30-х годах XVIII в. по тракту и в окрестностях Охотска были поселены сибирские крестьяне. В ста верстах к северу от Охотска, на правом берегу реки Ини, обосновалось десять семей, положивших начало деревне Иня (теперь колхоз «25-е Октября»). Однако их опыты хлебопашества из-за суровой и долгой зимы и крайне сырого лета не удались, и крестьяне занялись рыболовством и охотой наравне с эвенками. Зато занятие скотоводством оказалось более выгодным, и накануне Великого Октября в селе Иня насчитывалось уже до 30 дворов с населением не менее двухсот человек.

Попытки распространить земледелие на Охотском побережье непрестанно предпринимались вплоть до начала XX в. Однако уже в 1829 г. стало ясно, что решить эту проблему за счет принудительного переселения ссыльных не удастся. К тому же крестьяне-переселенцы не имели стимула для развития своего хозяйства: значительная часть урожая, полученного дорогой ценой, подлежала обязательной сдаче в казну, а исполнение многочисленных трудовых повинностей отвлекало их от земледелия. Со временем многие крестьяне возвратились в свои родные места или ушли на Амур. На станциях тракта остались лишь отдельные русские семьи и

¹ Русская тихоокеанская эпопея, с. 160.

якутские ямщики. Вместе с эвенками и эвенками они продолжали мужественно осваивать край.

Служащий Российско-Американской компании А. И. Марков, в 40-х годах XIX в. проезжавший по Охотскому тракту, писал: «Что сказать о пассажирах? Это страдальцы в полном смысле слова. Особенно нельзя без жалости смотреть на тех, которым еще в первый раз приходится ехать верхом. Тут начинают они сильно раскаиваться в своей решимости. Пешком идти препятствуют болота и реки, а об объезде на телеге и думать нечего».

Такую же картину нарисовал чиновник И. Булычев в своей книге «Путешествие по Восточной Сибири» (ч. 1, СПб., 1856): «Дорога из Якутска в Охотск пролегает по безлюдному, болотистому и гористому пространству... Путь этот совершается двояко: летом на лошадях верхом; зимою на лошадях же, но в повозке до Алданской станции; далее на оленях, частью верхом, частью на саях; и наконец, верст за 250 от Охотска запрягают собак в нарты. Переезд... сопряжен с невероятными препятствиями и затруднениями... местность большею частью неровная, гористая, пересекаемая реками, на которых нет ни мостов, ни переправ. Далее должно объезжать необозримые болота и тундры...»¹.

И все-таки сообщение по Охотскому тракту поддерживалось. Долгое время по нему переправлялись огромные грузы пушнины, добытой в Русской Америке, а из Сибири и центральных районов России на Камчатку, Аляску и Алеутские острова доставлялись продукты питания, снасти, железные и другие изделия.

Но уже в 40-х годах XIX в. правление Российско-Американской компании решило подыскать более удоб-

¹ Цитир. по: Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958, с. 19—20.

ную, чем Охотск, гавань для морских судов и другой, менее трудный, чем Охотский, путь в Якутск с Охотского побережья.

Проект И. К. Фомина в свое время реализован не был, и в 1822—1823 гг. прапорщик корпуса флотских штурманов Д. Шилов вместе с управляющим Охотской факторией Российско-Американской компании Ленже обратил внимание властей на более удобное положение Аянской бухты и предложил перенести туда факторию. Новый управляющий факторией В. С. Завойко добился в 1841 г. одобрения проекта. В следующем году служащему Российско-Американской компании Д. И. Орлову было поручено обследовать Аянскую бухту и изыскать кратчайший путь оттуда в Якутск. Д. И. Орлов блестяще справился с заданием.

В 1844 г. на берегу Аянского залива застучали топоры и запели пилы плотников, и вскоре в зеркале тихой бухты отразились очертания складов фактории, казарм рабочих и бани. Одновременно благоустраивался новый тракт, по которому уже летом 1845 г. прибыли товары из Якутска. В Аян перебрался и управляющий Охотской факторией капитан-лейтенант В. С. Завойко.

В июле 1845 г. Аян посетил известный исследователь Охотского побережья, Курильских островов, Камчатки и Аляски И. Г. Вознесенский, сделавший зарисовку Аянского залива и нового порта. Вот как описывает этот рисунок Е. А. Бломквист: «Среди леса, у подножия высокого лесистого холма, разбросаны деревянные здания Российско-Американской компании, крытые тесом: в центре дом начальника порта и контора — здание больше 17 сажен длины, с передним прирубом и высоким мезонином с полуциркульным окном (всего 12 окон по фасаду); по бокам его — четыре дома по 6 сажен длины, с двускатной крышей и мезонином, о шести окнах по фасаду каждый (один из них — больница, другой —

дом священника); на переднем плане — три небольших домика с четырехугольной крышей, остов строящейся хозяйственной постройки, какая-то служба справа (бани?), поодаль справа же — крохотная церквушка, с алтарным прирубом и одной приземистой главкой»¹.

В середине августа Вознесенский вместе с Завойко совершил поездку в Алдомскую бухту и затем поднялся вверх по реке Алдоме до устья реки Людога. По пути они осмотрели место, где Фомин в конце XVIII в. предполагал строить новый порт. Побывал Вознесенский и на строящемся тракте из Аяна до Нелькана. «11 сентября путешественники достигли цели — р. Мая. Перебравшись на другой берег, они оказались в урочище Нелькан. Здесь было малоллюдно, стояли лишь провиантский амбар и несколько домиков, среди которых выделялся дом смотрителя»².

Чтобы обжить новый путь, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в 1851 г. распорядился заселить его сибирскими крестьянами. Переселенцам были обещаны льготы (освобождение от податей, повинностей и от воинской службы на 20 лет), и это обеспечило успех дела. Уже в 1852 г. на Аянский тракт переселились 102 семьи, состоявших из 323 душ мужского и 266 душ женского пола, включая детей.

Ф. Г. Сафронов, много лет занимающийся проблемами освоения русскими крестьянами Якутии и Приохотья, пишет: «Не пропали даром усилия и по заселению Охотского побережья. Здесь как и на Камчатке, появились русские населенные пункты, часть которых на протяжении XVIII—XIX вв. служила важными транзитными базами, связывающими Россию с Тихим океаном. А успеш-

¹ Цитир. по: А. И. Алексеев. Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977, с. 89.

² Там же, с. 91.

ные опыты хлебопашества на берегах Май были переняты местным тунгусским населением, часть которого, постепенно расставаясь с бродячим образом жизни, переходила на оседлость»¹.

В списках и реестрах переселенцев тех лет упоминаются крестьяне Бушковы, Березовские, Протодьяконовы и Сукневы. Любопытно, что эти фамилии и поныне распространены в селениях Усть-Майское, Нелькан, Иня, Булгино и других. Однако значительная часть крестьян-переселенцев недолго прожила на Аянском тракте. Когда началось освоение Приамурья и Приморья, они подались в эти края и тракт снова запустел.

После «продажи» Русской Америки и ликвидации Российско-Американской компании Аян оказался на отшибе, как и Охотск. Снабжение Камчатки шло теперь через Николаевск-на-Амуре, а позднее через Владивосток.

Участник экспедиции П. А. Сикорского Я. В. Стефанович, в 1894 г. побывавший в Аяне, писал, что в поселке в то время проживало до 40 человек, но внешний вид его «свидетельствует о его сравнительно еще недавнем благоустройстве. Разбросанные в беспорядке аккуратные домики с высокими красными крышами из деревянной американской черепицы; стройная кокетливая церковка; на берегу прочно сложенные красивые и вместительные пакгаузы»².

Стефанович обратил внимание на то, что земледелие в зоне тракта «начинает занимать все более и более значительное место. По сообщениям, полученным нами из разных источников, нет тунгусского семейства, которое не сеяло бы хоть полпуда хлеба, а есть посевы в

¹ Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край, с. 124.

² Я. В. Стефанович. От Якутска до Аяна, — «Записки Восточносибирского отдела имп. Русского Географического общества», т. II, вып. 3. Иркутск, 1896, с. 124.

20 п. и в 50 п.» Он же отметил наличие у тунгусов лошадей и рогатого скота¹.

По подсчетам П. А. Сикорского, строительство колесной дороги из Аяна до Нелькана должно было обойтись не менее чем в 345 тыс. руб. И этому проекту также не дано было осуществиться. Однако жизнь заставила власти в 1910 г. снова заняться решением проблемы строительства дороги через хребет Джугджур. В 1911 г. Аянский тракт был обследован экспедицией Маркграфа, подтвердившей рекомендации экспедиции Сикорского. Реализация этого проекта должна была обойтись казне уже в 2,5 млн. руб. В следующем году изыскания вело Амурское водное управление...

Так и остался Аян без надежных путей сообщения с Якутском. И лишь в наши дни появилась надежда пробить брешь в барьере Джугджура и проложить современную автостраду с Охотского побережья в глубь «материка». Несомненно, этот «транспортный коридор» сыграет большую роль в развитии производительных сил Приохотья.

Намного меньшим было значение Удского пути, соединявшего Удское острог с Якутском. «Партия служилых людей, выйдя из Якутска в июле или августе, преодолевала трудный путь по течению Амги, Алдана и Учюра, откуда, перевалив через горные хребты, попадала в долину Уды»².

В 1829 г. в Удском, являвшемся центром обширного уезда, проживало 108 русских и якутов, были церковь, около 30 домов, два магазина. Однако трудности перевозок грузов из Якутска в Удское и обратно сказались на судьбе как Удского тракта, так и самого острога.

В районе Удского острога также предпринимались

¹ Там же.

² Н. Ф. Демидова. Указ. соч., с. 215.

попытки принудительного насаждения земледелия, поскольку считалось, что здесь гораздо теплее, чем в Охотске или Аяне. В 1735 г., например, в окрестностях Удского было поселено 10—12 семей ленских крестьян, снабженных казной, рогатым скотом, семенами и сельскохозяйственным инвентарем. Однако хлеба в долине Уды не вызревали, а 11 десятин, засевавшихся жителями села Подпашенного, вблизи Удского острога, не могли прокормить самих крестьян. Жили они в основном за счет охоты и рыбной ловли.

С конца XIX в. стал известен еще один путь в глубь «материка» — Ольско-Колымский тракт, проложенный в 1893 г. казаком Петром Калининским из Средне-Колымска до Олы и обратно. Спустя 10 лет на правом берегу реки Колымы поднялся большой столб с надписью: «Ольско-Колымский путь открыт в 1893 г. Калининским Петром Николаевичем и его женой Анисьей Матвеевной. Поставлен в 1903 году, мая 25 дня»¹. Довольно подробное описание этого пути дал в 1894 г. охотский окружной начальник С. А. Херсонский².

В период русско-японской войны, когда снабжение Колымского края со стороны Приморья почти прекратилось, из Иркутска в Якутск и Средне-Колымск был командирован уполномоченный Министерства внутренних дел, впоследствии видный ученый С. А. Бутурлин. В своем отчете, опубликованном в 1907 г., он изложил интересные сведения о жизни и быте якутов, юкагиров и эвенов.

Однако мы несколько опередили развитие событий и ничего не сказали о значении Охотска и Аяна в успешном завершении работ Амурской экспедиции Г. И. Не-

¹ Теперь этот столб находится в Магаданском краеведческом музее.

² С. А. Херсонский. Ольско-Колымский путь. Владивосток, 1905.

вельского (1849—1855). Именно охотские казаки и матросы помогали Невельскому строить Петровское зимовье в заливе Счастья, а затем и будущий Николаевск-на-Амуре. Из Аяна Амурская экспедиция получала все необходимое для ее деятельности. В Охотске и Аяне начался дальневосточный период биографии В. С. Завойко, будущего организатора обороны Петропавловска-Камчатского от англо-французов¹.

В Аяне неоднократно бывал Н. Н. Муравьев. Именно здесь осенью 1849 г. Г. И. Невельского доложил ему о том, что Сахалин — остров, а устье Амура доступно для судоходства. Муравьев одним из первых оценил историческое значение открытий Невельского и приложил много усилий для закрепления за Россией Приамурья.

Заброшенный после переноса фактории Российской-Американской компании из Охотска в Аян, а порта — в Петропавловск-Камчатский, Охотский тракт снова «ожил» в 1909 г., когда началось строительство телеграфной линии из Якутска в Охотск. В 1911 г. в Охотске, Наяхане и Анадыре вошли в строй довольно мощные двухмачтовые радиотелеграфные станции, связавшие Приморье и Приамурье с Северо-Востоком России, а Чукотку и Приохотье — еще и с Якутском и Иркутском.

Строительством телеграфа руководил инженер Р. Зоненбург, в 1909 г. дважды побывавший на Охотском побережье. В книге «Из Якутско-Охотского края» он писал: «Порученная мне в текущем году постройка телеграфной линии от Якутска до Охотска требовала моего личного присутствия в этом далеком малоизвестном краю в течение продолжительного времени. Путь, по которому проложена телеграфная линия, мне приш-

¹ См. об этом: А. И. Алексеев. Дело всей жизни. Книга о подвиге адмирала Г. И. Невельского. Хабаровск, 1972.

лось посетить и зимою, и летом при различных условиях жизни и продвижения в дикой северной тайге»¹.

Сам тракт в это время уже не являлся дорогой государственного значения. Доставка почты полностью перешла в руки богатых якутов братьев Сивцевых.

Исследования Охотского моря, успешно начатые русскими мореходами в середине XVII—XVIII вв., были продолжены в XIX в. В 1865—1870 гг. гидрографией Охотского, Японского и Берингова морей много занимался известный ученый К. С. Старицкий, работы которого позволили уточнить карты этих морей. 8 января 1898 г. была организована специальная гидрографическая экспедиция Восточного океана, начальником которой стал М. Е. Жданко. Позднее этот пост занял Б. В. Давыдов. В 1915 г. была завершена опись Пенжинской губы, юго-западного побережья Охотского моря и района Шантарских островов.

В 1896—1898 гг. на Охотском побережье работала экспедиция горного инженера К. И. Богдановича, ранее проводившего исследования в зоне Транссибирской магистрали. Участник экспедиции доктор Н. В. Слюнин писал в 1900 г.: «Центром управления считается Охотск, бывший многолюдный и шумный порт для зарождавшегося тогда мореплавания... Трудно себе представить картину печальнее той, какую имеют окрестности этого злополучного порта. Поблизости самого Охотска нет ни пресной воды, ни какой бы то ни было растительности»². Слюнин с горечью заключал: «На монотонном фоне... истории Охотско-Камчатского края одно ясно вырисовывалось, что край постепенно клонился к упадку; средства к жизни истощались, культура и образование не

проникали сюда, а торговля по-прежнему лежала тяжелым гнетом на инородце»¹.

Не менее ценны в научном отношении и другие труды Слюнина: исследование «Современное положение нашего Дальнего Востока», увидевшее свет в Петербурге в 1908 г., и его же этнографическая карта Охотско-Камчатского края, опубликованная в 1900 г., одновременно с двухтомным трудом.

Однако ни Н. В. Слюнин, ни автор книги «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» А. А. Прозоров, сетовавший, что северо-восточные окраины «прозябают и замирают с вымирающим населением, причем большая доля богатств края уже расхищена американскими шхунами, которые, не дожидаясь основательного изучения промыслов, безнаказанно хозяйничают по всему Северо-Востоку Сибири...»², не видели реальных путей выхода из кризиса и предлагали лишь положить конец экспансии иностранного капитала.

Книга журналиста А. П. Сильницкого «Поездка в северные округа Приморской области», изданная в Хабаровске в 1902 г., как бы подводила итоги недалекой политики самодержавия на Северо-Востоке. По его мнению, местные чиновники, пользуясь бесконтрольностью, «то по ненастной алчбе корысти, то по недомыслию» вот уже два века разоряют северный край. «Этот уголок, заброшенный, предоставленный самому себе, живет своеобразною жизнью; жизнь в нем не бьет ключом, как в южных частях Приморского края, а тлеет, и никто не заботится, что будет из этой неугасшей, но предоставленной угаснуть искры»³.

¹ Там же, с. 92.

² А. А. Прозоров. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902, с. 387.

³ А. Сильницкий. Поездка в северные округа Приморской области. Хабаровск, 1902, с. 180. Наблюдения этого дальневосточ-

¹ Р. Зонненбург. Из Охотско-Камчатского края. Путевые впечатления с постройки охотского телеграфа. Иркутск, 1910, с. 1.

² Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. 1, СПб., 1900, с. 432.

Следует сказать, что большинство авторов, писавших о положении народностей Охотского побережья накануне Великой Октябрьской социалистической революции, стояли на казенно-охранительных или буржуазно-либеральных позициях. Суть их выводов заключалась в следующем: немедленно усилить экономическое влияние России на Северо-Востоке, вытеснить оттуда американских, японских и прочих иностранных хищников; только в этом случае природные богатства Севера будут сохранены для России, а под защитой правительства приостановится экономическая и культурная деградация аборигенов. Последнее обстоятельство принималось во внимание лишь в той мере, в какой оно касалось интересов казны.

* * *

Тема иностранной экспансии на Северо-Востоке России достаточно освещена в советской исторической литературе. Отметим здесь такие капитальные труды, как «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895» академика А. Л. Нарочницкого, «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг.» С. С. Григорьевича, «Портсмутский мирный договор» Л. Н. Кутакова, «Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г.», кн. 1 и другие. Сравнительно недавно, в 1975 г., в Новосибирске издана монография Б. И. Мухачева «Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР», в 1980 г. в Хабаровске опубликована книга В. А. Рим-

ного журналиста позднее нашли подтверждение в книгах Н. Калининкова «Наш Крайний Северо-Восток» (СПб., 1912), Б. Горовского «Забывтые русские земли» (1914), Д. А. Архангельского «По Дальнему Востоку» (Хабаровск, 1913).

ского-Корсакова «Балтика — Амур», где приведены свидетельства современника об активизации деятельности американских китобоев и торговцев на Тихом океане в середине XIX в.

Как явствует из источников, особенно «полюбились» заморским хищникам Шантарские острова, еще в первой половине XVII в. открытые русскими первопроходцами и обследованные ими в начале XVIII в.

Командир русского корабля капитан-лейтенант Кадников, задержавший в 1842 г. судно американских браконьеров, доносил правлению Российско-Американской компании: «В шантарских водах нынче американцы распоряжаются если не так, как дома, то так, как в покоренной ими стране: жгут и рубят леса, бьют и китов, торгуют с тунгусами мехами, оленями...»¹

Флотилия американца Ройса за один сезон, например, добыла 206 850 бочек жира и 2481 тыс. фунтов китового уса. В среднем годовой доход китобоев, занимавшихся браконьерством в русских дальневосточных водах, составлял 8 млн. дол.

За тридцать лет (1873—1903) американские браконьеры вывели с Чукотки и Камчатского побережья китового жира и уса на сумму почти 107,5 млн. руб. золотом, а в 1917—1922 гг. — на 27 млн. руб.² Кроме того, американские дельцы вместе с японскими, спаивая аборигенов, получали на полмиллиона золотых рублей пушнины ежегодно³.

Меры, принимавшиеся царским правительством, были неэффективными. Только в одном 1846 г. в водах Бе-

¹ Цитир. по: А. И. Алексеев. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 134.

² Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке, вып. 1. Чита, 1924, с. 27.

³ За тридцать лет (1853—1884) у русских берегов побывало более 2300 американских судов. Настоящее нашествие!

рингова и Охотского морей вели незаконный промысел до 500 американских судов¹.

Особенно усиливалась экспансия США на Дальний Восток в годы Крымской (Восточной) войны, в период, последовавший после «продажи» Аляски и Алеутских островов, а также после русско-японской войны 1904—1905 гг. Многочисленные факты нарушения суверенитета России на Северо-Востоке вынудили царизм в 1909 г. выделить Камчатку вместе с Охотским побережьем из состава Приморской области. Губернатор вновь образованной Камчатской области наделялся правами по пресечению иностранного проникновения на Северо-Восток.

Значительно увеличилось количество рейсов из Владивостока на Камчатку, Охотское побережье и Чукотку, следовательно, возросли масштабы торговой деятельности русских капиталистов. По сведениям купца А. И. Караева, торговавшего на Чукотке, перед революцией на полуостров доставлялось из Владивостока до 3500 т продовольствия и различного снаряжения. С 1911 г. заходы русских пароходов на Чукотку и Колыму стали регулярными.

Для борьбы с заморскими хищниками царское правительство ввело стоверстную зону вдоль побережья Берингова и Охотского морей, куда иностранные золото-промышленники не допускались.

Однако эти нововведения не изменили, да и не могли изменить обстановку в целом. Царское правительство оказалось неспособным защитить природные богатства Северо-Востока и его население.

Если в начале XX в., по данным В. Г. Тана-Богораза,

¹ См.: Б. П. Полевой. Экспедиция Е. В. Путятина и ее задачи, — в кн.: В. А. Римский-Корсаков. Балтика-Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980 с. 373.

ежегодный торговый оборот американских китобоев на Северо-Востоке России составлял всего 200 тыс. руб., то накануне Великой Октябрьской социалистической революции в руках иностранных коммерсантов было сосредоточено уже 90 процентов всех торговых операций¹.

Однако эти прибыли уже не удовлетворяли американских дельцов. В начале XX в. французский инженер Лойк де Лобель, представлявший интересы крупного американского синдиката, выступил с проектом строительства железной дороги от города Канска до мыса Дежнева и дальше через Берингов пролив на Аляску. Особенно интересовали его районы Приохотья, это «новое Эльдorado», воспетое еще в начале 90-х годов американским проспектором Ч. Пюрингтоном. Кстати, исследования горного инженера С. Л. Бацевича в районе Гижиги не подтвердили «пророчеств» Пюрингтона. И все же Лойк де Лобель «пустил» железнодорожную ветку на Охотск.

Известный советский писатель и изыскатель А. А. Побожий так оценивал этот «проект»: «Решая технические вопросы изысканий, мы еще раз убедились, до чего авантюристичными были предложения Лойк де Лобеля и его хозяев, американских финансистов, провести железную дорогу из Сибири на Аляску. Очень вероятно, что когда-нибудь такая дорога и будет построена, но строить ее будет наше государство, используя преимущества социалистического строя, применяя новейшую технику, свои огромные и всевозрастающие ресурсы»². Реально американский синдикат, созданный для реализации «проекта» Лойк де Лобеля, преследовал единственную цель:

¹ Б. И. Мухачев. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920). Новосибирск, 1975, с. 65.

² А. А. Побожий. БАМ: Сказание о первых просеках. Хабаровск, 1975, с. 196.

получить право на ограбление недр Северо-Востока Сибири. Общая площадь территории, подлежащей отчуждению в интересах крупного американского капитала, превышала 275 тыс. квадратных верст.

Потерпев неудачу с «проектом» Лойк де Лобеля, американские дельцы в годы гражданской войны предлагали колчаковцам построить морской порт в Аяне и соединить его железной дорогой с Камчаткой, Чукоткой, Якутском и Хабаровском¹. Одновременно с крушением режима колчаковской диктатуры рухнули и эти планы расширения масштабов американской экспансии на Севере Дальнего Востока.

С каждым годом усиливалась экспансия японского капитала. По свидетельству инженера Р. Зонненбурга, в начале XX в. в Охотск ежегодно приходило более двадцати японских шхун, каждая из которых брала в трюм до 60 тыс. пудов рыбы².

В годы русско-японской войны 1904—1905 гг. японские солдаты высадились в Охотске. Глумясь над русскими людьми, начальника уезда Попова они нарядили в балахон и поставили под ружье, а над школой подняли японский флаг³. Опасаясь реакции правительства США, ревниво следившего за действиями японцев на Северо-Востоке, самураи тогда же, в августе 1905 г., покинули Охотск.

По условиям конвенции 1907 г., подписанной после заключения Портсмутского договора 1905 г., японские рыбопромышленники получили в аренду на Охотско-Камчатском побережье в том же году 74 участка, в

¹ С. С. Григорьевич. Роль США и Японии в проведении интервенции на советский Дальний Восток, — Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958, с. 189.

² Р. Зонненбург. Указ. соч., с. 70.

³ А. Мейселеман. Очерки Охотско-Камчатского края. М., 1931, с. 123—124.

1909 г. — 169, в 1912 г. — 197, а в 1918 г. они самовольно захватили уже 320 участков. Связанные с японским капиталом местные дельцы помогали им в ограблении природных богатств Охотского моря.

Особенно усердствовали в этом шестеро братьев Сивцевых, поселившихся близ Охотска в местечке Новое Устье в конце прошлого века. Разбогатеv, эти якутские кулаки подчинили себе обедневших сородичей и смело пустились во всевозможные аферы¹. Немалые доходы приносило им также посредничество между японскими рыбопромышленниками и местным населением.

Охотский уездный начальник Осмоловский еще в 1909 г. запрашивал у камчатского губернатора разрешения на высылку Сивцевых с побережья за хищническую ловлю рыбы на нерестилищах. Осмоловскому вторил рыбопромышленник П. А. Орлов: «Сивцев (имеется в виду старший Сивцев, Иван Гаврилович. — А. Ф.) работает чисто на японские деньги, и за скупленную рыбу платят жителям японцы. Сивцев за эту комбинацию получает от японцев награды... Сивцев является только подставным лицом японцев»². Однако справиться с зарубежными и местными хищниками царские власти не могли, да особенно к этому и не стремились.

С вступлением России в период империализма еще более ухудшилось положение коренных народностей Охотского побережья, подвергавшихся усиленной эксплуатации не только со стороны царских чиновников и русских и иностранных монополий, но и, в скрытом виде, со стороны родовой верхушки и богатых оленеводов. Однако, хотя патриархально-родовые отношения

¹ Р. Зонненбург. Указ. соч., с. 2. Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 1005, оп. 5, д. 432, л. 270—271.

² Там же, л. 93.

у эвенов и эвенков находились в стадии разложения, в начале XX в. этот процесс у них еще не завершился.

Северяне страдали от голода и болезней, детская смертность на побережье была очень велика. Экономическая и культурная отсталость, политическое бесправие поставили их на грань хронической депрессии.

В 1915 г. в Охотском уезде проживало 5163 чел., в том числе русских — 783. Из 4374 чел. эвенов и эвенков кочевой образ жизни вели 3432 чел. Все северяне были приписаны к 30 родам и занимались в основном оленеводством и охотой. В Удском уезде было 5 родов, насчитывавших более 1260 чел. В Гижигинском уезде обитало 6430 чел., из них кочевых эвенов и коряков 3881 чел. Приблизительно такое же количество населения сохранялось здесь и к началу советской эры.

* * *

О том, что Охотское побережье перспективно для поисков золота, стало известно еще в первой половине XIX в. Проезжая берегом реки Охоты в 1829 г., немецкий путешественник Эрман случайно поднял золотой самородок. Взволнованный немец немедленно нанял рабочих и стал бить шурфы, но фортуна, улыбнувшись было ему, тут же от него отвернулась. Впоследствии оказалось, что основной шурф Эрмана находился всего в пяти метрах от золотой жилы, которая была открыта рабочими в 1919 г.

В 1856 г. агроном Ленже, проводивший исследования на Охотском побережье, обнаружил золото в бассейне реки Ульи. Позднее, в 70-е и 90-е годы XIX в., в Приохотье разведку месторождений золота вели геологи П. Д. Баллод и К. И. Богданович. Однако искра, от которой запылали страсти множества авантюристов, была высечена во время строительства телеграфной и

телефонной линии Охотск — Якутск. Воспользовавшись открытием своих рабочих, инженер В. А. Фогельман по совету земляка — морского офицера Роберта Камдрона, волею судеб оказавшегося в то время в Охотске, застолбил 149 золотоносных площадей и участков и приступил к их разработке.

Спустя два года, в самом начале 1914 г., Фогельман основал акционерное общество «Торговый дом П. И. Кольцов, В. А. Фогельман и К°», основными участниками которого явились «сын купца Петр Иванович Кольцов, либавский мещанин Виктор Александрович Фогельман и мичман запаса Лев Семенович Багров»¹. По условиям договора владивостокский купец Кольцов имел 48 паев, Фогельман — 50. Компания была организована «для ведения всякого рода горного, в том числе золотого и платинового, промысла в Восточной Сибири».

«Полные товарищи» Кольцов и Фогельман жили, однако, очень недружно. Фогельман передал «торговому дому» далеко не все застолбленные участки, и после долгой тяжбы 24 апреля 1919 г. был заключен новый договор.

В 1914 г. под Охотском уже насчитывалось пять крупных приисков: «Петроивановский», «Рассвет», «Благодатный» (или «Золотой»), «Кооперативный», «Варваринский» («Немкин») — и до десятка небольших, большинство которых принадлежало В. А. Фогельману.

В 1915—1917 гг. оборотистые «товарищи» добыли на охотских приисках 25,8 пудов золота², а в 1919—1921 гг. — уже около 200 пудов³. Перед соблазном легкой и быстрой наживы не устояла и такая опытная хищ-

¹ ЦГАДВ, ф. 1194, оп. 1, д. 234, л. 8.

² ЦГАДВ, ф. р. — 4328, оп. 1, д. 164, л. 51.

³ ЦГАДВ, ф. р. — 28, оп. 1, д. 72, л. 4.

ница, как купчиха А. А. Бушуева, о чем еще в 1911 г. доносил во Владивосток начальник Охотского уезда Осмоловский. Убеждая власти разрешить Бушуевой добычу золота, Осмоловский писал, что «в самом г. Охотске и других пунктах вверенного уезда она имеет торговлю и недвижимую собственность. В материальном отношении она принадлежит к самым состоятельным личностям уезда и, располагая средствами, имеет полную возможность без посторонней денежной помощи заняться поисками и разведкой золота и других ископаемых»¹.

Позднее, разбогатеv и став купчихой первой гильдии, А. А. Бушуева все приисковые дела поручила вести управляющему А. М. Тютрюмову, а сама занялась скупкой пушнины у эвенов и эвенков побережья.

В те же годы золотопромышленник Э. Г. Кросс засталбил 93 участка по рекам Ульбея, Иня, Кухтуй и Гусинка, а чуть попозже перепродал их американцу Ч. В. Пюрингтону, организовавшему в Лондоне акционерное общество «Аянская корпорация». Эта корпорация только в документах именовалась «аянской» или «охотской», а на самом деле она была англо-американской.

Геологическая экспедиция, во главе которой стал Честер Пюрингтон, пришла к чрезвычайно оптимистическому выводу: «Если взять в качестве центра Охотск и провести круг радиусом в 112 км, то внутри его все речки и ручьи, подвергавшиеся разведке, окажутся золотоносными»². По мнению Пюрингтона, «на азиатском берегу Тихого океана между 58 и 60° северной широты расположена почти нетронутая <...> золотоносная

страна, которая, благодаря росту мореплавания... в течение немногих лет сделается экономически важной»¹. При этом американский делец ссылался на данные исследований русских геологов П. А. Казанского, работавшего на Охотском побережье около двух лет, и Л. Флорова.

Не отставала от Фогельмана, Пюрингтона и Бушуевой и фирма «Торговый дом братьев Люри», застолбившая 140 участков по рекам Ульбея, Марекан, Кухтуй и Охота. Братья Люри считали себя «хозяевами» рыбной и золотой промышленности на Нижнем Амуре, но и охотское золото принесло им немалые барыши.

На многочисленные прииски с каждым годом все больше нанималось рабочих. Подвергаясь безудержной эксплуатации со стороны капиталистов, они все смелее выступали в защиту своих прав. Немало бродило по побережью и «вольных» старателей, однако в конце концов крайняя нужда загоняла их в кабалу к кольцовым, фогельманам, тютрюмовым.

Старому Охотску было ведомо все, что выпало на долю Клондайка или Аляски: картеж, пьянство, драки, убийства. Исследователь алдано-майских и приохотских эвенков В. Н. Васильев писал о тех временах со слов старателей: «Совсем недавно Охотск гремел <...> содержанием имеющихся и теперь близ него золотых приисков. Рассказывают, что рабочие-старатели намывали чуть не до двенадцати фунтов (4,9 кг) золота в месяц на человека. Бешеное золото развилось во всем населении не только самого Охотска, но и во всем районе, до тунгусов включительно, крайний ажиотаж, взвинтивший, в связи с недостатком в то время товаров, невероятные цены на все. Так, 16 кг муки покупалось по 50 г золота, бутылка спирта — по

¹ ЦГАДВ, ф. 802, оп. 2, д. 228, л. 97.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 372, оп. 2, д. 103, л. 249.

¹ Там же, л. 250.

85—105 г... При развившейся игре в карты золото ставилось и проигрывалось чашками...»¹

И все же не прожигатели жизни и любители «фарта» составляли большинство охотских горнорабочих. Среди них было немало революционно настроенных бодайбинских рабочих. Скрывавшийся от преследований полиции на охотских приисках Г. А. Батенков, бывший бодайбинец, в 1916 г. пытался организовать забастовку. Для начала Фогельману было решено предъявить требования «увеличения зарплаты, сокращения рабочего дня до 8 часов и улучшения жилищных условий для рабочих, снижения цен на продукты питания...»² Полиция каким-то образом узнала о намерениях рабочих и арестовала Батенкова.

Большим уважением среди горняков пользовался К. Я. Панин, известный им под нелегальной фамилией Калина. Был он родом из Белозерского уезда Новгородской губернии, принимал участие в революционном движении. После побега из тюрьмы ему удалось добыть паспорт на имя крестьянина Якова Калины и уехать в Николаевск-на-Амуре, где он некоторое время работал в ремесленной школе, пока не решил податься в самую глушь — на охотские золотые прииски. Вместе с Батенковым Панин готовил рабочих к предстоящей борьбе.

Осенью 1915 г. в Охотске появился латыш В. П. Бертин. Несмотря на молодость, он был уже закалённым борцом, прошедшим школу первой русской революции. Романтик по натуре, Бертин заинтересовался слухами об оживлении, царившем на побережье, и не задумываясь поехал, как сам признавался, «к черту на кулич-

¹ В. Н. Васильев. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926—1928 годах. Л., 1930, с. 39—40.

² ЦГАДВ, ф. р. — 3770, оп. 1, д. 3, л. 59.

ки». Едва он успел завязать связи с революционно настроенными рабочими приисков, как вскоре был призван на службу в армию.

Вместе с Батенковым и Паниным в стачечный комитет вошли еще двое рабочих — Михаил Григорьевич Шиманчик и Михаил Константинович Попов.

Союзниками охотских горнорабочих выступали рыбаки, особенно беднейшая их часть, работавшая по найму у рыбопромышленников И. Ф. Соловья, П. А. Орлова, братьев П. Д. и В. Д. Рябоконь, П. В. Плюснина и других.

Нешадно эксплуатировались дельцами и эвены, эвенки и якуты. Скупая золото, пушнину и рыбу в обмен на продукты питания, дельцы всех мастей ради наживы не брезговали ничем.

В 1907 г. советник приамурского генерал-губернатора Ф. Ф. Сомов в своем отчете вынужден был признать: «Все стремления коммерсантов северных уездов, в том числе и охотских, направлены к тому, чтобы продать товар по возможно большей цене. Алчность их в этом направлении не имеет границ. Когда п/х «Енисей», на котором должна прийти крупчатка, в Охотск не зашел, Бушуева и Богданов прекратили продажу имевшихся у них запасов ее, а... заявили, что будут продавать ее вместо 3 р. 60 к. по 10 руб. за кулек»¹.

В годы первой мировой войны положение трудящихся на Охотском побережье заметно ухудшилось, социальные противоречия между горнорабочими и капиталистами достигли особой остроты.

Революционно-освободительное движение на Северо-Востоке развивалось «в чрезвычайно сложной, специфической обстановке, — отмечает Б. И. Мухачев, — в условиях отсутствия промышленного пролетариата и первое

¹ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 562, л. 7.

время — большевистских партийных организаций, преобладания среди населения малых народов, общественный строй которых был переходным к классовому, в условиях близкого соседства с империалистическими державами — США и Японией, вынашивавшими экспансионистские планы в отношении этой территории; в условиях крайней оторванности края от центральных районов страны и Дальнего Востока»¹.

И все же Охотское побережье отнюдь не являлось «островом», изолированным от общественной жизни России. В. И. Ленин указывал, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»². В этом ленинском положении — ключ к познанию диалектики общего, особенного и отдельного в историческом процессе на Севере Дальнего Востока. Своеобразие социально-политических условий на Охотском побережье лишь придавало событиям «индивидуальную физиономию» (Г. В. Плеханов), но не могло изменить магистральное направление исторического развития этой части нашей страны.

¹ Б. И. Мухачев. Борцы за власть Советов на Камчатке, Петропавловск-Камчатский, 1977, с. 3—4.

² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

4 марта 1917 г. (по старому стилю) по Охотску электрической искрой пронесся слух о свержении царя. 8 марта горожане потянулись к радиостанции, откуда далеко окрест разносился громкий трезвон. Так уж издавна повелось: о пожаре, наводнении и о других событиях охотчан извещали звоном рельса.

Стихийно возник митинг. Долго и невнятно рассказывал помощник уездного начальника Павлов, слышавший либералом, о посягательствах «анархистов» на престол. Вторя ему, небезызвестный в Охотске капитан дальнего плавания и золотопромышленник Роберт Камдрон и мировой судья уговаривали население не волноваться и не устраивать беспорядков, но в голосе их не было прежней уверенности. Привыкшие чувствовать себя хозяевами жизни, связанные между собой круговой порукой, они понимали, что почва уходит из-под их ног, что все вокруг становится шатким и непрочным. Они не любили эту холодную каменистую землю, из которой до поры до времени им удавалось выкачивать баснослов-

ные прибыли, и с бешенством думали, что теперь придется лгать, изворачиваться, угождать «топне». Может быть, именно поэтому их голоса звучали ласково и вкрадчиво. Маневр удался: Павлов был избран комиссаром, а председателем уездного комитета общественной безопасности (КОБ) из пяти человек стал краснобай Роберт Камдрон. Однако вмешались горнорабочие, и под их нажимом помощником уездного комиссара был избран старатель Кирилл Яковлевич Панин.

Вся Россия всколыхнулась! Социальное недовольство трудящихся, их классовая ненависть прорвались наружу и от берегов Балтики до далекого Якутска везде и повсеместно устанавливалось двоевластие. Но на окраинах бывшей империи буржуазия чувствовала себя увереннее. В мае 1917 г. на общем собрании охотчан уездным комиссаром Временного правительства снова был выдвинут все тот же Павлов, а состав местного КОБа по указаниям из Петропавловска-Камчатского претерпел изменения.

Летом 1917 г. из Владивостока и Николаевска-на-Амуре на прииски и рыбалки Охотского побережья приехало много рабочих. Они принесли вести о революционных событиях в центре страны и на Дальнем Востоке, и под их влиянием горняки и рыбаки Охотского уезда потребовали отстранения уездного комиссара Павлова и комиссара Камчатской области Емельянова, бывшего члена царского окружного суда. Рабочие вынуждали КОБ улучшить снабжение побережья и пресечь спекуляцию продуктами питания и промтоварами. Рыбаки требовали ликвидировать рыбалки русских и иностранных капиталистов в устьях рек, в противном случае угрожая захватить промыслы. КОБ изворачивался, хитрил, прибегал к демагогии — и ничего не делал. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что Февральская буржуазно-демократическая революция не ре-

шила проблем, стоявших перед Россией. Буржуазия обманула народ и, стремясь сбить волну революционного подъема, переходила от политики широковещательных деклараций к политике неприкрытого террора. Обо всем, что происходило в Петрограде, Москве, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке, в Охотске узнавали с опозданием, но, как признавался позднее бывший председатель Камчатского областного комитета общественной безопасности А. А. Пурин, «события в крае стали быстро развиваться, и не было средств удержать их стремительного натиска»¹.

Действительно, социалистическая революция была неотвратима. О победе Великого Октября в Охотске узнали на третий день после падения Временного правительства, и горнорабочие сразу же заявили о поддержке Советской власти. А владельцы приисков, купцы, тунгусская и якутская верхушка забросали Петропавловск, Хабаровск и даже Петроград телеграммами о непризнании Совета Народных Комиссаров и его декретов.

О значении Охотска в революционных событиях 1917 г. на Северо-Востоке уполномоченный Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревкома В. А. Абрамов совершенно справедливо писал в 1925 г.: «Мне кажется, что г. Охотск очень мало отмечен в истории гражданской войны, а между тем сами события, развернувшиеся около Охотска в процессе гражданской войны, интересны уже потому, что они устанавливают сами по себе политическое, стратегическое и экономическое значение этого города»². К сожалению, охотский архив, в котором хранились документы о революционных выступлениях трудящихся зимой 1917/18 г., погиб в огне пожара, и все же

¹ «Вольная Сибирь», сб. II, Прага, 1927, с. 68.

² ЦГАДВ, ф. р. — 4455, оп. 2, л. 51, л. 235.

воспоминания участников тех далеких событий радиотелеграфиста Герасима Николаевича Корюкина, бывшего горнорабочего Павла Степановича Некрасова, Николая Александровича Юрпалова и других старожилы дают возможность хоть в какой-то мере восполнить этот пробел. Несомненно, триумфальное шествие Советской власти, о котором писал В. И. Ленин, захватило и Охотское побережье.

В марте 1918 г., когда Камчатский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов разослал по уездам области указание о ликвидации местных буржуазных комитетов общественной безопасности и создании Советов, контрреволюционное большинство Охотского уездного комитета высказалось против самороспуска. Но к этому времени политическая обстановка на побережье была иной, чем полгода назад. В феврале — марте 1918 г. на прииски Фогельмана из Бодайбо прибыли революционно настроенный счетовод Николай Николаевич Сергеев и предложил горнорабочим организовать здесь Совет рабочих депутатов. Став первым председателем его, Н. Н. Сергеев телеграфировал 10 мая 1918 г. Камчатскому областному Совету: «1 апреля на приисках Фогельмана образовался Совдеп, избранный всем населением приисков закрытой подачей голосов. Совет немедленно принял меры к осуществлению в уезде принципа «Вся власть Советам»¹.

18 апреля 1918 г. по требованию горнорабочих был избран уездный Совет из пяти депутатов во главе с К. Я. Паниным. Однако контрреволюционным элементам удалось протаскать в Совет свою креатуру — якутского националиста И. Г. Сивцева.

Братья Сивцевы, жестоко притеснявшие своих одноплеменников, уверяли их, что главные противоречия

сейчас не классовые, а межнациональные, и что лишь объединение в национальный союз поможет улучшить благосостояние якутов. Так называемый Совет Метоякутлуда, находившийся под их влиянием, дал директиву своему представителю в Камчатском областном Совете В. Г. Сивцеву бойкотировать все начинания Советской власти. Лишь позднее, летом 1918 года, когда в Охотск снова приехали с «материка» рабочие-сезонники, горнорабочим удалось изгнать Сивцевых из уездного Совета.

3 июля 1918 г. Дальсовнарком принял решение о национализации охотских золотых приисков с подчинением их Совету народного хозяйства Сахалинского облсовета, находившемуся в Николаевске-на-Амуре¹. Вскоре в Охотск прибыл уполномоченный областного Совета коммунист Георгий Николаевич Счастливец. Из-за противодействия Сивцевых совместной работы с Охотским уездным Советом ему наладить не удалось, и Счастливец перебрался в приисковый район, где был избран председателем профессионального союза горнорабочих (другое название его — горный коллектив). Под руководством Счастливецова горный коллектив провел национализацию, а управляющий Кузьмин вскоре был арестован вместе с Тютрюмовым и выселен из района приисков. У них было национализировано 7 пудов золота². Всего же в Хабаровск поступило около 20 пудов охотского золота.

Однако революционные преобразования на Дальнем Востоке были сорваны контрреволюцией. 29 июня 1918 г. пала Советская власть во Владивостоке, а в

¹ С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Москва — Хабаровск, 1933, с. 64.

² Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС (ПАХК), ф. 44, оп. 1, д. 426, л. 3.

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 1378, оп. 3, д. 734, л. 49.

ночь с 11 на 12 июля в Петропавловске произошел белогвардейский переворот. Активные советские работники, в том числе депутат охотских горнорабочих в областном Совете Михаил Григорьевич Шиманчик, были арестованы и высланы во Владивосток. К власти вновь пришел контрреволюционный областной комитет безопасности во главе с А. А. Пуриным. В Охотск полетели одна за другой грозные телеграммы с требованием восстановить власть КОБа, однако охотский горный коллектив отверг все эти «директивы».

28 августа 1918 г. V чрезвычайный съезд трудящихся Дальнего Востока, созванный 25 августа в Хабаровске, принял резолюцию о политическом положении, призвавшую рабочих и крестьян грудью встать на защиту Советской власти. Однако силы были неравны. Теснимые войсками белочехов, японских, американских и английских интервентов, красные части отступали.

В начале сентября 1918 г. под натиском врагов пали Хабаровск и Николаевск, а уже 22 сентября белогвардейцы И. Сивцев и В. Бараев созвали общее собрание жителей поселка, на котором потребовали упразднить уездный Совет. Обыватели поддались увещеваниям контрреволюционеров, уверявших их, что иначе уезд не получит продуктов, в том числе хлеба и соли¹. В Охотске был восстановлен КОБ во главе с Сивцевым. Однако фактическую власть в поселке и его окрестностях осуществлял горный коллектив.

В ответ на требование Камчатского областного КОБа и Сахалинской областной земской управы признать временное правительство автономной Сибири и вернуть Фогельману, Кольцову и Тютрюмову прииски горный коллектив 24 сентября 1918 г. решительно отвечал: «Мы признаем лишь в центре Совет Народных Комиссаров

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 606, оп. 1, д. 2, л. 31.

и на местах — Советы рабочих и крестьянских депутатов как управление, единственно выражающее интересы трудящихся».

Горный коллектив постановил: «а) оружие не сдавать, а также б) списков военнообязанных не представлять... в) национализированные прииски и все имущество бывшее Фогельмана передано быть не может как принадлежащее всему народу». По предложению демобилизованного солдата Алексея Ивановича Унжакова собрание горнорабочих провозгласило: «Долой капитал и контрреволюционеров! Да здравствует социализм и всемирная Советская республика!»¹

Спустя восемь лет известный якутский историк В. И. Бик писал: «Всюду² контрреволюция, поддерживаемая штыками интервентов, справляла чудовищную оргию кровавых расправ над рабоче-крестьянскими массами, лишь один заброшенный уголок Северо-Востока Сибири на протяжении 10 месяцев оставался вне сферы кровавого разгула буржуазно-генеральской диктатуры. Этим счастливым уголком был г. Охотск с его приисковым районом»³.

Зима принесла большую удачу старателям. В начале декабря 1918 г. бывший плотник, промышлявший в свободное время в тайге, Макара Терентьевич Милютин случайно открыл богатые россыпи золотого песка на прииске «Золотой». Артели немедленно приступили к их разработке. Однако, увлекшись добычей золота, рабочие забыли о грозной опасности и упустили бежавшего из-под ареста управляющего приисками Кузьмина. Оказавшись во Владивостоке, тот развернул лихорадочную

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 1378, оп. 3, д. 34, л. 149—153. Более полная копия этого интереснейшего документа хранится в личном архиве А. И. Унжакова.

² Имеются в виду Сибирь и Дальний Восток.

³ «По заветам Ильича», 1926, № 1—2, с. 35.

деятельность по организации карательной экспедиции. Зная алчную натуру колчаковских правителей, Кузьмин не жалел красок, расписывая сказочные богатства Охотского побережья, и своего добился.

В карательный отряд колчаковцы набрали, по словам участника гражданской войны на побережье М. П. Щербакова, «самых отъявленных негодяев, шатавшихся тогда в изобилии и готовых пойти на любое дело, лишь бы им было предоставлено право пограбить. Собранный таким образом отряд.., хорошо вооруженный винтовками, имевший 2 пулемета и одно мелкокалиберное горное орудие, во главе с полковником Широких и несколькими офицерами... был посажен на шхуну «Михаил» и прибыл в Охотск. О выходе шхуны «Михаил» и тем более о посылке экспедиционного отряда в Охотске никто не подозревал»¹

В ночь с 7 на 8 июля 1919 г. казаки неожиданно высадились на побережье и захватили Охотск, а еще через несколько дней разоружили горнорабочих. Начались грабежи, насилия, аресты. Всего было схвачено около 200 человек. Руководителя рабочих коммуниста Г. Н. Счастливецова палачи казнили, а девять членов горного коллектива — Добрянского, Бертина, Лапина, Лысак-Лавриненко, Лебедева, Реала, Туезова и других — отправили на расправу в Хабаровск в калмыковские «застенки смерти». Лишь некоторым из них, в том числе и В. П. Бертину, чудом удалось избежать смерти.

Однако недолго торжествовали свою победу враги. В конце ноября — начале декабря 1919 г. на прииске «Кооператив» была создана подпольная организация во главе с А. И. Унжаковым, которому удалось укрыться в тайге от расправы. Подпольщики установили связь с

¹ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 426, л. 4 (М. Щербаков. Краткий обзор политических событий в 1918—1921 гг. и общего положения Охотского края. Рукопись).

командой, присланной на смену казакам, и в Охотске тоже образовался подпольный кружок под руководством унтер-офицера А. Горщерука и солдата А. Перминова. Подпольный военно-революционный комитет, избранный накануне выступления, возглавил Унжаков, командиром боевого отряда стал Горщерук.

В ночь с 13 на 14 декабря 1919 г. охотские горнорабочие одними из первых на Дальнем Востоке снова взяли власть в свои руки. А. И. Унжаков так пишет об этом в своих воспоминаниях: «К городу приблизились часа в 3 ночи. Высланная разведка сообщила, что никаких признаков тревоги в стане врага не наблюдается.

Тогда вооруженный отряд выдвинулся вперед, ворвался в казарму, захватил оружие, находившееся в ней и в складе, — трехлинейки, пулемет, гранаты. К этому времени подошел весь наш отряд, и теперь мы все были вооружены. Разбились на группы, руководители которых были намечены заранее. Каждой группе поручалось захватить определенные объекты.

Действовали все очень быстро и напористо»¹.

Вскоре помещения военного штаба и управления уездного начальника оказались заняты восставшими. После победы прииски были вновь национализированы, а товары, как продовольственные, так и промышленные, реквизированы и взяты на учет.

Буквально через сутки, в ночь с 14 на 15 декабря, произошел антиколчаковский переворот в Якутске, а еще через день, 16 декабря, знамя восстания подняли трудящиеся Анадыря во главе с Михаилом Сергеевичем Мандриковым. Низложив колчаковскую диктатуру в своих уездах, Охотский и Анадырский военно-революционные комитеты немедленно обратились с воззваниями к радиотелеграфистам Дальнего Востока. «Товари-

¹ Таежные походы. Хабаровск, 1972, с. 482.

щи, всюду, где можно, зовите к выступлению за освобождение от ненавистного рабства, — говорилось в одной из телеграмм. — Убедительно просим вас ни в коем случае не скрывать получаемые от нас агентские сведения. Распространяйте их в возможно широком масштабе. Не медлите, товарищи радиотелеграфисты, агитируйте! Председатель *Унжаков*, секретарь *Перминов*»¹.

Эти призывы, несомненно, сыграли свою роль в активизации революционных выступлений народных масс на Дальнем Востоке. Победа антиколчаковского движения в Охотске в декабре 1919 г. — одна из ярких страниц в истории борьбы рабочих и крестьян края за власть Советов². «Причем это было сделано (за исключением Анадырского уезда), — отмечает Б. И. Мухачев, — без непосредственного руководства коммунистов, что свидетельствовало о величайшей силе идей Коммунистической партии, овладевших трудящимися массами в период создания и деятельности первых Советов в 1918 г.»³

Впоследствии, во время так называемой «читинской пробки», через Охотск осуществлялась связь между приморскими большевиками и Москвой. По охотскому радиотелеграфу неоднократно вели переговоры с сибирскими большевиками С. Г. Лазо, В. Д. Виленский и другие видные деятели Дальнего Востока.

Иркутские большевики решили использовать Охотскую и Анадырскую радиостанции для разъяснения зарубежному пролетариату сущности происходящих событий в России. С 3 по 5 января 1920 г. Охотск передал в Анадырь воззвание «Во все концы мира», «К рабочим Америки, Японии, Франции, Англии и всех других стран», «Пролетариату Японии», «К рабочим всего ми-

ра». Центросовет призывал трудящихся этих стран оказывать поддержку рабочим и крестьянам Советской России в борьбе с интервентами. 17 января 1920 г. комиссар охотской радиостанции В. Н. Сосунов сообщил в Иркутск: «Воззвание «К рабочим всего мира» в Анадыре передано Америке. Ответ о принятии получен...»¹

Свергнув ненавистный режим, Охотский военревком, в состав которого вошли представители трудящихся Охотска, 14 декабря объявил об упразднении колчаковских органов власти на территории уезда и призвал немедленно создать военревкомы на местах. Вскоре в Аяне был образован военревком во главе с техником Ноглицким, а эвенки и якуты, проживавшие в окрестностях Аяна, избрали свой военревком (председатель Прохоров, секретарь А. Н. Козырин).

Охотский антиколчаковский переворот открыл целую серию восстаний: в Якутске, Анадыре, Керби, на Сахалине. В ночь на 10 января 1920 г. власть белогвардейцев пала в областном центре — Петропавловске-на-Камчатке. И это были отнюдь не стихийные выступления. К 20 января 1920 г. был освобожден почти весь Северо-Восток.

Основные военные силы «верховного правителя» находились в Сибири и на юге Дальнего Востока. Здесь же были сосредоточены силы американского экспедиционного корпуса и японских интервентов. Сбросить в таких условиях колчаковскую диктатуру трудящимся Сибири и Дальнего Востока было нелегко, но народные выступления против белогвардейцев ширились, особенно по мере успешного наступления Красной Армии. В ноябре 1919 года Колчак бежал из Омска, а 30 января 1920 г. во Владивосток вступила красная конница. На

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2379, оп. 3, д. 2, л. 27.

² «По заветам Ильича», 1926, № 1—2, с. 38.

³ Б. И. Мухачев. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР, с. 179.

¹ Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923). Сборник документов и материалов. Магадан, 1967, с. 32.

следующий день Приморская областная земская управа объявила о принятии на себя всей полноты власти на Дальнем Востоке. 16 февраля 1920 г. в три часа дня амурские партизаны вошли в Хабаровск¹.

По директиве Охотского военревкома в январе 1920 г. был избран военно-революционный комитет в Оле во главе с эвнами Ильей Тимофеевичем Бабцевым и Агапитом Алексеевичем Кочеровым (товарищ председателя)². Секретарем военревкома стал учитель Игнатий Афанасьевич Варрен. Вскоре здесь открылась народная лавка вместо фактории купчихи А. А. Бушуевой³. О самой купчихе, после того как она бежала в Японию, мало кто вспоминал. Особый интерес проявляли охотчане только к ее сыну Федору, матерому офицеру-колчаковцу, спасавшемуся от народного возмездия на иностранных рыбалках под Охотском.

Вскоре состоялся суд над палачами. Полковник Широких, золотопромышленник Тютрюмов, управляющий приисками Кузьмин, двое братьев Сивцевых и еще четырнадцать карателей были приговорены революционным трибуналом к расстрелу, остальные белогвардейцы — к различным срокам заключения.

Охотские рабочие учли уроки июля 1919 г., и по их требованию военревком организовал отряд Красной

¹ В своем решении от 1 февраля 1920 г. Дальневосточный комитет РКП(б) отмечал: «Партия, оставаясь верной принципам Советской власти, считает, что при создавшихся в крае международных отношениях невозможно восстановление Советов рабочих и крестьянских депутатов, поэтому она высказывается за поддержку власти Приморской областной земской управы, при условии проведения ею политики скорейшей ликвидации интервенции на Дальнем Востоке и осуществления объединения с Советской Россией».

² А. А. Кочеров, член КПСС с 1931 г., кавалер ордена Ленина, в 1924—1925 гг. был председателем Ольского волревкома.

³ А. А. Кочеров. Из воспоминаний, — «Краеведческие записки Магаданского областного музея», вып. 1. Магадан, 1957, с. 59.

Армии, командиром которого был назначен А. Горщерук. Впрочем, красноармейцы скоро были откомандированы в Якутск¹. Из Якутска Горщерук выезжал в Бодайбо по служебному заданию².

Больше двух месяцев осуществлял свои полномочия Охотский уездный военно-революционный комитет. Считая себя временным органом, военревком готовился передать власть в руки Совета депутатов, избранного на основе Конституции Советской России 22 февраля 1920 г.³ 24 февраля 1920 г. на общем собрании жителей Охотска, Булгина, Старого Порта, Нового Устья и рабочих приисков Совет изложил программу своей деятельности. С одобрением встретили рабочие и рыбаки известие о национализации приисков и речных рыбалок. Вскоре, в марте, в Охотске был организован рыбпромысловый кооператив под названием «Охотский общественный рыбный союз»⁴. Исполнительный орган союза должен был принимать всю заготовленную рыбу, а также оказывать помощь малообеспеченным членам кооператива. В решении одного из собраний этого товарищества так и было записано: «Мясо и масло временно выдавать в кредит неимущим членам союза. Все продукты и предметы первой необходимости и недополученную мануфактуру выдавать нуждающимся членам союза в кредит. Члены союза по возможности должны уплачивать наличными деньгами...»⁵

14 марта 1920 г. на общей сходке обсуждался вопрос

¹ Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922). Воспоминания ветеранов. М., 1973, с. 216.

² После этого следы его затерялись. В 1927 г. А. Горщерук запрашивал у Охотского райисполкома характеристику о своей работе, но в документе, к сожалению, не оказалось адреса.

³ Председатель Кузьма Сергеевич Паршенков, товарищ председателя — рабочий М. Пузырев.

⁴ ЦГАДВ, ф. р. — 1660, оп. 1, д. 1, л. 14.

⁵ Там же, л. 9.

о ликвидации безработицы в уезде. По предложению члена Совета М. Пузырева было решено «оповестить всех безработных и не имеющих определенных занятий лиц, чтобы они заявляли рыбному союзу о неимении работы, и тогда союз должен изыскать для них работу»¹.

Еще через год на побережье был организован рыбо-ловецкий кооператив «Охотск», 26 февраля 1921 г. вошедший в состав «Союза усть-амурских кооператоров»², сыгравшего большую роль в кооперировании населения Нижнего Амура и Охотского побережья. Членами «Охотска» стали 16 семейств. Решением Совета на побережье была введена всеобщая трудовая повинность, а деньги — это наследие ненавистного прошлого — преданы проклятию и отменены. Только спустя некоторое время, пройдя школу хозяйствования, поймут охотчане, что все тут намного сложнее, чем им представлялось...

Постепенно трудовая жизнь населения уезда входила в нормальное русло. Но весной 1920 г. обстановка на Дальнем Востоке резко осложнилась. Японские интервенты, а следом за ними и белогвардейское отребье перешли в контратаку, надеясь вернуть утраченные позиции.

Переговоры о создании Дальневосточной республики Советское правительство и Сибирское бюро ЦК РКП(б) вели с приморскими коммунистами и партизанами и через Охотскую радиостанцию, но сущности этого ленинского замысла охотские революционеры не поняли. Так как в Охотске не было еще партийной организации, рабочие и рыбаки не смогли уяснить ленинское положение о том, что «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и

¹ Там же, л. 10.

² ЦГАДВ, ф. р. — 3042, оп. 1, д. 39, л. 1.

должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она... сейчас непосильна»¹.

В дезориентации Охотского Совета сыграл известную роль и анархист Я. Тряпицын, рассылавший из Николаевска-на-Амуре телеграммы по северным районам². После долгих споров охотчане решили уйти в тайгу, а потом в Якутск, чтобы продолжить борьбу за дело революции. Во всех поселках побережья прошли митинги, на которых раздавались проклятия в адрес врагов Родины.

В апреле 1920 г. в Охотске торжественно отмечалось 50-летие со дня рождения В. И. Ленина. Вот что об этом рассказывает бывший комиссар охотской радиостанции и член уездного Совета, а ныне лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Ленина Василий Николаевич Сосунов: «За несколько дней до знаменательной даты был созван митинг, на котором... был сделан доклад о революционной деятельности В. И. Ленина, затем были зачитаны вновь поступившие телеграммы РОСТА о том, как в Советской России отмечается 50-летие со дня рождения В. И. Ленина. После нескольких выступлений с большим энтузиазмом была принята резолюция, которая телеграммой была отправлена через Якутск и Иркутск в Москву в адрес В. И. Ленина. Подробностей о митинге и содержание телеграммы, конечно, не помню. В памяти это событие сохранилось, как яркое выражение любви и преданности вождю революции»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 93.

² См. об этом: Б. И. Мухачев. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР, с. 163—166.

³ С думой о самом большом человеке, — «Блокнот агитатора», Хабаровск, 1970, № 8, с. 28.

5 мая Охотский военно-революционный штаб, возглавляемый Пузыревым, по телеграфу известил Якутск о том, что «в связи с совершившимися событиями решено покинуть город». Маршрут отхода был следующий: от Охотска до станции Юдомо-Крестовская (больше ста километров по таежному бездорожью) пешком, а дальше, до Усть-Маи, — на плотах. В Усть-Маю военревштаб вызвал пароход из Якутска. В. Н. Сосунов отмечает, что отход из Охотска был согласован с Якутском.

В мае началась эвакуация в далекий Якутск. «30 мая партизанские отряды Охотского района, забрав в Охотске ценности, военное имущество, товары и продукты, отошли из города в тайгу», — сообщала газета «Правда» 10 июля 1920 г.

Вслед за охотчанами выступили в Якутск аянские рабочие.

По воспоминаниям активного участника гражданской войны на Дальнем Востоке М. П. Щербакова, «вооруженный отряд рабочих, находившийся в Охотске, эвакуировался из города и остановился верстах в 10 от Охотска, где, простояв дней 12, двинулся на прииски, откуда, соединившись с отрядом, стоявшим на приисках, по постановлению военревштаба двинулся в Якутск, предварительно уничтожив почти все приисковые постройки посредством взрыва и сожжения... Военревштаб, уходя из Охотска, взял все ценности для доставления в Якутск и сдачи в государственное казначейство. Ценности заключались в шлиховом золоте (количеством более 3,5 пуда) и пушнине, количество которой привести затрудняюсь. На все сданные ценности Якутское казначейство представило в Охотск акт о сдаче ценностей военревштабом»¹.

Уход революционного отряда из Охотска был, конеч-

но, ошибкой. Но в то же время следует иметь в виду, что цель эвакуации, по заявлению Охотского военревштаба, заключалась в том, чтобы не дать врагу возможности захватить ценности, а главное — спасти население от иноземного порабощения.

В одной из своих последних телеграмм в Верхнеудинск Охотский военно-революционный штаб сообщал: «При помощи белых банд Япония разоряет Сахалинскую, Приморскую и Забайкальскую области: она стремится их захватить себе. Японские империалисты заливают кровью рабочих и крестьян весь Дальний Восток. Как истинные революционеры мы заявляем всему миру, что лучше умереть в тайге, чем признать рабство великого трудового русского народа. В борьбе с японскими империалистами и их наймитами мы не одни — вместе с нами льют кровь рабочие Кореи и Китая. Теперь наша задача — не дать врагу улова рыбы, не дать воспользоваться как военной добычей имеющимися у нас товарами и продуктами. Под прикрытием тайги, уверенные в конечной победе трудящихся над капиталом и в поддержке со стороны центра, мы свой долг перед революцией выполним. *Таежный партизанский штаб*»¹. В то же время штаб ошибочно заявлял о непризнании ДВР, так как это-де «ловушка для трудового народа».

Переход в Якутск продолжался около двух месяцев и закончился успешно. В Якутске охотчан встречал В. П. Бертин, после своего побега из калмыковских застенков вступивший в ряды РКП(б) и назначенный заведующим военно-ремонтными мастерскими. Многие охотские рабочие остались в Якутске и позднее вернулись домой. Остальная часть отряда под командованием Пузырева осенью 1920 г. добралась до Иркутска, Здесь с самой лучшей стороны зарекомендовали себя А. И. Ун-

¹ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 426, л. 5.

¹ «Правда», 10. VII. 1920.

жаков, В. Н. Сосунов и другие борцы за власть Советов на Охотском побережье.

Как же дальше разворачивались события в Охотске? С открытием навигации 1920 г. японские интервенты, располагавшие осведомителями из среды персонала иностранных рыбалок на побережье, не заставили себя долго ждать.

В конце июня к опустевшему Охотску подошел японский миноносец и обстрелял селение. Но Охотск безмолвствовал. Тогда интервенты высадили на берег десант, и матросы разграбили оставшееся имущество, после чего покинули поселок. В письме Охотского райкома РКП(б), откуда мы позаимствовали этот факт, подчеркивалось, что «японцы часто навещали Охотск позднее»¹.

А еще через пять дней, 5 июля, на рейде Охотска оказался пароход «Астрахань», доставивший на побережье около семидесяти рабочих из Приморья. Вместе с ними прибыли несколько большевиков, в ноябре того же года создавших первую в истории Охотского побережья партийную организацию. На первом собрании присутствовали всего шесть членов РКП(б): А. К. Ситников, П. Н. Сергеев, М. П. Щербаков, Лесовой, П. В. Каширин и Черпак. Охотский райком РКП(б), создание которого сразу же было санкционировано Якутским губбюро партии, возглавил Антип Ксенофонтьевич Ситников, бывший бодайбинский рабочий, командированный в Охотск Дальбюро РКП(б) для формирования Якутского губкома партии о положении дел на Дальнем Востоке.

Членом райкома был избран Михаил Павлович Щербаков, радиотелеграфист по специальности, на воспоминания которого мы уже неоднократно ссылались. Позд-

нее, в 1923 г., он написал интереснейший доклад Камчатскому губбюро партии под названием «Краткий обзор политических событий в 1918—1921 гг. и общего положения Охотского края»¹. Численность Охотской партийной организации была невелика (20 коммунистов), но она оказала исключительно большое влияние на весь ход последующей революционной борьбы трудящихся побережья².

На том же пароходе «Астрахань» в Охотск прибыл уполномоченный Приморской областной земской управы правый эсер А. И. Сентяпов. На уполномоченного была возложена задача по организации местных органов власти и наблюдение за исполнением ими распоряжений управы. В условиях ДВР такими органами были признаны народно-революционные комитеты, но Сентяпов, самовольно взяв бразды правления в свои руки, немедленно приступил к восстановлению старорежимного института волостных и сельских старшин и старост.

Собрав с помощью горного инженера Д. А. Поповича жителей Охотска и окрестных селений, Сентяпов объявил им о своих полномочиях и об избрании городского самоуправления, которое он решил превратить в свое послушное орудие. Но на его пути встали большевики и преданные Советской власти рабочие. Опираясь на их поддержку, Охотское городское самоуправление, возглавляемое техником-строителем, бывшим председателем уездного Совета К. С. Паршенковым, подвергло критике действия Сентяпова, направленные на восстановление власти буржуазии.

¹ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 426, л. 6.

² См. об этом нашу статью «Из истории Охотской партийной организации (1920—1921)», — в сб. «Вопросы истории советского Дальнего Востока», кн. 1. Владивосток, 1963.

¹ Борьба за установление Советской власти в Якутии, ч. 2, кн. 1. Якутск, 1961, с. 73.

В октябре 1920 г. общее собрание жителей Охотска и окрестных селений избрало Паршенкова делегатом Приморского народного собрания. В наказе избирателей указывалось, что трудящиеся Охотского уезда считают Дальневосточную республику неотъемлемой частью Советской России¹. Однако выехать во Владивосток Кузьме Сергеевичу не удалось, по-видимому, из-за отсутствия транспорта.

Авторитет Охотского райкома РКП(б) неуклонно рос, несмотря на яростное противодействие уполномоченного. Свидетельством этого явилось избрание 11 декабря 1920 г. А. К. Ситникова членом городского самоуправления. Стремясь дискредитировать большевиков, Сентяпов 26 декабря на общегородском собрании жителей Охотска выступил против Ситникова, но собрание отклонило «протест» уполномоченного и провалило кандидатуры его сторонников.

По словам М. П. Щербакова, «с момента рождения коммунистической ячейки уполномоченный Сентяпов повел вначале тайную, а затем и открытую злостную агитацию против вновь народившейся политической организации, которая была первой по счету во всем Охотском районе... Сентяпов и его приспешники-спекулянты и зажиточные элементы не брезговали ничем... Он говорил, указывая на развевавшийся красный флаг: «Придут весной японцы и будут обстреливать город, всех вас разгонят по тайге, не дадут вам ловить рыбу». Все это сильно влияло на малоразвитые умы темного населения Охотского района, в особенности на тунгусов и

¹ Такова была сила любви к Родине. Бывший узник колчаковского «эшелона смерти» П. Б. Лазарев, воевавший позже в рядах Народно-революционной армии ДВР, рассказывал, что бойцы НРА отказывались носить ромбы и кокарды «буфера». Ни на минуту не могли представить себя дальневосточники в отрыве от Советской России!

якутов, которые издавна привыкли подчиняться и слушаться своих тойонов...»¹

Опирался Сентяпов на поддержку якутских тойонов и тунгусских старшин, а также на банду братьев Яныгиных, весной 1920 г. обосновавшейся в поселке Булгино.

В это время на Дальнем Востоке произошли очень важные события. В декабре 1920 г., в связи с избранием в Чите Центрального правительства ДВР, было создано Приморское областное управление во главе с большевиком В. Г. Антоновым, а в конце марта 1921 г. в Охотск пришло по телеграфу известие о том, что Камчатская область (а значит, и Охотский уезд) остаются в составе РСФСР. 22 марта 1921 г. Учредительное собрание ДВР утвердило положение о границах ДВР. Это мудрое решение Советского правительства было вызвано необходимостью более надежно оградить Северо-Восток от посягательств американских и японских империалистов.

С радостью встретили охотчане известие о переходе Камчатской области в состав РСФСР. Оно было воспринято ими как сигнал к перестройке жизни Охотского уезда на советской основе. Рабочие потребовали отстранения Сентяпова от власти. «В ночь с 17 на 18 апреля было решено арестовать Сентяпова и других его единомышленников, находившихся в городе, — вспоминает М. П. Щербаков, — а затем уже предполагалось обезвредить тех, которые проживали в Булгине. Арест Сентяпова оказался неудачным, и он, предательски убив одного товарища, выскочил в окно, видимо заранее для этого выставленное, вместе с бывшим у него студентом Димовым. Захватив с собой оружие, [они] бросились бежать, открыв стрельбу, чем подняли тревогу и преду-

¹ ПАХК, ф. 44, оп. I д. 426, л. 6.

предили живущих на Булгине своих сообщников, ярых контрреволюционеров, о грозившей опасности. В продолжение этой ночи в городе были арестованы единомышленники Сентяпова и восстановлен порядок. Булгинское же гнездо контрреволюционеров, где... находились самые ярые белогвардейцы, осталось не ликвидированным и также сорганизовало вокруг себя вооруженный отряд...»¹

Сентяпов и Яныгины, отец которых, якутский спекулянт, был расстрелян за контрреволюционную деятельность в 1918 г., объединили свои силы. Позже, рассорившись с Яныгиными, Сентяпов организовал собственный «антибольшевистский» отряд.

В ночь на 18 апреля в Охотске был создан военно-революционный комитет во главе с членом райкома партии Петром Сергеевым, прибывшим из Приморья вместе с А. К. Ситниковым. Через некоторое время, ввиду чрезвычайно сложной обстановки, его полномочия перешли к революционной тройке в составе П. Н. Сергеева, М. П. Щербакова и Л. Б. Альперовича, прибывшего из Якутска. Последний возглавил также уездную ЧК. Военревком немедленно приступил к организации красноармейского отряда, команду над которым принял А. К. Ситников. На этом посту Антипа Ксенофонтьевича Ситникова сменил большевик Александр Ильич Сивцев, вернувшийся в Охотск из Якутска во главе небольшого отряда.

Революционный Охотск сразу же оказался в кольце блокады. Пути на Камчатку были перекрыты сентяповско-яныгинской бандой, пути в Якутск — бандами Коробейникова². Подступы к Охотску с моря находились под

¹ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 426, л. 7

² См. об этом, А. И. Новгородов. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969.

контролем японских военных кораблей. Вели себя японские интервенты как искусственные провокаторы. То они требовали выдачи им лиц, якобы причастных к нападениям на иностранные рыбалки, то наставляли на возмещение убытков золотом. В полном согласии с ними действовали Яныгины и Сентяпов, время от времени совершавшие налеты на помещения японских рыбопромышленников, а ответственность за эти акты бандитизма возлагавшие на охотских рабочих. На рассвете 25 июня 1921 г., воспользовавшись присутствием интервентов на рейде, пьяные бандиты, числом 80 человек, частично переодевшись в японскую форму, с криком «банзай» ворвались в Охотск. Около шестидесяти рабочих вместе со своим командиром А. Захарченко¹, растерявшись, отступили было в сторону приисков, но положение спас отряд красноармейцев во главе с секретарем райкома РКП(б) А. К. Ситниковым. Неся большие потери, они сдерживали натиск врага, пока рабочие, верно оценив обстановку, через полчаса не вернулись обратно. Перестрелка длилась более двух часов. Погиб двадцать человек убитыми, бандиты отступили в Булгино.

Но победа над врагом дорого обошлась охотчанам: смертью героев пали большевики А. К. Ситников, П. Ф. Шершов, Вершинин, Серебряков, боец Беликов и другие. Положение осажденных оставалось очень трудным: не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия. Охотская ревтройка командировала в Петропавловск М. П. Щербакова за помощью, поручив ему пере-

¹ Впоследствии Антон Захарченко вместе с большевиком Корниковым добровольно вызвался сообщить Якутскому губревкому о тяжелом положении защитников Охотска. Смелчакам удалось пробраться на телеграфную станцию Юдомо-Крестовская и передать просьбу ревтройки прислать на помощь вооруженный отряд. При выполнении задания они погибли.

дать Камчатскому областному нарревкому около 30 кг золота и конфискованную у Сентяпова пушнину.

Михаилу Павловичу, в целях конспирации сменившему имя и фамилию, удалось на американской шхуне добраться до Петропавловска¹, однако камчатские товарищи ничем не могли помочь охотчанам. Еще 26 мая 1921 г. во Владивостоке произошел инспирированный японскими интервентами переворот, и Камчатка оказалась отрезанной от Приморья. Жители области терпели нужду в самом необходимом, а так как пароходов у облнарревкома не имелось, связь Петропавловска с удаленными районами была затруднена.

События в Приморье взбудоражили охотских контрреволюционеров. Сентяпов, все еще именовавший себя «уполномоченным», немедленно забросал Владивосток своими посланиями: «Я снова обращаюсь за помощью: немедленно вышлите продовольствие, достаточное количество людей и вооружение». Ему вторил матерый бандит Яныгин: «Спешите на помощь! Не жалейте затрат, ибо все можно оправдать...» И белогвардейцы спешили.

В августе 1921 г. «правительство» Меркуловых приступило к формированию карательной экспедиции на Охотское побережье. Во главе ее для маскировки был поставлен камчатский рыбопромышленник Х. П. Бирич, но фактически руководителем карателей стал есаул Бочкарев, убийца С. Г. Лазо. Большинство отряда составляли офицеры. 24 сентября на пароходах «Свирь» и «Кишинев» банда отбыла из Владивостока в Охотск.

Узнав об отходе из-под Охотска красноармейского отряда, прибывшего из Якутска на помощь охотчанам, Бочкарев в ночь на 5 октября 1921 г. повел наступле-

ние на Охотск, подвергнув его сперва артиллерийскому обстрелу¹. Вражеский десант насчитывал около 150 человек, а со стороны Булгина бочкаревцев поддерживала банда Сентяпова и Яныгиных. Мощные прожекторы «Свири» и «Кишинева» ослепляли защитников Охотска, и все же они, лежа в окопах под проливным дождем, открыли меткий огонь по врагу. Вскоре атака бочкаревцев захлебнулась. Однако охотчане не закрепили успех, а напротив, приняли решение отступить на прииски и попытаться вернуть якутских красноармейцев. Захватив наконец Охотск, каратели устроили здесь кровавую оргию, а затем перебрались в богатые пушниной Гижигу и Наяхан. Но охотские прииски в ту пору устояли.

«В продолжение около двух месяцев пребывания охотчан на приисках, — пишет Виктор Бик, — бочкаревцы не осмелились наступать на прииски. Белобандиты есаула Бочкарева и Яныгина... проявили храбрость лишь в погоне за отступающими охотчанам, когда рубили шашками и расстреливали полузамерзших, обессиленных голодом людей»².

Решение охотчан об отступлении в сторону Якутска оказалось роковым. Плохо одетые, истощенные длительным недоеданием люди покидали прииски группами, что облегчало белобандитам преследование малочисленных отрядов. И все же рабочие и красноармейцы сражались до последнего патрона, а когда кончались боеприпасы — до последнего дыхания.

И. Я. Строд в своей книге «В якутской тайге» описывает со слов очевидца дикую расправу яныгинцев над 40 охотскими рабочими на станции Аллах-Юнь: «Белобандиты избивали свои жертвы прикладами, ре-

¹ Обстоятельства вынудили М. П. Щербакова остаться в Петропавловске, и вскоре он стал одним из видных руководителей большевиков Камчатки.

¹ А. Бочек. Вся жизнь с морем. М., 1969, с. 146.

² «Автономная Якутия», 9. IV. 1926.

зали ножами. Членам революционного комитета вспороли животы и, еще когда они были живы, кишки их развесили по стенам. Затем всех, мертвых и живых, изуверы затащили в амбар и сожгли. Возвращаясь в Охотск, они остановились у якута и со смехом рассказали ему об этой жестокой расправе»¹.

На станциях Анча, Аттырджан и Чурапча смертью героев пали остальные охотчане. Среди рабочих и красноармейцев, погибших на станции Юдомо-Крестовская, находились первые охотские женщины-коммунистки В. М. Ситникова, В. А. Польшгалова и З. М. Волошина.

Менее чем через год, 6 сентября 1922 г., в Аяне высадилась так называемая «сибирская добровольческая дружина» генерала Пепеляева, начавшая наступление на Якутск. В обвинительном акте по делу генерала Пепеляева не случайно подчеркивалось, что это выступление явилось «одним из звеньев общего похода контрреволюционных сил на республику рабочих и крестьян»².

Разгром белогвардейцев в Приамурье и Приморье в 1922 г. предопределил крах пепеляевской авантюры. Поход на Якутск закончился провалом. Потеряв много солдат и офицеров, отряды Пепеляева отступили в Аян и Охотск, откуда намеревались бежать от народного возмездия за границу. Орган Дальревкома и Дальбюро ЦК РКП(б) газета «Дальневосточный путь» сообщала: «5 марта в 200 верстах от Якутска разбиты наголову главные силы Пепеляева. Малочисленный отряд красноармейцев под командой Строда при 35-градусном морозе выдержал 20-суточную осаду и 5 яростных атак главных сил Пепеляева. Пришедшие на выручку Строда красные части встретили упорное сопротивление. Одна-

ко пепеляевцы были разбиты и в панике бежали, бросив знамя. Строд ранен в плечо, но оставлен в строю. Взят в плен эсер Куликовский, назначенный Дитерихсом генерал-губернатором Якутска. Пепеляевцы массами сдаются. В Якутске по поводу победы над Пепеляевым состоялись митинги, прошедшие при большом стечении населения»¹.

Несколько позже, весной 1923 г., прибывшим из Владивостока экспедиционным отрядом М. П. Вольского была уничтожена банда есаула Бочкарева в Гижигинском уезде и Ольской волости.

Якутская автономная республика не располагала тогда достаточными силами для окончательной ликвидации банд Пепеляева, засевших в Охотске и Аяне. Эта ответственная задача командованием 5-й армии была возложена на героя гражданской войны С. С. Вострцова.

Солнечным апрельским днем 1923 г. И. П. Уборевич вызвал С. С. Вострцова к себе. Командарм приступил сразу же к делу: «Бить белых генералов вам не привывать... Назначаю вас, Степан Сергеевич, командиром Охотско-Аянского экспедиционного отряда. Действуй смело и решительно. Окружить и уничтожить последнее гнездо белогвардейщины — вот какая задача стоит перед вами»². Через полчаса Уборевич и Вострцов были уже у председателя Дальревкома П. А. Кобозева, с которым детально не только обсудили план освобождения Охотского уезда, но и решили вопрос о снабжении населения побережья товарами и продовольствием.

В тот же вечер Вострцов скорым поездом выехал из Забайкалья во Владивосток, где из красноармейцев 2-го Нерчинского полка он должен был сформировать

¹ И. Я. Строд. В якутской тайге, М., 1961, с. 31.

² Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. Сборник документов и материалов, ч. 2, кн. 2. Якутск, 1962, с. 310.

¹ Дальревком. Сборник документов. Хабаровск, 1957, с. 76—77.
² А. П. Фетисов. Ледовый поход. Хабаровск, 1965, с. 14.

экспедиционный отряд. Возможно, в пути Степан Сергеевич думал о том, что сейчас, когда на Дальнем Востоке рабочие и крестьяне приступили к восстановлению народного хозяйства, последние очаги белого бандитизма на Северо-Востоке подлежат немедленной ликвидации. Возможно, он вспоминал, как три года назад, в самый канун 1920 г., его принимали в партию. «Думал ли я,—говорил тогда взволнованный Степан Сергеевич,—что мне, простому крестьянину-мальчонке, не каждый день евшему досыта, мне, рабочему-кузнецу, гнувшему спину от зари до зари, придется увидеть иную жизнь. Мог ли предполагать я, царский солдат, брошенный в тюрьму только за желание быть человеком, что буду командовать полком? Все это стало возможным благодаря партии Ленина. Большевики борются за счастье народа, и я хочу быть в их рядах. Интересы народа, завоевания революции клянусь защищать, пока бьется сердце»¹. Кавалер трех орденов Красного Знамени С. С. Вострецов сдержал свою клятву.

Теперь бывшему уральскому кузнецу предстояло выполнить задание В. И. Ленина². Во Владивостоке Вострецова никто не встретил, чем Степан Сергеевич остался очень доволен. Да и прибыл он с чужим паспортом. С самого начала все действия по подготовке экспедиции были засекречены.

Прошло несколько дней, и вот из бухты Золотой Рог тихо и незаметно вышли пароходы «Ставрополь» и «Индирик» и взяли курс на север. В тесных помещениях

¹ А. П. Кладт. Он землю родную пошел защищать. М., 1966, с. 52.

² 30 участников «ледового похода», которых удалось разыскать автору, единодушно заявили, что политработники и командиры говорили бойцам, что они выполняют приказ В. И. Ленина. К сожалению, документов, подтверждающих это свидетельство, нам пока обнаружить не удалось.

старых судов командиры и бойцы экспедиционного отряда внимательно изучали только что изданный приказ С. С. Вострецова: «На нас возложена задача очищения Охотско-Аянского района. Эту задачу мы должны выполнить с честью. Каждый командир и политработник должен поставить себе цель: как можно меньше крови и жертв и большего успеха. Но если где потребуется пожертвовать собой на благо Советской Республики, то мы должны без колебания это сделать. Находясь здесь, на далеком Севере, вдали от центра, мы должны удвоить свою революционную стойкость и преданность народу, который нас послал добить остатки белых банд, возглавляемых генералом Пепеляевым.

История говорит за нас: где больше стойкости, там успех дается очень легко. Примером может служить борьба с генералом Пепеляевым в районе Якутска. При 40-градусном морозе наши герои Якутского гарнизона при равных силах разбили банду Пепеляева в районе Петропавловска и жалкие остатки этой банды отступают на Охотск—Аян. Наша задача—захватить их врасплох, чтобы ни один бандит не мог скрыться от народного правосудия, для чего я требую от вас дисциплинированности, храбрости и находчивости... Напоминаю вам, дорогие товарищи: отступления... быть не может. Охотск должен быть наш»¹.

Вошли в Охотское море и сразу же оказались в ледовой блокаде. На «Индирик» боцман то и дело свистал аврал, чтобы совместными усилиями моряков и краснофлотцев заделать пробоины в корпусе корабля. Порой казалось, что гибель неминуема, да к тому же еще вышел из строя радиопередатчик. Встревоженный Владивосток запрашивал: «Где вы? Что с вами?», а «Ин-

¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ), ф. р.—2193, оп. 1, д. 11, л. 156.

дигирка» и «Ставрополь», с трудом лавируя между льдинами, молчали. Но даже в этих условиях С. С. Вострецову, комиссару П. М. Пшеничному и другим политработникам удалось сохранить высокую боеспособность отряда, насчитывавшего 800 бойцов и командиров.

4 июня в 16 часов «Ставрополь» и «Индигирка» подошли к мысу Марекан, что почти в тридцати километрах от Охотска. Отряд в 700 человек был высажен на берег менее чем за три часа.

На рассвете 5 июня Охотск был окружен. Сам Степан Сергеевич с небольшим отрядом красноармейцев захватил белогвардейский штаб. После двухчасового кровопролитного боя гарнизон противника, численностью около ста штыков, капитулировал. Однако основные силы генерала Пепеляева находились в Аяне. 11 июня, отправив во Владивосток на пароходе «Ставрополь» раненых и больных красноармейцев, а также пленных пепеляевцев и трофеи, Вострецов с остальной частью отряда отбыл из Охотска.

13 июня «Индигирка» вошла в Алдомскую бухту, которая находится в ста километрах к северу от Аяна, и на берег сошли ударные роты. Стремясь застать врага врасплох, они почти трое суток скрытно пробирались к Аяну тайгой и через горы. И вот настал час расплаты! Поздней ночью 17 июня, сняв белогвардейские караулы, красноармейцы окружили штаб генерала Пепеляева. О том, что произошло дальше, Степан Сергеевич рассказывал так: «Расставив красноармейцев, подошел к штабу. Стучу: «Откройте!» Дверь приоткрыл полковник. Увидел меня и, торопливо захлопнув дверь, придавил мою руку. «Кто там?» — слышался голос за дверью. Отвечаю: «С вами говорит командир красной дивизии. Я высадив десант в полторы тысячи штыков. Отпирайте немедленно дверь!»

Минута проходит в молчании. Очевидно, совещают-

ся там, за дверью. Наконец дверь открывается. Я захожу в комнату: «Где генерал Пепеляев?» Большая комната, много кроватей, человек десять офицеров. У печки стоит генерал: «Я Пепеляев»... «Генерал, пошлите предписание вашим частям сдать немедленно». Он выполняет мое требование и тут же пишет приказ о сдаче»¹.

Впрочем, не сразу капитулировал белогвардейский генерал. Сначала по телефону он хотел вызвать на помощь батальон, расквартированный в селе Уйка, но красноармейцы перерезали провода. Поднять в ружье комендантскую роту тоже не удалось, она уже была разоружена.

Потом, когда старшие офицеры «дружины» узнали, что их взял в плен сравнительно небольшой отряд красных, они с горечью говорили: «Захватили нас, как цыплят».

18 июня 1923 г., когда еще не все белогвардейцы были выловлены в тайге, Вострецов сообщил во Владивосток: «После стоверстового тяжелого похода по тундре в порту Аян в 22 часа 17 июня взят в плен отряд во главе с генералом Пепеляевым. Пленных офицеров 103, солдат 230. Наши потери — один ранен. Подробности дополнительно. Командующий экспедиционным отрядом С. Вострецов»².

Всего было взято в плен в Аяне и его окрестностях 357 белогвардейцев, в том числе 9 полковников, 20 подполковников, 14 капитанов, 13 штабс-капитанов, 20 поручиков, 15 подпоручиков, 26 прапорщиков, один хорунжий и два ротмистра.

¹ Жизнь Степана Вострецова, — «Огонек», 1928, № 9, с. 14.

² Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 28075, оп. 1, д. 5, л. 80.

Рассказывают, что Уборевич позднее постоянно ссылался на это донесение: «Как много было сделано и как мало было сказано. Тут ведь за каждым словом — неисчислимые трудности, за каждой буквой — умение и героизм». У белогвардейцев было отобрано большое количество ценностей (золото, пушнина), много оружия иностранного образца, в том числе 11 пулеметов, 580 винтовок.

В Аяне для ликвидации остатков пепеляевского отряда и охраны революционных завоеваний был оставлен гарнизон из 147 человек во главе с помощником командира батальона Федором Подъячевым и политруком Михаилом Сполоховым. Почти до осени они вылавливали белогвардейцев в тайге и распадах хребта Джугджур.

В погожий день 30 июня «Индибирка», искореженная льдинами, вошла в бухту Золотой Рог. Задание было выполнено. Трудящиеся Владивостока торжественно встречали победителей. Красноармейцев на руках выносили с парохода и долго качали. Командарм объявил благодарность всему личному составу экспедиции, 29 человек были удостоены ордена Красного Знамени, многие получили ценные подарки и продолжительные отпуска.

А в это время в Москве главком С. С. Каменев, возможно, читал краткое донесение: «30 июня пришла «Индибирка». Охотск, Аян заняты, банды ликвидированы»¹.

Вскоре пришел приказ о награждении С. С. Вострцова четвертым орденом Красного Знамени: «...за блестящее выполнение в июне 1923 года в невероятно труд-

ных и опасных условиях Охотско-Аянской экспедиции, закончившейся ликвидацией банды Пепеляева и пленением самого Пепеляева, чем было уничтожено последнее гнездо контрреволюции на Дальнем Востоке»¹.

С разгромом банд Бочкарева и Пепеляева на многострадальную землю Севера советского Дальнего Востока пришел долгожданный мир.

¹ ЦГАВМФ, ф. р. — 2193, оп. 1, д. 11, л. 62. О жизни и деятельности С. С. Вострцова см.: Е. Д. Тимофеев. С. С. Вострцов. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1981.

¹ «Огонек», 1928, № 9, с. 14.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ НОВАЯ ЖИЗНЬ

В полдень 10 июня 1923 г. комиссар экспедиционного отряда П. М. Пшеничный, только что вернувшийся из поездки в село Иня, где он создавал волостной ревком во главе с К. Е. Левицким, созвал общее собрание жителей Охотска и окрестных сел. Поскольку в поселке не было вместительных помещений, собрание происходило на поляне у школы.

Петр Митрофанович рассказал собравшимся о том, как живут трудящиеся Советской России, разъяснил им основные положения ленинской национальной политики и предложил организовать уездный революционный комитет, призванный осуществлять советскую законность и полностью очистить Охотское побережье от недобитых белогвардейских банд.

Первым кандидатом в члены ревкома комиссар назвал бывшего командира роты пеших разведчиков Е. С. Нагорнова, указав при этом на высокого широкоплечего молодого командира. Охотчане одобрительно зашумели: «Правильно!» Дело в том, что Нагорнов был

заместителем заведующего военной торгово-кооперативной экспедицией, и изголодавшиеся за долгие годы гражданской войны северяне именно у него покупали муку, порох и свинец.

Петр Митрофанович рассказал собравшимся биографию Евгения Сергеевича. Родился он в 1899 г. в бедной крестьянской семье. Когда подрос, батрачил. В 1918 г. ушел добровольцем в Красную Армию, освобождал от белых Саратов, Пермь, Ижевск, Казань, Дарицын, Хабаровск и другие города, сражался против Колчака, Деникина, Дитерихса. С 1919 г. член партии.

В состав ревкома вошли также члены РКП(б) помком роты М. Котов, назначенный начальником Охотского гарнизона, и политрук К. Кошелев. Секретарем его стал известный уже нам Г. Н. Корюкин. Он был местным жителем, хорошо знал быт и нужды коренного населения. Два других члена ревкома, Прокопьев и Видяев, свободно владели якутским и эвенским языками, что было крайне важно для разъяснения северянам сущности Советской власти.

Территория, на которую распространялась власть ревкома, на юге граничила с территорией Удского уезда, а на севере — с территорией Нижне-Колымского края. В состав Охотского уезда входили Аянская, Ново-Устьенская, Инская и Ольская волости, сообщение с которыми было крайне затруднено. Своего транспорта ревком не имел, а Охотская почтово-телеграфная контора поддерживала постоянную связь только с Якутском, Иней и Тауйском. Радиостанция в Охотске, взорванная в 1920 г., располагала всего лишь одним маломощным приемником. Правда, в конце июля из Аяна был доставлен более мощный аппарат, принимавший сообщения из Петропавловска, Хабаровска и Владивостока, но передать что-либо в эфир охотчане еще долго не имели возможности.

Одним из первых мероприятий Охотского ревкома явилась организация волостного ревкома в селе Новое Устье. В июле 1923 г. Камчатский губревком утвердил его состав. В феврале 1924 г. Ольский волревком снова возглавил эвен А. А. Кочеров.

Обращение Охотского ревкома к населению побережья, переведенное на эвенский и якутский языки, донесло в самые глухие стойбища и селения весть об утверждении новой власти. 25 июня рабочие, рыбаки и кочевники собрались на двухдневную конференцию, созванную уездным ревкомом. На конференции рассматривались четыре вопроса: о международном положении Страны Советов, об ознакомлении с Конституцией РСФСР, о состоянии в уезде народного образования и рыбных промыслов. В отчете ревкома сказано: «Все присутствовавшие конференты остались довольны, слушали каждого докладчика с большим вниманием. А также было сделано несколько общих собраний во всех населенных пунктах, в г. Охотске и его окрестностях, на которых главным образом разбирались вопросы о строительстве рабоче-крестьянской власти...»¹

Трудящиеся побережья сразу почувствовали, что Советская власть — это подлинно народная власть. С помощью местных жителей в тайге удалось обнаружить тайник белобандитов — склад с продовольствием и боеприпасами, а вскоре был выслежен и арестован бывший начальник штаба банды Яныгиных полковник Худояров. Немногочисленный гарнизон Охотска, насчитывавший всего 60 бойцов, и сформированный из бывших партизан отряд милиции день за днем очищали побережье от последних пепеляевцев.

Однажды к Охотску прикочевал целый эвенский род

¹ Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.). Сборник документов и материалов. Магадан, 1973, с. 80.

во главе с князем Грозовым, который предъявил родовые медали и попросил защиты от яныгинцев, грабивших и притеснявших пастухов. Ревком выделил эвенам около еорока ружей с боеприпасами¹. Однако настигнуть банду Яныгиных и навязать ей бой охотчанам долго не удавалось. Красноармейцы дважды выходили на след врага, но в последний раз проводник-якут завел их в глухую тайгу, а ночью сбежал. Лишь с помощью эвена-охотника удалось отряду избежать ловушки.

15 июля из Нового Устья в Охотск приплыл на лодке рыбак и поспешил в ревком. Он сообщил о появлении в поселке подозрительных торговцев, один из которых был японцем, а другой, русский, прежде отирался в банде Яныгиных.

Красноармейский наряд арестовал «торговцев» и доставил их в ревком. Японец, назвавший себя Окайси, разрешения торговать не имел, да и товаров, кроме двух кулей муки, у него не было. Свои товары он давно сбыв Яныгину и прибыл в Новое Устье с тем, чтобы нанять какое-либо японское судно и переправить на нем банду за границу. Спутником Окайси оказался капитан Хапелин. Будучи опознанным, он, спасая свою жизнь, выдал местоположение банды братьев Яныгиных. По его словам, обманутые главарями якуты, узнав о том, что уездный ревком на своем первом заседании амнистировал 50 их раскаявшихся собратьев, разошлись по домам. С Яныгиными осталась всего горстка бандитов, с которыми они намеревались ускользнуть за рубеж.

Получив это известие, отряд Котова немедленно выступил. Как оказалось, председатель Инского волостного ревкома К. Е. Левицкий уже организовал слежку за белобандитами, а узнав о подходе отряда Котова, блокировал их в районе озера Ветреное. В коротком бою

¹ Гражданская война на Дальнем Востоке, с. 329.

яныгинцы были перебиты. Сами «братья-разбойники» пытались уйти вплавь через озеро, но их настигло справедливое возмездие.

Охотск в это время жил беспокойной жизнью. В поселке скопилось уже около сотни выловленных в тайге пепеляевцев и торговцев-хищников, а на рейде стояла японская шхуна «Киер-мару». Именно этого судна дожидался генерал Пепеляев, чтобы бежать с награбленными золотом и пушниной за границу. Японцы опоздали почти на полторы недели, и за эти десять дней произошли известные нам события в Охотске.

Капитан шхуны заявил, что товары принадлежат фирме «Тохаси и Танака», разрешения же торговать от советских властей у него не было. Это дало основание задержать шхуну, на что имелась санкция С. С. Вострецова. Секретарь уездного ревкома Г. Н. Корюкин нашел еще один веский предлог для задержки японцев. Дело в том, что фирма «Тохаси и Танака» не рассчиталась с охотскими рыбаками за минувший сезон, и ревком потребовал от японцев произвести с ними полный расчет. Лишь узнав об освобождении Аяна, охотские ревкомовцы разрешили японцам открыть торговлю, причем цены на товары устанавливались местной властью.

Еще не утихли разговоры вокруг «Киер-мару», как в самом начале июля на рейде замаячил силуэт трехмачтовой паровой шхуны «Михаил». Охотчане заволновались, так как помнили, что ровно четыре года назад это судно доставило на побережье карателей. Кто и с чем ныне пожаловал на «Михаиле» в Охотск? Председатель ревкома Е. С. Нагорнов с двумя красноармейцами направился было на лодке к шхуне, как вдруг на ее мачте взвился красный флаг. Оказалось, что зафрахтованный фирмой Деушева «Михаил» пришел из Японии, но капитан шхуны К. А. Дудник и матросы не намерены больше служить хозяину. Ревком решил за-

держивать судно и сообщил об этом в Николаевск-на-Амуре и Хабаровск. Скоро в Охотск прибыл уполномоченный Наркомводпути Маршан, и шхуна была реквизирована, а товары проданы населению побережья по твердым ценам. Эта мера Советской власти вызвала всеобщее одобрение северян, порядком натерпевшихся от фирмы Деушева.

Тогда же был наложен арест на товары американских толстосумов О. Свенсона и Д. Холмса, сотрудничавших с Бочкаревым и Пепеляевым, а в Оле ликвидирована фирма Соловья. Все необходимое охотчане могли приобрести теперь в магазине военно-торговой экспедиции, заведовал которым по совместительству председатель ревкома Е. С. Нагорнов. В других населенных пунктах побережья открывались торговые фактории, снабженческо-сбытовые кооперативы, народные лавки. Ольский кооператив, в котором в конце 1923 г. состояло всего 13 пайщиков, через год насчитывал уже 47 человек. Под руководством Охотского ревкома на побережье создавались промысловые рыболовецкие артели, охотничьи товарищества.

Мы уже знаем, что лучшие промысловые участки были заняты японскими капиталистами и их подставными лицами, которые вели хищнический лов рыбы в устьях рек и на нерестилищах. Стремясь пресечь эти незаконные действия иностранцев, ревком организовал службу рыбнадзора. Эта мера дала определенные результаты.

20 июля 1923 г. в Охотск прибыл уполномоченный Камчатского губревкома П. И. Дудко. Он принял на себя обязанности председателя уездного ревкома, а Е. С. Нагорнов был направлен в Хабаровск для решения вопроса о снабжении населения побережья. Вместе с ним на шхуне «Михаил» под усиленным конвоем отбыли 129 пленных пепеляевцев.

Е. С. Нагорнов доложил Дальревкому о политиче-

ском положении в уезде, уделив особое внимание продовольственному вопросу. Уже 11 сентября 1923 г. Дальревком рассмотрел вопрос об организации снабжения Камчатской губернии и принял решение: «...Срочно организовать отправку парохода с продовольствием на Камчатку и в Аяно-Охотский район...»¹. При Дальревкоме возобновила работу специальная комиссия, вошедшая в контакт с Наркоматом внешней торговли и Центросоюзом. Начальником организованной комиссии Охотско-Гижигинской экспедиции был назначен уполномоченный Наркомвнешторга по Дальнему Востоку Э. М. Михельсон.

21 сентября пароход «Томск» вышел из Владивостока. Стоимость всех товаров экспедиции оценивалась в 483 689 руб. золотом, большая часть грузов «Томска» (на сумму около 340 тыс. руб.) предназначалась для Охотска.

За короткое время Э. М. Михельсон и Е. С. Нагорнов много сделали для укрепления советской государственной и кооперативной торговли. Позднее Михельсон писал в своем отчете: «Везде, где были открыты наши фактории, установлен тесный товарищеский контакт между заведующими факториями и местными уездными и волостными властями. Проведен целый ряд совещаний информационного характера по вопросам государственной торговли, охраны пушнины, золота и полного проведения на местах государственной пушной монополии. Также разъяснено, что проведение изложенных мероприятий имеет государственное значение и необходимо для Советской власти»².

Таким образом, благодаря усилиям Дальревкома и Охотского уездного ревкома население побережья уда-

¹ Ревкомы Северо-Востока СССР, с. 83.

² Там же, с. 91.

лось обеспечить всем необходимым до следующего сезона. Торговля постепенно перешла из рук частных к государственным и кооперативным торговым организациям. «...Продовольственный вопрос в Охотско-Гижигинском районе до прибытия экспедиции стоял весьма остро. Население потеряло всякую надежду на прибытие какого-либо парохода с продовольственными запасами и забило тревогу о предстоящей голодовке»¹, — отмечал Михельсон.

Когда 18 октября 1923 г. Е. С. Нагорнов с экспедицией прибыл в Охотск, трудящиеся уезда вручили ему адрес с благодарностью за заботу и чуткое отношение к ним. Еще раньше, во Владивостоке, он был награжден Реввоенсоветом СССР именными часами с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции». Очень сожалел Евгений Сергеевич, что ему не удалось повидаться во Владивостоке с «ледовиками», вместе с которыми он спасал товары военно-торговой экспедиции во время аварий и вылавливал пепеляевцев в дебрях охотской тайги.

В Охотске Нагорнов застал перемены. Вместо отряда Котова, ушедшего на «материк» в августе, службу в гарнизоне несла полурота незнакомых красноармейцев. Много лет спустя Евгений Сергеевич, читая воспоминания капитана дальнего плавания А. П. Бочёка, с интересом узнал о том, как августовским днем 1923 г. на «Кишинев» прибыл Котов и передал капитану предписание командования принять на борт сто красноармейцев и сорок пленных пепеляевцев. Отряд Котова в основном состоял из молодых бойцов, подтянутых и дисциплинированных. Пленные, в большинстве бывшие офицеры царской армии, обросшие и оборванные, производили впечатление опустившихся бродяг. «Прежде всего о са-

¹ Там же, с. 90.

мом Котове. Это был человек среднего роста, худощавый, с тонкими чертами лица, необычайно выдержанный и подтянутый. Ни разу не приходилось наблюдать, чтобы он позволил какую-то грубость»¹.

Холодным октябрьским днем 1923 г. Евгений Сергеевич покидал Охотск. Сквозь шум прибоя с берега донеслись голоса провожающих. «До свидания, друзья! Я еще обязательно вернусь к вам!» — крикнул в ответ Нагорнов. На берегу замахали оживленнее. «Значит, услышали», — подумал Евгений Сергеевич. Слово свое он сдержал. Выйдя на заслуженный отдых, Нагорнов накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции приехал в Охотск. Поездка совпала с другим радостным событием — награждением его орденом Красного Знамени. Это была вторая награда ветерана гражданской войны. Первую — орден Красной Звезды майор Е. С. Нагорнов получил в годы Великой Отечественной войны.

Прибыл тогда, в октябре 1967 г., в село Вострещово Е. С. Нагорнов не один, а вместе с участниками «ледового похода» — бывшим командиром взвода разведчиков Н. Д. Овсянниковым и шифровальщиком экспедиционного отряда, ныне почетным гражданином города Уссурийска А. И. Спириным. Охотчане радушно встретили гостей. И вот, повинувшись жесту Евгения Сергеевича, вспорхнуло, а потом плавно опало белоснежное покрывало, — и на трехметровом постаменте перед охотчанами, как живой, предстал С. С. Вострещов. Это были незабываемые минуты!

А через пять лет ветеранов снова ждали в Охотске. В день 50-летия освобождения советского Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев комсомольцы района решили открытьobelisk и пригласили на торже-

¹ А. Бочек. Указ. соч., с. 166—167.

ство организатора первой комсомольской ячейки в уезде Е. С. Нагорнова и шифровальщика отряда А. И. Спирина.

Евгений Сергеевич, волнуясь, разрезал ленточку покрывала — и ввысь устремился четырехгранный восьми-метровый шпиль, у основания которого покоился гранитный валун с мыса Марекан, места высадки красного десанта. Над валуном гордо реяла чайка — символ вольных просторов Охотского моря. Надпись наobeliskе гласит: «Экспедиционному отряду 5-й Краснознаменной армии, участвовавшему в освобождении Охотского побережья от белогвардейцев и интервентов». У памятника вострещовцам прозвучала клятва комсомольцев района:

«Свято чтить память тех, кто, не щадя своей жизни, боролся за освобождение побережья от белогвардейцев...

Проявлять заботу о славных ветеранах революции, труда, гражданской и Отечественной войн.

Воспитывать на революционных, трудовых и героических традициях нашего народа подрастающее поколение и прививать ему любовь к Родине, к своему народу.

Свято беречь великие завоевания Октября и по первому зову быть готовым встать грудью на защиту Родины, до последней капли крови сражаться за правое дело и победить».

В июне 1973 г. торжественно отмечалось 50-летие освобождения Охотского и Аяно-Майского районов. Празднование ознаменовалось открытием в Аяне большого бюста С. С. Вострещова.

В те дни Е. С. Нагорнов, приглашенный на торжество вместе с помощником военкома экспедиционного отряда И. А. Чупрыниным и бывшим командиром отделения А. П. Снегуренко, в третий раз посетил Охотское побережье. До последних дней своей жизни он под-держивал дружеские связи с северянами. Незадолго до

кончины, последовавшей в июле 1976 г., он закончил работу над воспоминаниями о первых мероприятиях Советской власти на побережье. Рассказывая о своей последней поездке в Охотский район, Евгений Сергеевич писал: «Что мы увидели здесь? Воплощение мечты первых ревкомовцев, лелеявших надежду увидеть побережье в расцвете сил, со всеми богатствами, поставленными на службу советскому народу».

Однако, чтобы эта мечта сбылась, потребовались многие десятилетия самоотверженного труда северян. Под руководством коммунистов им сразу же после освобождения предстояло осуществить ряд неотложных политических, социально-экономических и культурных преобразований.

ПЕРВЫЙ ТУНГУССКИЙ

В том далеком 1923 г. в окна ревкома, разместившегося в купеческом особняке у многоводного Кухтуя, подолгу горел свет. Дел у народной власти было много. В первую очередь предстояло восстановить народное хозяйство уезда, которому карателями и интервентами был причинен ущерб на сумму 5 млн. руб. золотом¹. Доктор К. П. Оптовец, работавший на Охотском побережье в 1926 году, отмечал в своем дневнике, что хозяйство кочевников «крайне обнищало, на нем сказывается еще лапа белогвардейцев, сдиравшая с него шкуру: оленей осталось в обрез, ибо они сожраны бывшими офицерскими отрядами Пепеляева».

К аналогичному выводу пришел и К. Я. Лукс: «В наследство от времен царской власти в туземной области нам достались разоренные купеческо-чиновничьим грабежом туземные племена, загнанные в наиболее глухие

¹ В. С. Флеров. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск, 1964, с. 96.

уголки тайги и тундры. Хищнической погоней за ценными видами пушнины задолго до революции был подорван пушной промысел. Неразумный вылов рыбы и выбой морского зверя в корне нарушил относительную устойчивость хозяйства приречных ... и поморских ... туземцев. Не менее пострадало оленеводство, основа хозяйства самой многочисленной группы дальневосточных туземцев (тунгусы всех наименований, коряки, чукчи)»¹.

Уездный ревком, возглавляемый коммунистом П. И. Дудко, столкнулся со значительными трудностями. Опыта работы с малыми народами у представителей Советской власти еще не имелось. Вдобавок ко всему многие ревкомовцы не знали эвенского языка, а кочевники — русского. Как свидетельствует К. П. Оптовцев, некоторые эвены и эвенки не разбирались в происходящих в стране и на побережье событиях².

Политической отсталостью коренного населения злоупотребляли разного рода проходимцы. Немало оставалось на побережье и японских резидентов, развернувших подрывную деятельность против Советской власти и снабжавших оружием белогвардейское подполье. Так, сын эвенского князца П. Карамзин неоднократно в 1924—1925 гг. вступал в контакт с японским рыбопромышленником Сато, обосновавшимся в поселке Улья. Последний «посоветовал Карамзину ехать в Японию к военным властям»³.

Ревкомы строили свою работу на основе ленинской национальной политики Коммунистической партии, которая предусматривала равенство всех наций и народностей, право на самоопределение, широкую национально-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 66, л. 197.

² Из отчета Охотской экспедиции РОКК д-ра К. П. Оптовцева, — «Записки Владивостокского отдела госуд. Русского Географического общества», 1928, т. 1 (XVIII), с. 89.

³ ЦГАДВ, ф. р. — 4455, оп. 2, д. 51, л. 189.

территориальную автономию, а также оказание всесторонней помощи отсталым народам. В. И. Ленин открыл и обосновал пути перехода малых народов от первобытнообщинного строя к социализму, минуя феодализм и капитализм, при решающей роли Коммунистической партии и братской помощи победившего рабочего класса России.

Партийные и советские работники районов Охотского побережья, приступая к революционным преобразованиям, исходили из решений X и XII съездов РКП(б). «...Задача партии состоит в том, — подчеркивалось в резолюции X съезда партии по национальному вопросу, — чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию... помочь им развить и укрепить у себя советскую государственность», организовать широкую сеть школ и других культурно-просветительных учреждений¹.

Преодолевая огромные трудности, Охотский и Гижигинский уездные, волостные и сельские революционные комитеты делали все возможное для улучшения жизни коренного населения. Были отменены старые долги, успешно вытеснялась частная торговля. Эвены и эвенки теперь не переставали удивляться, как высоко оценивалась привозимая ими пушнина и как подешевели мука, чай, сахар, мануфактура, орудия охотничьего и рыболовного промыслов.

Новая власть защищала аборигенов от эксплуатации со стороны богатых сородичей и пришлых торговцев. На побережье и в тайге открывались медицинские пункты, ремонтировались школы, перешедшие теперь на государственное обеспечение, тогда как прежде они содержались самим населением, развернулась борьба с разного

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее «КПСС в резолюциях...»), т. 2. Изд. 8-е, с. 252.

рода эпидемиями, особенно опасными в условиях Севера.

Тяжело пережили охотчане весть о смерти великого вождя революции. 24 января 1924 г. состоялось специальное заседание Охотского ревкома, которое приняло следующее постановление: «С чувством тяжелой боли в душе Охотский уездный революционный комитет считал траурную весть о смерти горячо любимого пролетарского вождя. Умер Владимир Ильич, но дело его раскрепощения труда от ига капитала живо и будет вечной жить в лице мощного Союза Советских Социалистических Республик. Мы, ответственные работники, стоящие на советском посту далекого Севера пролетарской республики, отдадим все свои силы, знания и труд, чтобы заветы нашего учителя Владимира Ильича претворить в жизнь и довести борьбу труда с капиталом до полной и окончательной победы пролетариата над эксплуататорами»¹.

Эту клятву охотские коммунисты сдержали. В далеких таежных углах враг снова поднимал голову, и вот уже зашевелились недобитые пепеляевцы и яныгинцы в самом Охотске и под Охотском, с нетерпением ожидая подхода банды М. Артемьева из Якутии. Стало известно, что белобандиты захватили Нелькан, Аян и другие населенные пункты, а вскоре и к самому Охотску подступили головорезы бывшего пепеляевца П. Карамзина и якутского националиста Н. Слепцова.

В феврале 1925 г. бандиты захватили поселок Новое Устье, разграбили торговую факторию, похитив товаров на 121 856 руб., и стали угрожать Охотску, который был объявлен Камчатским губревкомом на осадном положении. Трудящиеся дружно встали на защиту Советской власти, в отряды самообороны записалось 240 при-

исковых рабочих. В своем письме они заявили: «Мы, горнорабочие, объединенные в вооруженные добровольческие отряды, заявляем, что, видя грабительский характер действий якутской банды, возглавляемой бывшим и настоящим бандитом Слепцовым Николаем, стремящейся к грабежу и произволу и срыву мирного труда рабочих и крестьян нашего Союза, взялись, как один, за оружие... Положим мы его на место тогда, когда на территории республики не останется ни одного бандита...»¹

В конце марта 1925 г., потерпев поражение под Охотском, белобандиты бежали в селение Арка, а позже сдались отряду красноармейцев.

В это время решением ЦК РКП(б) была создана Особая комиссия ЦК РКП(б) и ВЦИК по делам Охотского побережья из представителей Дальбюро ЦК РКП(б) и Якутского обкома партии. Возглавил ее герой гражданской войны в Якутии К. К. Байкалов. 20 мая 1925 г. К. К. Байкалов и представитель Дальбюро ЦК РКП(б) М. Иванов выехали в Иркутск для получения директив Центрального Комитета партии, а 12 июня они прибыли в Якутск, где в состав комиссии влились представители ЯАССР.

В августе члены комиссии были уже в Нелькане. К этому времени отряд Артемьева, не получив поддержки большинства якутов и тунгусов, капитулировал. Разъясняя охотникам и пастухам сущность Советской власти, посланцы Москвы вникали в нужды местного населения, разоблачали клеветнические измышления врагов о положении трудящихся в Советской России.

В помощь Особой комиссии была сформирована Охотско-Аянская экспедиция во главе с уполномоченным Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревкома В. А. Абрамо-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2351, оп. 1, д. 1, л. 89.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 2, д. 103, л. 269.

вым. 29 мая 1925 г. Дальбюро ЦК РКП(б) постановило:

«1. Предложить т. Абрамову ускорить выезд в Охотск и считать его временным уполномоченным ДБ ЦК и Дальревкома по Охотскому району впредь до распространения действий комиссии ЦК и ВЦИК РСФСР на этот район.

2. Тов. Абрамов, ведя твердую линию на организацию Советской власти в районе, должен сугубо учитывать местные и национальные особенности района.

3. Считать желательным ввод туземца в Охотский ревком.

4. Предложить т. Абрамову тщательно изучить корни восстания в районе»¹.

Дальбюро ЦК РКП(б) дважды, 22 мая и 15 июля 1925 г., рассматривало вопрос о снабжении населения Охотского побережья товарами и о предоставлении кредита бедноте. Специальная комиссия должна была заняться поставками продуктов на побережье и определить размеры ущерба, нанесенного государственным и кооперативным организациям белобандитами².

Особое внимание уделялось политико-воспитательной работе с местным населением. Обращение Дальревкома «Ко всем туземцам Охотского края», переведенное на тунгусский и якутский языки, было разослано в самые отдаленные уголки охотской тайги. «Где же ваш путь, с кем вы должны идти? Ваш путь — Советская власть, — говорилось в обращении. — С ней вы должны идти: ей помогать и вместе с ней добиваться лучшей для себя жизни. Ваши братья, туземцы остальных районов, ...поняли это. Они поняли, что только вместе с Советской властью, помогая ей, туземные племена добьются мир-

ной свободной и хорошей жизни. Да здравствует мирная жизнь туземных племен Дальнего Востока. Да здравствует Советская власть — защитница всех трудящихся!»¹

16 июня 1925 г. экспедиционный отряд Абрамова на пароходе «Томск», сопровождаемый сторожевым кораблем «Красный вымпел», вышел из Владивостока². Утром 23 июня красноармейцев радостно встречали охотчане. Первым по трапу сошел В. А. Абрамов, высокий, средних лет, с орденом Красного Знамени на гимнастерке. В тот же день Вениамин Андрианович выступил в красноармейском палаточном клубе с докладом о национальной политике партии и об отношении Советской власти к малым народам.

Примерно в это же время, в ночь на 22 июня, «Красный вымпел» входил в Аянскую бухту. Артемьевцы при подходе красных бежали в тайгу, и Аян без единого выстрела занял отряд красноармейцев, которым командовал коммунист П. А. Вебер.

Красные бойцы провели большую политическую работу среди эвенков, открыли первую на побережье национальную школу и организовали комитет крестьянской взаимопомощи³. В Аяне состоялось волостное совещание, на котором В. А. Абрамов выступил с обстоятельным докладом об отношении Коммунистической партии и Советского правительства к малым народам Севера. Участники совещания резко осудили антинародное выступление Артемьева и Карамзина. Отмежевавшись от белобандитов, они избрали «настоящую Советскую власть в лице волревкома... в составе тт. Пестерева Иннокентия (якута), Колесова Николая (тунгуса), Соловьева Льва

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 185 а, л. 38.

² Там же, л. 92, 122.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 971, л. 120.

² См. об этом: Борис Мухачев. Вымпелы революции. Хабаровск, 1980, с. 102—107.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 2, д. 103, л. 50—55.

(бедняка, русского, проживающего в нашем районе около 20 лет) и двух представителей от местного гарнизона Красной Армии, чтобы последние помогали нам работать и учиться...» Резолюция, единогласно принятая совещанием, заканчивалась призывом: «Да здравствует Советская власть, дающая нам свет, знание и мирную жизнь»¹.

В самом Охотске в июне—июле 1925 г. закончилось формирование уездной партийной организации, немедленно развернувшей широкую политическую кампанию за сплочение трудящихся вокруг Советской власти. В это время в уезде насчитывалось 52 кандидата и члена партии. Секретарем уездного бюро был избран коммунист с 1918 г., участник гражданской войны Д. Д. Чупров, пользовавшийся большим авторитетом у охотчан. 30 июня 1925 г. Камчатское губбюро РКП(б) утвердило состав Охотского партийного бюро из четырех человек².

Тогда же было решено созвать волостные съезды северян. В резолюции Ольского съезда, состоявшегося 2 августа, говорилось: «Первый тунгусский волостной съезд Ольского района, на котором присутствовали представители... шести кочевых тунгусских родов, а также присутствовало местное население села Ола и якутское население, постановил послать приветствие Дальревкому и свое обещание сплотиться вокруг Советской власти. Собравшиеся на съезде тунгусы благодарят Дальревком, что он прислал своих представителей, которые разговаривают с тунгусами как с равными, чего никогда раньше тунгусский народ не видел.

Мы питаем надежду и уверенность, что Советская власть поможет нам, темным людям. Мы хотим также быть грамотными, хотя наш кочевой образ жизни этому

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 971, л. 122.

² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 966, л. 104.

мешает. Мы просим Дальревком помочь обедневшему тунгускому народу: открыть нам кредит, так как в последние годы не было пороха, дроби и оружия, и мы остались без пушнины. Да здравствует Советская власть! Да здравствует Дальревком, первый заговоривший с нами, как с равными. Президиум съезда» (далее следуют подписи представителей шести родов)¹.

Немало добрых слов было сказано на съезде о потребительских и промысловых кооперативах, которые освобождали северян от эксплуатации со стороны бывших купцов и всякого рода проходимцев. Вместе с гостями из Охотска и делегатами уездного съезда на «Красном вымпеле» отбыли также четверо юношей. Они первыми из эвенов отважились выехать на учебу в далекий Ленинград.

Событием огромного значения в жизни северян стал первый уездный съезд представителей малых народов Охотского побережья, открывшийся в Охотске 10 августа 1925 г. На съезд прибыли 56 делегатов и 60 гостей, большинство из которых составляли эвенки, эвены и якуты.

Пять дней обсуждали северяне волновавшие их проблемы. 18 августа 1925 г. газета «Тихоокеанская звезда» писала: «По всей охотской тайге по призыву уполномоченного Дальревкома Абрамова целый месяц шли и ехали тунгусы на свой первый съезд, чтобы впервые приступить к коллективному строительству жизни... Съезд проходит с большим успехом. Вековые цепи молчания угнетенного народа разорваны... Все стремятся высказать наболевшее». А сколько нового за эти дни узнали делегаты!

На съезде были обсуждены отчетные доклады Охотского уездного и волостных ревкомов. В специальной

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 2, д. 103, л. 174.

резюлюции о родовых Советах отмечалось: «...Первый уездный съезд кочевников, туземцев Охотского уезда, приветствует Советское правительство, Коммунистическую партию, предоставивших возможность приобщиться к советскому строительству неграмотным кочевникам и жить одной жизнью со всем трудовым народом великого Союза Советских Социалистических Республик»¹.

Съезд принял также решения о государственной и кооперативной торговле, охотничьем и рыбном промыслах и о развитии органов здравоохранения и народного образования.

На уездном съезде многие из охотников и пастухов впервые узнали о жизни и деятельности В. И. Ленина. Указывая на бюст Ильича, секретарь уездного партбюро Чупров говорил: «Товарищи тунгусы и якуты! Вот это — вождь, учитель и организатор партии Владимир Ильич Ленин. Он жил, работал и трудился для угнетенных народов, и он коммунистам приказал идти на защиту бедных людей. Он не щадил себя, чтобы бедный народ был всем обеспечен, чтобы царь и помещики не угнетали рабочий люд. Ленин завещал нам это, и мы стоим на защите угнетенных туземных народов. Этот съезд есть первая связь рабочих и крестьян с туземным народом»².

Всем делегатам и гостям съезда были подарены портреты В. И. Ленина. Возвращаясь в свои стойбища, они увозили с собой также красные знамена. Делегат из Олы А. А. Кочеров вспоминает, как в праздники полыхали над юртами алые стяги революции. Было водружено такое знамя и над зданием Ольского волостного ревкома³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 2, д. 103, л. 220.

² Там же, л. 185.

³ «Краеведческие записки», вып. VI. Магадан, 1966, с. 48.

Съезд, по оценке Охотского уездного партбюро, упрочил союз рабочего класса с трудовым крестьянством Северо-Востока, содействовал зарождению интернациональной дружбы между русскими, якутами, эвенками и эвенами¹. В состав уездного ревкома наряду с русскими были избраны эвены П. С. Бабцев и И. Н. Громов, якут Сивцев-Белолобский.

Не успели облететь тайгу рассказы о «большой сходке», о великом вожде Ленине, прогнавшем врагов — «злых духов», как «торбасное радио» принесло весть о приезде членов Особой комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК, прибывшей в Охотск из Аяна на корабле «Красный вымпел» 6 сентября 1925 г. Особая комиссия провела большую работу по ликвидации последствий антисоветского выступления и укреплению органов Советской власти на побережье.

22 сентября возле здания уездного ревкома состоялось многолюдное собрание жителей Охотска, Нового Устья, Булгина и Старого порта. С докладом о международном положении СССР выступил К. К. Байкалов, о заслугах которого в разгроме белых банд в якутской тайге охотчане хорошо знали. С неменьшим интересом выслушали они и доклад члена Особой комиссии М. Иванова. Рассказав об успехах советского народа в восстановлении народного хозяйства страны, докладчик остановился на мерах по улучшению материального положения уезда, принятых Особой комиссией совместно с Охотским ревкомом. Это предоставление кредита бедноте, улучшение снабжения населения побережья, организация торговых факторий, промысловых кооперативов и артелей, открытие широкой сети школ и медицинских пунктов.

Погожим днем 23 сентября 1925 г. члены Особой ко-

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 1, л. 41.

миссии и экспедиционный отряд В. А. Абрамова покидали Охотск. Почти все население, от мала до велика, вышло провожать вестников новой жизни. 24 ноября того же года Дальбюро ЦК РКП(б) одобрило деятельность В. А. Абрамова по укреплению органов Советской власти на севере края, а также мероприятия по восстановлению народного хозяйства побережья. Материалы и документы Особой комиссии, Охотско-Аянской экспедиции и уездного съезда северян было решено передать в ЦК РКП(б)¹.

Позже К. К. Байкалов и В. А. Абрамов выезжали в Москву для доклада ЦК РКП(б) о проделанной работе. В том же 1925 г. принятые решения стали неуклонно проводиться в жизнь. Вскоре малые народы Севера были освобождены от всех налогов и старых долгов, бедняцкие хозяйства эвенов-оленьеводов получили кредит на сумму 25 тыс. руб.² для приобретения оленей. В 1926/27 г. оленеводам-беднякам был снова отпущен кредит — 40 тыс. руб. В Аяне, Арке и других селениях открывались школы, медицинские пункты, организовывались кооперативы. Посланные партией в северные районы партийные, советские, кооперативные работники, учителя, врачи повели трудную борьбу с вековой отсталостью таежного населения.

САМАЯ СПРАВЕДЛИВАЯ ВЛАСТЬ

К концу 1925 г., благодаря укреплению советского строя на Северо-Востоке, возникли условия для образования выборных органов Советской власти на местах. Советы, руководимые коммунистами, сыграли решающую роль в осуществлении фактического равенства наций и народностей нашей страны, в укреплении нерушимой дружбы между ними. В. И. Ленин в 1920 г. отмечал, что «только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций»¹.

3 июня 1925 г. Дальбюро ЦК РКП(б), рассмотрев доклад председателя Камчатского губревкома М. П. Вольского и секретаря губкома партии Д. С. Бузина, приняло решение: «Приступить к советизации на Камчатке. Организовать туземное управление согласно принятого положения. В местностях проживания русского населения провести выборы сельсоветов и волысполкомов»². В национальных селениях Камчатки и Охотско-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 237, л. 365—366.

² ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 66, л. 210.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 285 а, л. 99—100.

го побережья создавались родовые собрания и исполкомы, в национальных районах — районные съезды и исполкомы. В селах, где проживало смешанное население, организовывались общие Советы.

Создавая родовые Советы, Коммунистическая партия исходила из указания В. И. Ленина, что «всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что... Советы должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя»¹.

Организация родовых Советов была временной мерой, и они рассматривались как наиболее доступная для северян первоначальная форма советского строительства. «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области», разработанное в 1924 г. Дальревкомом, а также «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденное в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР (на основе их происходили первые выборы в районах Севера), вовсе не закрепляли родовую основу. Краевым и областным исполкомам предоставлялось право учитывать местные условия, и там, где родовые отношения не сохранились, создавались сельские Советы общего типа.

Родовые Советы в этот период были преимущественно органами самоуправления, но не органами государственной власти, как считают некоторые исследователи². И лишь по мере своего укрепления, а также совершенствования форм и методов работы они постепенно превращались в органы государственной власти. Родовые Советы «сыграли большую роль в упрочении советского

строения в отсталой социальной среде, приобщили к государственному строительству и управлению широкие массы трудящихся»¹.

Одновременно с первыми выборами на побережье, как и повсеместно на советском Дальнем Востоке, проводилось новое районирование. На территории бывшего Охотского уезда теперь создавались Охотский и Ольский районы, вместе с Тугуро-Чумиканским районом вошедшие в состав Николаевского-на-Амуре округа.

Для руководства выборами на побережье были созданы уездная, а также Охотская и Ольская районные избирательные комиссии. Уездную избирательную комиссию возглавил председатель Охотского ревкома коммунист Николай Антонович Карпинский. Назначенный комендантом пограничного отряда и уполномоченным ОГПУ, он прибыл в Охотск осенью 1925 г. на корабле «Красный выпел».

Спустя две недели по прибытии Карпинский был назначен заместителем председателя уездного ревкома и избран председателем уездного комитета крестьянской взаимопомощи (кресткома). Через год, 3 декабря 1926 г., президиум Охотского райисполкома, заслушав отчет Карпинского, отметил в своем постановлении, что «авторитет кресткома как общественной организации в глазах местного крестьянства значительно вырос, за что говорит возрождение сельских кресткомов в большинстве деревень района»².

В октябре 1925 г. Камчатским губревкомом Карпинский был назначен председателем Охотского уездного ревкома. Новый уполномоченный ОГПУ по Охотскому и Ольскому районам и комендант погранотряда К. И. Ра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

² Н. Т. Онищук. Советское строительство у малых народов Севера. 1917—1941. Томск, 1973, с. 84.

¹ В. А. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932). Томск, 1968, с. 307—308.

² Государственный архив Магаданской области (ГАМО), ф. р.—17, оп. 1, д. 6, л. 36.

кутин прибыл в Охотск только в августе 1926 г.¹, так что около года Карпинский занимал все эти важные должности.

Выборы в Советы и подготовка нового районирования побережья проходили при самом активном участии коммунистов. Уже 27 ноября 1925 г. на совместном заседании Охотских уездных партбюро и ревкома рассматривался вопрос о развертывании предвыборной работы. В резолюции было записано: «Немедленно приступить к работе по проведению выборной кампании, для чего разработать тезисы по проведению советизации края»².

В тезисах о советском строительстве, утвержденных уездным партбюро, говорилось, что в Советы следует избирать коммунистов и беспартийных, преданных делу революции, что в них «не должно быть места кулакам, купцам-спекулянтам, полицейским и тому подобным врагам трудового народа»³.

В отдаленные уголки тайги были посланы уполномоченные по выборам в сельские и родовые Советы.

14 декабря 1925 г. секретарь Охотского уездного партбюро А. Я. Пизик писал на места, в сельские и волостные ревкомы: «В условиях Камчатской губернии выборная кампания проводится первый раз, поэтому вполне понятно, что население недостаточно знакомо с формой советского строительства и техникой выборов в Советы. Важность указанной кампании очевидна, и тем больше внимания, больше активности должны проявить в проведении этой кампании волревкомы и сельревкомы Охотского уезда... Во всех докладах подробно освещать политику Советской власти: налоговую, в земельном во-

¹ После трагической гибели Н. А. Карпинского 28 мая 1927 г. К. И. Ракутин возглавил также и Охотский райисполком.

² ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 1, л. 39.

³ ГАМО, ф. р. — 39, оп. 1, д. 68, л. 23.

просе, профорганизаций, охраны труда, просвещения, здравоохранения, кооперации и др.»¹

Подготовке первых выборов в родовые Советы очень помогло совместное совещание уездного бюро РКП(б) и ревкома с представителями самого отдаленного Аркинского эвенского подрайона, созванное 23 декабря 1925 г. по инициативе Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревкома.

В резолюции совещания говорилось: «Мы, туземцы, убедились, что можем, как и все люди, управляться сами путем организации своих родовых и районных Советов и разбирать наши дела согласно наших привычек и обычаев. С полным удовлетворением отмечаем, что Советская власть правильно поняла нас, тунгусов, и только она действительно желает помочь нам... Мы... заверяем Рабоче-Крестьянское правительство, что, с радостью приступив к претворению в жизнь учения тов. Ленина, через свои родовые Советы соединимся со всеми рабочими и крестьянами. Считать организацию родовых и районных Советов необходимой»².

В тот же день, 23 декабря, совещание приняло специальное обращение к северянам, в котором понятным, доходчивым языком разъяснялась сущность предстоящих преобразований: «Советская власть ставит своей целью поднять благосостояние населения и окончательно освободить трудящихся от купцов... Мы призываем: идите и работайте во всех органах Советов. В Советах нет различия между нациями — и тунгус, и якут, и русский... — все являются равными и все участвуют на равных правах в управлении в органах Советской власти, в ней нет места только купцам-обманщикам и врагам трудового народа. Советская власть — для трудящихся,

¹ Там же, л. 22.

² ЦГАДВ, ф. р. — 3014, оп. 1, д. 80, л. 182.

счастье туземца — счастье всего народа. Дружно же, товарищи, на выборы в Советы. Пусть прозвучит призывный клич по всей охотской тайге и поднимает все до одного бедных туземцев и поставит их под красный стяг Октябрьской революции, чтобы об их сплоченные ряды разбились в прах все атаки темных сил врагов революции»¹.

Поскольку грамотных среди эвенов не было, то они вместо подписей проставили отпечатки пальцев. Наверное, многие из них сожалели о том, что они не смогли расписаться под этим замечательным документом.

Три дня продолжалось деловое обсуждение наиболее актуальных вопросов местной жизни. Эвены в своих выступлениях выражали горячую признательность Советской власти за ее заботу о малых народах Севера. Старик С. Т. Погодаев заявил: «Все мы, тунгусы, заверяем, что мы твердо стоим на страже интересов Советской власти».

Закрывая совещание, А. Я. Пизик передал аркинским эвенкам большой портрет В. И. Ленина и сказал: «Вот этот человек — наш дорогой учитель и вождь Владимир Ильич [Ленин], который всю жизнь стоял за интересы всех трудящихся и угнетенных наций...»²

Очень тронуты были эвены вниманием охотских коммунистов и по возвращении в Арку установили портрет Ильича в центре селения. Все перемены к лучшему в жизни кочевников отождествлялись ими с именем великого Ленина. В том же 1925 г. в стойбище был открыт фельдшерский пункт, а через два года — национальная школа.

Обращение к населению охотской тайги, как и обращение Ольской избирательной комиссии к жителям рай-

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 1, л. 44.

² ЦГАДВ, ф. р. — 3014, оп. 1, д. 80, л. 183.

она, сыграло важную роль в успешном проведении первой выборной кампании на побережье.

В селах, население которых превышало сорок человек, сельсоветы уже могли избираться (один депутат представлял 15 человек). Родовой Совет избирался в родах, насчитывавших более 15 семейств; если род был малочисленным, то избирал своего представителя в ближайший Совет. Избирались родовые Советы обычно во время ярмарок, на которые съезжалось большинство кочевников. Выборы проходили в праздничной обстановке, сопровождалась спортивными соревнованиями. В одном только Охотском районе (с Аяном) было избрано 17 родовых Советов¹.

Сама обстановка, в которой проходили выборы, убеждала кочевников, что Советская власть — это их власть. Так, в Оле состоялось торжественное заседание волостного ревкома, посвященное выборам, был организован общественный обед и поставлен спектакль на эвенском языке, а женщины провели свое первое собрание. В докладе Ольской избирательной комиссии говорилось, что на предвыборных собраниях эвены задавали много вопросов, приходили за разъяснениями из далеких стойбищ. Отношение населения к Советам «не только благожелательное, но скорее приветственное, так как на собраниях не было за все время ни одного вопроса, проникнутого пессимизмом»².

Несмотря на большие трудности, связанные с кочевым образом жизни охотников и пастухов, выборы показали возросшую политическую активность северян. Средний процент проголосовавших на Камчатке достиг 69%, в селении Новое Устье — 97,6, в Ольском районе он составил 74,6%³.

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 6, л. 42.

² Там же, л. 44.

³ В. С. Флеров. Указ. соч., с. 274.

В ходе выборов потерпели крах попытки контрреволюционных элементов пробраться в Советы. Рабочие, рыбаки, охотники и пастухи-оленоводы Охотского побережья пошли за коммунистами, а не за кулаками и шаманами.

В отчете о работе Охотской уездной избирательной комиссии Карпинский отмечал: «По вопросам, относящимся к советизации, все выступления как членов партии, так и беспартийных встречались сочувственно. Вся подготовительная работа сводилась к тому, чтобы возможно шире и глубже заинтересовать население, повысить его активность, и поэтому при ответах на вопросы по докладу практиковалось затрагивать и другой соприкасающийся момент и вызывать у аудитории новые вопросы. Наибольшее внимание аудитории вызывали везде вопросы экономического характера вообще, и в особенности вопрос местного рыболовства и кредитования в частности. По вопросам именно этого характера было больше всего выступлений. С интересом население относилось и к кооперации»¹.

Итоги первых выборов были подведены на съезде представителей трудящихся Охотского района, открывшемся 25 марта 1926 г. в помещении уездного ревкома. Съезд обсудил доклад о международном и внутреннем положении СССР, отчет уездного ревкома, доклады о народном образовании, о здравоохранении, о кооперации, о работе среди таежного населения и другие вопросы. Районный съезд стал еще одним важным этапом на пути укрепления позиций Советской власти на Охотском побережье.

В состав первого Охотского районного исполкома было избрано 13 человек, в том числе эвен, якут и камчадал. Председателем райисполкома вновь стал Н. А.

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 6, л. 52.

Карпинский, а его заместителем—И. Н. Громов, энергичный, преданный Советской власти эвен.

Сразу же после съезда Карпинский выехал в Олу. Проведя в пути более чем полмесяца, Николай Антонович прибыл в далекий северный поселок поздним апрельским вечером. На другой день состоялось совещание районной избирательной комиссии, на котором ее председатель Рудковский рассказал о проделанной работе. Положительно оценив деятельность комиссии, Карпинский в то же время потребовал завершить процесс создания родовых Советов в Ольском районе.

23 апреля в Оле открылся съезд представителей трудящихся района. Делегаты по предложению бывшего секретаря ревкома учителя И. А. Варрена почтили память В. И. Ленина минутой молчания. Потом слово для отчетного доклада было предоставлено Н. А. Карпинскому. Единодушно одоблив деятельность уездного ревкома, делегаты предложили расширить сеть кооперативов и артелей, улучшить состояние народного образования.

В резолюции съезда отмечалось, что отчетный период характеризовался: «1) укреплением хозяйственных основ Охотского уезда; 2) приближением туземцев к советской общественности; 3) увеличением школьной сети; 4) увеличением и улучшением медицинской помощи населению и вообще укреплением политического и экономического положения на территории уезда». Делегаты признали «работу ревкома, как направленную к общей цели: победе рабочих и крестьян всех национальностей над мировым капитализмом, — правильной»¹.

В состав Ольского райисполкома было избрано 10 членов, в том числе двое эвен, двое якутов, четверо камчадалов, двое русских. Съезд обратился в Нижне-амурский окружком партии с просьбой прислать ком-

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 6, л. 29.

муниста для последующего утверждения его в должности председателя Ольского райисполкома. В наказе делегатов съезда райисполкому прямо говорилось: «Такова воля всего трудового населения Ольского района». До приезда коммуниста М. Д. Петрова должность председателя райисполкома замещал член исполкома фельдшер М. Т. Дюков.

Таким образом, в результате выборов 1926 г. сельские и волостные ревкомы на Охотском побережье были заменены сельскими и родовыми Советами. На этой основе в дальнейшем строилась вся работа по совершенствованию органов Советской власти на местах.

Отдаленность селений Приохотья от окружного и краевого центров, отсутствие подготовленных кадров из среды северян, а также недостаточность опыта, безусловно, сказывались на работе местных, и особенно родовых, Советов. Кое-где в глухих уголках Охотского побережья не было до конца преодолено и влияние кулаков, шаманов и других эксплуататорских элементов.

Памятуя указание В. И. Ленина о том, что «для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...»¹, а также стремясь улучшить руководство советским строительством на местах, Далькрайком ВКП(б) и Далькрайисполком взяли курс на организацию в крае национальных округов и районов. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял решение «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», на основе которого на Дальнем Востоке были созданы Чукотский, Корякский и Охотско-Эвенский национальные округа и ряд национальных районов. Создание автономных округов явилось

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

выдающимся событием в истории малых народов Севера. Объединенный пленум Далькрайкома ВКП(б) и краевой контрольной комиссии, состоявшийся в ноябре 1932 г., отмечал, что создание национальных округов вызывается всем ходом социалистического строительства в крае и необходимостью качественного улучшения руководства местами, что в итоге является огромным фактором подъема производительных сил Дальнего Востока¹.

Эти решения партии и правительства горячо приветствовали северяне. Так, 3 июня 1931 г. Охотское райбюро ВКП(б), заслушав доклад К. Я. Лукса «О национальном районировании Севера и создании Охотско-Эвенского тузокруга», оценило предстоящие преобразования как «огромный шаг вперед в деле доведения до малых народов Севера национальной политики партии»².

По просьбе самих эвенков еще в 1929 г. из состава Охотского района в самостоятельную административную единицу был выделен Аянский район. Это также содействовало улучшению руководства сельскими и родовыми Советами. Секретарь Аянского райисполкома коммунист Н. А. Загатын писал, что «перевыборная кампания прошла очень хорошо... Съезды прошли довольно активно и деловито, и, надо сказать, что активность выразилась в туземной массе»³. Позднее, в 1931—1932 гг., в состав Аянского района вошел Нельканский улус и район получил название Аяно-Майского. В 1931—1932 гг. на Охотском побережье состоялись перевыборы Советов, в ходе которых родовые Советы повсеместно были заменены Советами, созданными на территориальной основе.

Подводя итоги этой важной работы, первый съезд Советов Охотско-Эвенского округа подчеркнул в резо-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 36, л. 81.

² ПАХК, ф. 1802, оп. 1, д. 30, л. 100.

³ ПАХК, ф. 320, оп. 1, д. 271, л. 207.

люции по отчету Охотско-Эвенского оргкомитета: «В результате проведенной перевыборной кампании Советов повысилась политическая активность бедняцко-батрацких и середняцких масс, что нашло свое отражение в повышении процента явки на избирательные собрания и повсеместном лишении кулаков права голоса... Кочевое население округа повсеместно охвачено Советами. Родовые Советы заменены всюду территориальными. Сеть кочевых Советов возросла с 14 до 30»¹.

В округе было избрано 6 райисполкомов и 60 сельсоветов². Первыми избрали новый совет трудящиеся Ульинского национального района. 11 января 1931 г. Охотское райбюро ВКП(б) приняло следующее постановление: «Ввиду того, что родовые Советы себя изжили, так как переход из рода в род почти повсеместное явление, что рода как такового не существует, как опыт в Улье избрать райтузсовет на правах сельсовета, родовые советы ликвидировать»³. Опыт удался.

В 1933 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о кочевых Советах и национальных округах в районах северных окраин РСФСР». В кочевых Советах секретарями теперь работали, как правило, коммунисты, которые сыграли большую роль в улучшении их работы. В местах, где находились кочевые или полукочевые Советы, открывались фельдшерские пункты, школы, кооперативы. В 1931—1932 гг. намечалось создать 11 таких национальных центров.

Большим событием в жизни коммунистов Охотского побережья явилась первая окружная партконференция, состоявшаяся в октябре 1932 г. в поселке Нагаево. В то время партийная организация округа насчитывала 372

¹ «Орочелско-эвенкийская правда», 1.XI.1932.

² «Орочелско-эвенская правда», 31.XII.1931.

³ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 30, л. 3.

члена и кандидата партии, из которых 64 коммуниста состояли на учете в Охотской районной партийной организации¹. Конференция обсудила вопросы о проведении коллективизации и путях подъема хозяйства коренного населения. В резолюции ее отмечались сдвиги в экономическом развитии округа, связанные с внедрением достигнутых технического прогресса в рыбообработку, созданием сети опорных хозяйственных и культурных пунктов, повышением товарности народного хозяйства районов Охотского побережья².

Первый окружной съезд Советов, начавший свою работу сразу же после партконференции, констатировал, что «округ уже вступил на путь социалистического переустройства своего хозяйства» и это вызывает ожесточенное сопротивление классового врага³. В резолюции съезда о кооперировании и коллективизации хозяйств северян рекомендовалось «особое внимание уделить созданию простых товариществ, как форме колхоза, подготавливающей переход на устав смешанной артели»⁴.

В 1934 г. Охотско-Эвенский округ, сыграв свою роль в приобщении малых народов Севера к социалистической реконструкции, был упразднен. Северные районы Охотского побережья вошли в состав только что созданной Нижне-Амурской области. Через два года, то есть в 1936 г., эвены и эвенки Приохотья вместе со своими русскими братьями единогласно высказались за принятие новой Конституции СССР, закрепившей за ними великие права строителей социализма и коммунизма. Еще через год, в декабре 1937 г., состоялись выборы в Верховный Совет СССР, и трудящиеся побережья, равные среди равных, дружно голосовали за блок коммунистов

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 36, л. 118.

² «Орочелско-эвенкийская правда», 23.X.1932.

³ «Орочелско-эвенкийская правда», 1.XI.1932.

⁴ «Орочелско-эвенкийская правда», 24.XI.1932.

и беспартийных. Бывший председатель Аркинского сельсовета, кавалер ордена Октябрьской Революции Я. И. Большаков вспоминал в 1971 г.: «В юрте проводили первые выборы в Верховный Совет. В центре портрет Ильича, пол укрыли шкурами. Горят свечи. На улице декабрь. По всей Арке костры горят»¹.

От всей души говорил, выступая на предвыборном собрании, старый эвен Н. К. Дегтярев: «При Советской власти мы узнали, что означает хлеб, чай, сахар, которого у нас вдоволь... Нам уже мало того, что мы имеем хорошие теплые палатки и камины, мы строим новые дома. Мы теперь стали зажиточными... Ознакомившись с новой Конституцией, я решил: «Нет, нельзя мне стареть. Молодым надо быть при такой жизни...»² Слово свое Николай Кириллович сдержал, дожив до восьмидесятивосьмилетнего возраста.

Так Советская власть вошла в жизнь коренного населения Охотского побережья, дав северянам все возможности стать вровень с передовыми строителями нового мира.

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В 1923 г. В. И. Ленин в статье «О кооперации» писал: «У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения... И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»¹.

Состоявшийся весной 1921 г. X съезд РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» подчеркнул, что следующим шагом после отстранения от власти бывших эксплуататоров должна стать экономическая организация бедноты в кооперативы, что «Советское правительство должно прежде всего через сеть органов единой потребительской кооперации прийти на помощь местным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания»².

¹ «Дальний Восток», 1971, № 2, с. 127.

² «Исторический архив», 1955, № 2, с. 211.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369—370.
² КПСС в резолюциях..., т. 2. Изд. 8-е, с. 253.

Как мы знаем, первые кооперативы появились на Охотском побережье еще в годы гражданской войны, но только после освобождения Севера Дальнего Востока от белогвардейских банд кооперативное движение здесь стало массовым. Уже в 1923—1924 гг. возникли потребительские кооперативы в Оле, Тауйске, Ямске и Туманах. Позже на побережье были организованы охотничьи товарищества и рыболовецкие союзы.

Итогом деятельности кооперативов явилось значительное улучшение снабжения населения Приохотья. Еще большее значение имело создание промысловых артелей на побережье. Уже 13 сентября 1925 г. Охотское уездное партийное бюро изучало вопрос об организации охото-рыболовецкого союза¹. Через пять дней было создано собрание охотников и рыбаков Охотска, объединившихся в промысловый союз². Молодые рыбаки поселка в том же году организовали рыболовецкую артель, положившую начало будущему колхозу «Рассвет Севера». Первым председателем артели был избран комсомолец И. А. Тюшов.

Экономическое совещание работников уездных советских и хозяйственных организаций с участием представителей от населения, созванное Особой комиссией ЦК РКП(б) и ВЦИКа по делам Охотского побережья в сентябре 1925 г. в Охотске, дало высокую оценку кооперированию охотников и рыбаков как основному пути вовлечения их в социалистическое строительство. В постановлении совещания по докладу члена комиссии М. Иванова о кооперации говорилось: «Учитывая тяжелое эко-

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 1, л. 29.

² На Охотском побережье по существу охотничья и рыболовецкая кооперация с самого начала работали вместе, так как их члены одновременно являлись охотниками и рыбаками (Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР, ф. 8033, оп. 1, д. 774, л. 5).

номическое положение Охотского побережья, приняв во внимание, что в уезде абсолютное большинство туземцев охотники и остальная часть рыбаки, совещание считает, что единственным способом воздействия при вовлечении населения как в хозяйственное, так и экономическое строительство является создание промысловых кооперативов, охотничьих и рыболовецких, на всем Охотском побережье... Для более быстрого проведения в жизнь намеченных правительством мероприятий по восстановлению разрушенных хозяйств приступить к немедленной организации промысловых кооперативов и ходатайствовать перед ДРК (Дальревком. — А. Ф.) о широком кредитовании создаваемых кооперативов»¹.

Совещание предложило уездному ревкому оформить промысловый союз рыбаков и охотников на основе устава Всесоюзного промыслового рыбакосоюза и обратиться к Дальгосторгу с просьбой улучшить снабжение уезда продуктами питания и орудиями промысла, а также предоставить промысловым кооперативам необходимые кредиты.

Наиболее массовыми кооперативными организациями на побережье стали охотничьи товарищества, через которые происходил товарообмен. Охотничья кооперация в Охотском (сюда входил и Аянский национальный Совет) и Чумиканском районах оформилась в 1925 г., в Ольском — в 1926 г.²

Охотское районное партбюро и райисполком уже в ноябре 1926 г. отмечали снижение цен на продукты питания и охотничьи принадлежности, быстрый рост членов кооперации за счет коренного населения, улучшение обслуживания населения Аяна, Арки, прииска «Золотой»,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 971, л. 228.

² ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 280, л. 75. В 1926 г. в Ольском районе по уставу охоттоварищества работали четыре кооператива — Ольский, Тауйский, Ямский, Туманский.

Ини¹. Особое внимание обращалось на избавление бедноты нацменьшинств от эксплуатации со стороны родовой верхушки, шаманов и кулаков.

В конце 1926 г. в Охотске состоялся первый съезд кооперативов. Положительно оценивая итоги его работы, Охотское райбюро ВКП(б) поставило перед кооперацией задачу «обслуживания всего кооперированного населения, особенно охотника-тунгуса и рыболовов, объединяя их в рыболовецкие артели»².

Размах и темпы советского строительства на Охотском побережье давали мощный стимул для дальнейшего развития кооперативного движения. В 1928 году собрание аркинских эвенов постановило: «Мы, тунгусы, наяву видим ту действительную пользу, которую приносит нам кооперация. Тот произвол, который царил во времена самодержавия, теперь изжит навсегда и мы призываем всех товарищей, не состоящих еще членами кооперации, записаться, ибо только через кооперацию мы улучшим свое благополучие. Да здравствует кооперация, проводник социализма! Да здравствует Советская власть! Все в кооперацию»³. На 1 сентября 1927 г. районное отделение охоттоварищества насчитывало 644 члена, с общей суммой товарооборота 223 655 руб.⁴ К июню 1928 г. кооперацией было охвачено уже 920 человек, причем 340 из них являлись кочевниками.

Со временем смешанная (интегральная) форма кооперации была признана наиболее отвечающей условиям Севера, и в 1927 г. Охотское районное охоттоварищество вместе с рыболовецкой кооперацией образовали интегральный союз «Промысловик». Второй Охотский

¹ ГАМО, ф. р. — 17, оп. 1, д. 6, л. 33.

² ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 10, л. 3—4.

³ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 10, л. 53.

⁴ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 2, л. 124.

съезд кооператоров, состоявшийся в конце 1927 г., санкционировал эту реорганизацию.

Поддержав решение съезда, Охотское районное партбюро 5 декабря 1927 г. постановило: «признать желательным, вполне целесообразным и своевременным переходом охоттоварищества на интегральную форму кооперации... Принять меры к открытию постоянно действующих отделений... первоначально как опыт в Арке и Улье»¹. Создание отделений интегралсоюза в глухих таежных районах, где прежде властвовали разного рода темные дельцы, быстро себя оправдало.

Ульинскую факторию, а позднее и отделение районного интегралсоюза возглавлял коммунист Я. И. Юдин², хорошо знавший язык и обычаи эвенов. Кочевники доверяли ему, а он в свою очередь высоко ценил их честность и трудолюбие. Торговый работник А. Мейсельман рассказал в своих записках об одном эпизоде, действительно имевшем место в Улье тех лет... «Тунгусы — люди удивительно честные... Тунгус принес долг. Тунгус, не спускавшийся с гор 15 лет, принес белок на 40 рублей, которые он задолжал в незапамятные времена русской купчихе, скупщице пушнины. Долг принесен и отдан русским же, не все ли равно кому? И потому он особенно счастлив, когда, объяснив происшедшие в России изменения, заведующий факторией возвращает ему белок — долг, аннулированный революцией»³.

Подытожив опыт работы первых интегральных кооперативов, 9 июля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР признали целесообразным повсюду в районах Крайнего Севера организовать специфическую форму кооперации, интегральную. Наряду с выполнением снабженческо-загото-

¹ Там же, л. 168.

² Прибыл на Охотское побережье еще в 1914 г.

³ А. Мейсельман. Указ. соч., с. 135.

вительных функций перед смешанной кооперацией была поставлена задача технической реконструкции хозяйства малых народов Севера. В «Положении о смешанных (интегральных) кооперативных объединениях на Крайнем Севере», утвержденном Президиумом ВЦИКа, подчеркивалось: «Смешанные (интегральные) кооперативные объединения (кооперативы и их союзы) образуются в целях обслуживания производственных и потребительских нужд своих членов, поднятия путем кооперативной взаимопомощи их материального благосостояния и культурного уровня в направлении осуществления начал социалистического строительства... В задачи смешанных (интегральных) кооперативов входит обслуживание хозяйства трудового населения Крайнего Севера в отношении его снабжения, а также организация сбыта продукции его хозяйства, содействия промыслам и обслуживания кредитом»¹.

С принятием этого «Положения» был завершен период исканий наиболее оптимальной формы северной кооперации, которая явилась конкретным воплощением ленинского кооперативного плана в своеобразных условиях Севера. Характерно, что организация интегральной кооперации началась снизу, на местах, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР лишь узаконило рожденное самой жизнью.

Круг задач интегральных кооперативов был чрезвычайно широк. Они не только обслуживали производственные и снабженческие нужды хозяйств своих членов, но и вели большую культурно-массовую работу среди трудящихся тайги и тундры. Ленинский кооперативный план предполагал осуществление широкой и глубокой культурной революции. Советское государство оказывало большую финансовую помощь кооперации.

¹ «Северная Азия», 1928, № 5—6, с. 174.

В одном лишь 1927 г. кооперативы национальных районов Дальнего Востока, в том числе и Охотского побережья, получили 150 тыс. руб. кредита¹.

В 1928 г. почти все кооперативы Дальнего Востока завершили переход на устав интегрального районного союза. В марте 1928 г. четыре охотничьих кооператива Ольского района объединились в один интеграл с отделениями в Тауйске, Ямске и Туманах, охватывавших 425 человек².

Успешно проходил процесс кооперирования и в других районах Приохотья. В 1927 г. газета «Тихоокеанская звезда» писала о больших успехах в кооперировании коренного населения Чумикана и других поселений, где к тому времени в промысловые кооперативы было объединено большинство охотников³. 5 июня 1928 г. краевой Комитет Севера обобщил опыт работы кооперативов Тугуро-Чумиканского района, особо отметив расширение сети снабженческих пунктов в тайге, куда завозились продукты и промтовары. В Удском, Тугуре и Маймакане были открыты отделения интегралсоюза, товарищество приобрело шхуну «Север», организовало бондарную, рыболовецкую и пошивочную артели. Как положительные факты оценивались подготовка кооперативных работников из местного населения, а также удовлетворительное снабжение района продуктами питания и промысловыми орудиями⁴.

Этими достижениями кооператоры Тугуро-Чумиканского района в немалой мере были обязаны заведующему факторией коммунисту М. Ф. Майкову, работавшему здесь с 1920 г. (позднее, в 1931 г., погиб от руки кулаков). Верным соратником Майкова стал бывший ко-

¹ ЦГАДФ, ф. р. — 2413, оп. 9, д. 155, л. 10.

² ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 288, л. 75.

³ «Тихоокеанская звезда», 17.X.1927.

⁴ ПАХК, ф. 320, оп. 1, д. 176, л. 83.

мандир партизанского отряда звенк П. К. Протодьяконов. В 1931 г. он побывал в Москве на приеме у М. И. Калинина и председатель ВЦИКа вручил ему именные серебряные часы за успешную работу.

Постановление бюро Далькрайкома ВКП(б) «О мероприятиях по хозяйственному обслуживанию туземного населения ДВ края», принятое 11 июня 1928 г., обязывало партийные организации Дальнего Востока не только уделять кооперативам повседневное внимание, но и очистить их от бывших торговцев и других элементов, стремившихся использовать кооперацию для своего обогащения. Бюро Далькрайкома партии потребовало ликвидировать нездоровые взаимоотношения между государственными и кооперативными торговыми работниками при заготовке пушнины, передав кооперативам всю розничную торговлю¹.

С 1927 г. снабжение Севера находилось под постоянным контролем центральных и местных партийных, советских и хозяйственных органов. К этому времени почти вся розничная торговля перешла в ведение кооперативов. Тогда же, в основном, на Охотском побережье были потеснены иностранные и русские предприниматели². На Охотском рейде перестали появляться шхуны О. Свенсона. Чумикан покинул купец Ф. Кондратьев, проторговавший здесь свывше двадцати лет. В Ольском районе поспешно сворачивал свои торговые дела Вирт, в прошлом часовой мастер.

О больших успехах кооперативного движения на Охотском побережье говорил в 1929 г. на заседании Комитета Севера при ВЦИКе заместитель председателя

¹ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 81, л. 269—271.

² См.: О. Н. Криворучко. Борьба Советского государства за социалистическое освоение Дальнего Востока в 20-х годах, — «История СССР», 1976, № 6, с. 140.

комитета А. Е. Скачко¹. Несколько позднее он писал в своей книге о Дальнем Востоке: «Наряду с освобождением туземцев от правового порабощения идет работа по освобождению от экономической зависимости и эксплуатации... Борьба со всеми этими видами эксплуатации посредством административных мер решительно невозможно. Единственно действенным орудием борьбы является развитие кооперации, и при этом кооперации чисто туземной... За туземную кооперацию они берутся очень горячо, вполне добровольно, без всяких уговоров. Очень быстро усваивают, что кооперация — это их собственная торговля, принимают во всех делах кооперации самое активное участие, горячо защищают выбранное им правление и в то же время очень жестко пробирают его за ошибки и упущения. Не только уплачивают без всякого нажима членские взносы, но и вносят крупные товарные авансы в 50—100 рублей...»²

Постепенно охотники и рыбаки убеждались в преимуществах коллективного труда перед единоличным. Так сама жизнь подводила их к переходу к более высокому уровню обобществления труда.

«Интегральная кооперация явилась переходной формой, подготовившей условия для производственного кооперирования и перехода в последующем к коллективизации на основе принципов сельхозартели, — делает обоснованный вывод В. Г. Балицкий. — Являясь наиболее доступной формой объединения коренного населения, она смогла быстро вовлечь самые отсталые трудовые массы Севера в социалистическое строительство»³.

Первый рыболовецкий колхоз в Приохотье, как мы

¹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 280, л. 25.

² А. Е. Скачко. Советская работа среди малых народностей Дальнего Востока, М., 1930, с. 18—19.

³ В. Г. Балицкий. От патриархально-общинного строя к социализму, М., 1969, с. 118.

уже говорили, был создан комсомольцами Охотска в 1929—1930 гг.¹ Государство предоставило ему новые орудия промысла и плавсредства, а также значительный кредит на строительство, и рыболовецкая артель быстро окрепла. В том же 1930 г. организовали свой первый национальный колхоз «Хулан эвен» («Красный эвен») ульинские эвены. Сначала в него вступили 30 бедняцких хозяйств², передавших артели 300 оленей. Первым председателем колхоза был единогласно избран самоотверженный кооператор Я. И. Юдин³. Он же стал руководителем колхозной партийно-кандидатской группы.

Артель быстро стала на ноги. 31 июля 1931 г. Охотское райпартбюро, отдав должное революционному почину Я. И. Юдина и учителя Н. Л. Леонтьева, приняло решение: «Закрепить на работе в Ульинском районе еще на один год заведующего отделением интеграла т. Юдина и заведующего интернатом т. Леонтьева как работников, пользующихся среди туземцев широким авторитетом и способствующих укреплению как туземного колхоза, так и туземного Совета»⁴. Партийное бюро поставило перед коммунистами и советскими работниками задачу: «приложить все усилия к укреплению ульинского туземного колхоза, имеющего твердую экономическую базу, поставив целью обратить его в показательный для всего туземного района»⁵.

Эта задача коммунистами района была с честью выполнена, и пример ульинских колхозников поднял на борьбу за новую колхозную жизнь широкие массы тружеников тайги.

¹ В. И. Прохорихин. Рыболовецкий колхоз «Рассвет Севера». Хабаровск, 1958, с. 3.

² «Орочелско-эвенкийская правда», 6.X.1932.

³ «Тихоокеанская звезда», 6.XII.1933.

⁴ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 30, л. 153.

⁵ Там же.

В 1930 г. был организован колхоз и в поселке Иня. Вот что об этом рассказывал один из первых колхозников, Д. Ф. Дубоделов: «Наша артель была создана в 1930 году. Назвали мы ее в честь исторической даты — 25 Октября, дня рождения Великой Октябрьской социалистической революции. Нас было тогда семь человек, изъявивших желание работать коллективно. Первым колхозным вожаком был Иван Егорович Пьянков, отец ныне широко известного в районе бригадира рыболовецкого колхоза «Рассвет Севера», мастера высоких уловов Алексея Ивановича Пьянкова. Основателями колхоза были также Леонид Андронников, Иннокентий Третьяков, Владимир Дубоделов и другие»¹.

Колхозный строй коренным образом изменил не только психологию людей, но и их судьбы. В 1917 г., после свержения царизма, И. Е. Пьянков решил организовать прииск «Кооперативный». В кооператив записалось 72 старателя, избравших своим председателем Пьянкова. Дела у них пошли неплохо, но вскоре Иван Егорович увлекся земледелием и отошел от горного дела. Когда он возглавил Инский колхоз, товарищи, напоминая ему о его прошлом горнорабочего, в шутку называли его двадцатипяти тысячником.

Осенью 1931 г. аркинские эвены организовали колхоз имени С. С. Вострецова, объединивший 31 хозяйство². Одним из организаторов колхоза был председатель национального Совета эвен Н. К. Дегтярев. Избранный делегатом краевого, а потом и VI Всесоюзного съезда Советов, он почти целый месяц пробыл на оленях в Якутск, а оттуда через Алдан на станцию Большой Невер. В том памятном 1931 г. Дегтярев посетил мавзо-

¹ Цитир. по книге В. И. Прохорихина «Рыболовецкий колхоз <25 Октября>», с. 3—4.

² «Орочелско-эвенкийская правда», 12.X.1932.

лей Ленина и побывал на приеме у М. И. Калинина¹. Вернувшись через три месяца в таежную Арку, выступил убежденным пропагандистом колхозной жизни. Первым председателем аркинского оленеводческо-рыболовецкого колхоза стал эвен В. В. Андреев. Уже в 1932 г. колхоз имени С. С. Вострецова добился хороших результатов на рыбной путине: 16 рыбаков отловили 58 тыс. кетин и выделали 2700 балыков².

Одновременно начался переход кочевников к оседлому образу жизни, что открывало широкие возможности для приобщения их к передовой советской культуре. В колхозных поселках строились школы и больницы, из дымных яранг кочевники переселялись в добротные деревянные дома. Этот процесс был всесторонне рассмотрен на пленуме Нижнеамурского обкома партии в апреле 1936 г.³ Постановление пленума сыграло большую роль в завершении коллективизации на Нижнем Амуре и Охотском побережье.

Подводя итоги путины, окружная газета «Орочелско-эвенкийская правда» 29 сентября 1932 г. писала, что национальные колхозы Охотского района «показали большевистские темпы работы, что тунгусы могут и будут строить социализм наравне со всеми трудящимися СССР». Об успехах колхозного строительства в районах Севера говорил 6 ноября 1932 г. на торжественном заседании в Хабаровске председатель Далькрайисполкома А. И. Буценко. За первый год работы колхозы Охотского района сдали государству 32 127 ц высококачественной рыбы, причем доля одного только колхоза «Хулан эвен» составила 50 тыс. штук кеты и 35 тыс. горбуши. Самое главное, колхозы смогли приступить к промышленному

¹ «Тихоокеанская звезда», 25.VI.1931.

² «Орочелско-эвенкийская правда», 29.IX.1932.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 5596, л. 15.

лову сельди, промысел которой единоличнику был не под силу.

Рыболовецкая артель «Долой частника», организованная в 1929 г. в Ямске, не только ловила рыбу, но и обрабатывала ее. Интегральной кооперации колхозники сдавали уже готовую продукцию. В Оле тогда же была создана промысловая артель «Путь Севера».

Столь же успешно, несмотря на некоторые трудности, осуществлялась коллективизация в Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах. К началу 1931 г. здесь было создано двенадцать мелких колхозов.

Процесс коллективизации на Охотском побережье, как и повсюду в стране, проходил в условиях острой классовой борьбы. В ответ на происки кулаков бедняки и середняки поселка Удского объединились в колхоз «Красный партизан», одним из организаторов которого являлся П. К. Протодьяконов, позднее вступивший в ряды Коммунистической партии.

До сих пор помнят тугуро-чумиканские эвенки своего друга — бывшего чекиста, члена Коммунистической партии с 1920 г. В. М. Леонтьева. Прибыв в Чумикан в 1927 г., Леонтьев, работая председателем охотничьего товарищества, помог эвенкам организовать промысел морского зверя, а позднее, став председателем районного интегралсоюза, одновременно трудился как рядовой зверобой и рыбак в чумиканском колхозе. Инвалид гражданской войны, он, показывая пример другим, постоянно вырабатывал больше всех трудодней. Отмечая заслуги Леонтьева, коллегия ОГПУ наградила его в 1932 г. серебряными часами с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», а Тугуро-Чумиканский райисполком возбудил ходатайство о представлении его к ордену Красного Знамени.

Таежные охотники и пастухи пошли за такими колхозными вожаками, как В. В. Андреев, Я. И. Юдин,

В. М. Леонтьев и П. К. Протодяконов, а не за богатыми оленеводами и шаманами, яростно противившимися социалистическим преобразованиям в Приохотье.

«...Кулаки старались сорвать путину, сеяли национальную рознь и ссоры между колхозниками, — писала в 1932 г. окружная газета «Орочелско-эвенкийская правда». — «Тунгус плохой человек, — говорили они, — тунгус не умеет ловить рыбу, тунгус плохой работник». Усилием самих же колхозников, при помощи районных организаций, эта ставка была бита. Колхозники рыбаки-эвены показали действительно большевистские темпы работы, проводя соревнование по лову бригада с бригадой, колхоз с колхозом, организуя круглосуточный лов. По горбуше аркинский колхоз дал 443%, по кете 78%, юдманский («Хулан эвен» — А. Ф.) по горбуше 402%, по кете 71%, бургахчанский по горбуше 274% и по кете 59%...»¹

Эти успехи могли быть еще более значительными, если бы в ходе коллективизации не были допущены ошибки. На Крайнем Севере, в том числе на Охотском побережье, следовало не форсировать темпы коллективизации, а начинать с улучшения повседневной работы Советов в массах и налаживания четкой работы интегральной кооперации, а также с организации товариществ по совместному выпасу оленей и артелей по совместному лову рыбы. В специфических условиях Севера преждевременно было ставить вопрос сразу о сплошной коллективизации и о ликвидации кулачества как класса.

Указывая на эти «левацкие» ошибки, журнал «Советский Север» в корреспонденции о коллективизации в Аяно-Майском районе отмечал, что «вместо постепенного, последовательного проведения коллективизации

руководители этого дела (РИК и интегралсоюзы) сразу организовывали эвенков в колхозы с полным обобществлением всего имущества, перепрыгивая через первичные простейшие формы объединений (товарищества и промысловые артели)»¹.

Как известно, аналогичные ошибки и перегибы имели место и в других районах страны. Вот почему ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г. прямо указал на то, что искривление партийной линии являлось «основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам»². На основе указаний ЦК ВКП(б) Далькрайком партии 19 апреля 1930 г. принял постановление «О ходе коллективизации рыбацкого населения», а 28 июня того же года — постановление «О методах коллективизации туземцев», в которых подчеркивалась «необходимость чрезвычайной осторожного подхода к осуществлению задач колхозного строительства в этих (т. е. в северных. — А. Ф.) районах»³

В телеграмме Далькрайкома партии Охотско-Эвенскому оргбюро ВКП(б) от 6 июня 1932 г. предлагалось обратить внимание на «организационно-хозяйственное укрепление имеющихся колхозов, как главной задачи на данном этапе. Одновременно надо крепко и широко развернуть систематическую работу с беднотой и батрачеством при укреплении союза с середняком через создание и работу групп бедноты и общие бедняцкие собрания». Кроме того, окружному бюро предлагалось очистить колхозы от кулацких элементов на основе подъема активности народных масс⁴.

¹ «Советский Север», 1934, № 4, с. 97.

² КПСС в резолюциях..., т. 4. Изд. 8-е, с. 396.

³ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 192, л. 237.

⁴ ПАХК, ф. 2, оп. 4, д. 304, л. 162.

¹ «Орочелско-эвенкийская правда», 20.IX.1932.

Далькрайком ВКП(б) разъяснял, что основными формами производственного объединения крестьян северных районов являются простейшие формы кооперирования, что следует по-прежнему придерживаться политики вытеснения эксплуататорских элементов. В целом Далькрайком ВКП(б) и Далькрайисполком стояли на правильных позициях, однако добиться полного выполнения линии партии в коллективизации хозяйств малых народов Севера удалось лишь после принятия специальных постановлений ЦК ВКП(б).

В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июня 1932 г. «О работе в национальных районах Крайнего Севера» категорически осуждалось механическое перенесение в районы Севера форм борьбы с кулачеством, применявшихся в передовых районах. ЦК ВКП(б) предупредил местные партийные организации о недопустимости проведения сплошной коллективизации хозяйств отсталых народностей Севера¹. Эксплуаторские элементы в районах Севера вытеснялись не методом экспроприации, а мерами экономического характера, путем осуществления политики ограничения их собственных стремлений и повышенных налогов.

1 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера», обязавшее партийные и советские органы направить усилия «на организацию лишь первичных форм производственного кооперирования, только в районах с наиболее высоким хозяйственным и политическим уровнем, в особенности среди населения, занятого рыболовным промыслом, допустить организацию смешанных промысловых артелей по типу сельхозартели»². Вооруженные указаниями ЦК ВКП(б),

¹ «Партийное строительство», 1932, № 13, с. 54.

² Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934, с. 133

коммунисты края не только ликвидировали допущенные в ходе коллективизации ошибки, но и развернули большую работу по организационному и хозяйственному укреплению колхозов.

Далькрайком ВКП(б) в своем постановлении от 2 февраля 1933 г. «О колхозном строительстве в районах Крайнего Севера» потребовал последовательно и постепенно проводить коллективизацию хозяйств, не игнорируя простейших форм объединения, слабые же колхозы реорганизовать в простейшие товарищества, а в окрепших артелях вернуть в личное пользование колхозников необходимое для них количество оленей.

Дальше в постановлении говорилось: «Предложить парторганизациям северных округов и районов, фракции интегралсоюза в центре работы в колхозах поставить работу с колхозным активом под углом повышения культурного и политического уровня колхозников, решительной борьбы с враждебными и антисоветскими кулацкими и феодальными элементами, изгоняя их из колхозов»¹. Без улучшения организационно-политической работы с колхозниками, а также без изгнания колхозов от эксплуататорских элементов, пытавшихся изнутри разложить артели, невозможно было укрепить коллективные хозяйства.

На основе постановлений ЦК ВКП(б) и Далькрайкома партии многие колхозы Охотско-Эвенского округа были переведены на устав простейших производственных объединений и товариществ². Такие же передовые колхозы, как «Рассвет Севера», «Хулан эвен» и другие, продолжали развивать свою экономику и вскоре стали сильными хозяйствами. В материалах Даль-

¹ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 393, л. 129—130.

² ПАХК, ф. 2, оп. 3, д. 35, л. 27—28 (резолюция Охотско-Эвенского бюро ОК ВКП(б) от 13 августа 1934 г. «О выполнении решений ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве Севера»).

крайкома ВКП(б) «О состоянии коллективизации в северных округах края», относящихся к 1933 г., говорится, что есть колхозы, которые уже окрепли, где организованы бригады и положено начало социалистическому соревнованию. Например, в Улье годовой доход единоличника составляет 700—800 руб., а колхозника — 3000—3200 руб. Перевыполняли планы по добыче рыбы колхозы аркинский — 120%, ольский — 110%, ульинский — 118%. Это лучшие колхозы, показывающие «прекрасные образцы организации труда и преимущества колхозной системы»¹.

Благодаря указаниям ЦК ВКП(б) и Далькрайкома партии в 1934 г. был достигнут перелом в ходе коллективизации и в организационном укреплении простейших товариществ и артелей в Приохотье. Трудящиеся побережья теперь поняли, что только через колхозы можно покончить с бедностью, с эксплуатацией. Колхозное движение повсеместно стало массовым.

Вот что писали в феврале 1934 г. колхозники-эвенки Тугуро-Чумиканского района в своем письме, адресованном районному партсобранию: «Мы сейчас имеем достижения, мы вступили в колхоз, работаем по плану. В 1931 г. трудодень обошелся колхознику 85 коп., а в 1932 году трудодень обошелся 12 руб. 90 коп... Общественных оленей имеем 2079 штук, кроме того, имеем в личном пользовании 230, имеем 6 построек. Нас до Советской власти не учили грамоте, а сейчас мы имеем свою школу на родном языке. Имеем медицинскую помощь... Мы теперь стали богатыми... Под руководством Коммунистической партии (большевиков) еще больше сплотимся на выполнение своих планов!»²

Во многих колхозах были созданы первичные партий-

ные ячейки. В 1935 г. в Охотском районе уже насчитывалось семь первичных партийных организаций и четыре партийно-кандидатские колхозные группы. Хорошо работала партийно-кандидатская группа колхоза «Хулаи эвен», на учете в которой состояли два коммуниста и пять кандидатов партии. Благодаря настойчивости и умелой политической работе первых коммунистов-эвенов в 1935 г. колхоз уже объединял 66 семей, то есть за пять лет число членов артели удвоилось.

В том же 1935 г. в простейшее товарищество объединилась последняя эвенская кочевая группа — хейджанская. К 1 мая 1939 г. в колхозах состояло 96,3% населения Охотского района, что означало почти полное завершение коллективизации. 13 колхозов, многие из которых стали передовыми, имели 1208 членов, а недельные фонды их превысили 4 млн. рублей. В Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах осталось всего лишь несколько десятков единоличных хозяйств, зато 577 семейств эвенов, эвенков и русских крестьян избрали путь жизни и труда в 17 колхозах этих двух районов.

Советское государство стремилось обеспечить артели новыми орудиями промысла, всемерно содействовало развернувшемуся в них культурному и жилищному строительству. В районах Севера было решено создать моторно-рыболовецкие и моторно-зверобойные станции по типу машинно-тракторных станций. МРС были призваны оказывать рыболовецким колхозам помощь орудиями лова, плавсредствами, моторным флотом. Они сыграли важную роль в развитии рыболовецкого промысла в Приохотье. Дальневосточный Комитет Севера считал, что «моторно-промысловые станции, при правильной реализации этой идеи, должны иметь огромное влияние на реконструкцию северного хозяйства»¹.

¹ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 480, л. 1.
² ПАХК, ф. 2, оп. 2, д. 73, л. 30.

¹ ПАХК, ф. 746, оп. 1, д. 48, л. 9.

Первую такую станцию на побережье стали строить в 1934 г. в районе поселка Улья, а уже накануне Великой Отечественной войны средний улов одного рыбака составлял 162,9 ц против 28 ц в 1926 г. Отдельные колхозы в Охотском районе добились еще большего роста производительности труда. Так, в колхозах им. С. Орджоникидзе, «Победа», «Большевик», «Хулан эвен» и «Зверобой» средняя норма одного рыбака в 1938 г. достигла 176 ц, в колхозах «Рассвет Севера», «Красный Октябрь», «Первое Мая» — 235, а в артелях «Опыт» и «25-е Октября» — 285 ц¹.

По мере организационного и хозяйственного укрепления простейшие северные промысловые товарищества и артели, обобществившие у рыбаков невода, большие лодки и другие орудия промысла, а у оленеводов — часть оленей, переводились на устав обычной сельскохозяйственной артели (рыболовецкой или оленеводческой). В трех районах побережья (Охотском, Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском) накануне Великой Отечественной войны было 23 крупных колхоза², в которых дружно трудились представители русского народа и малых народов Охотского побережья.

Творческое претворение в жизнь ленинского кооперативного плана в специфических условиях Севера — большая заслуга Коммунистической партии. Победа колхозного строя на побережье окончательно покончила с эксплуатацией бедноты кулаками и шаманами, неизмеримо возрос уровень благосостояния всех трудящихся Приохотья. Вот что об этом говорил на одном из собраний стахановец колхоза «Хулан эвен» И. Г. Громов: «Партия и правительство о нас заботятся, чтобы мы жи-

¹ С. В. Крючков, И. М. Сивенков. Нижне-Амурская область. Хабаровск, 1940, с. 28.

² При переводе на устав рыболовецкой артели ряд простейших товариществ объединились в более крупные хозяйства.

ли культурно и зажиточно. Чтобы мы были грамотными, чтобы мы огромные природные богатства Севера поставили своими силами на службу социалистической Родине. Но для этого нужны люди честные, трудолюбивые, заботливые и не боящиеся никаких трудностей»¹.

Колхозный строй стал столбовой дорогой в социализм для миллионов крестьян, в том числе и для крестьян, оленеводов и рыбаков Охотского побережья.

«Переход народов Севера непосредственно от патриархально-родовых отношений к социализму означает гигантское ускорение исторического развития, — отмечает В. А. Зибарев. — Достигалось оно не более быстрыми темпами социалистических преобразований, а сокращением самого исторического пути, в процессе которого эти народы миновали несколько крупных этапов. Естественно поэтому отставание преобразований у народов Севера как от общего темпа социалистических преобразований в стране, так и от их темпа у других, ранее отсталых народов, в том числе и у народов Сибири. Но при всем том этот переход является примером бурного революционного скачка, в результате которого коренным образом изменились содержание и формы социального бытия этих народов, их общественное положение и духовный облик»².

В 30-е годы еще больше окрепла братская дружба советских народов. Русские горняки, трудившиеся на колымских и охотских приисках, рабочие рыбообрабатывающих заводов и рыбаки государственного лова оказывали большую шефскую помощь национальным колхозам.

По призыву партии бывшие пограничники станови-

¹ «Охотско-эвенская правда». 6.VI.1935.

² В. А. Зибарев. Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера, — «История СССР», 1981, № 3, с. 47.

лись председателями, бригадирами, счетоводами, культурными работниками артелей. Бывший первый секретарь Аяно-Майского райкома КПСС В. С. Охлопков вспоминает, что в 1932 г. на Охотское побережье прибыло сразу 200 демобилизованных бойцов. Как много нового они внесли в колхозную жизнь! Один из двадцатипяти тысячников, Н. А. Загатин, в 1929—1930 гг. работавший секретарем Аяно-Майского райисполкома, стоял у колыбели районной парторганизации. Позднее молодой коммунист был направлен на учебу в институт.

Бывший красноармеец К. Л. Карпов, по окончании совпартшколы в 1933 г. приехавший в Аяно-Майский район, всю свою последующую жизнь связал с побережьем. «Лукича» в Аяне помнят и поныне, и не только как колхозного, но и как комсомольского организатора. В 1935 г. он был избран первым секретарем РК ВЛКСМ.

Старожилы-северяне часто вспоминают, как зимой 1934/35 г. 12 бойцов пограничного отряда прошли на лыжах из бухты Нагаева в Хабаровск. По пути, в Охотске, Аяне, Чумикане и других селениях, они рассказывали эвенкам и эвенкам об успехах строительства социализма в стране¹.

Следующей зимой путь нагаевцев повторили воины-лыжники во главе с командиром К. Н. Военковым, доставившие в крайком партии и крайисполком рапорт северян о развертывании стахановского движения на побережье².

Вслед за пограничниками из Охотска стартовали 8 лыжников, совершивших пробег до Николаевска-на-Амуре в честь X съезда ВЛКСМ. В письме, которое комсомольцы доставили в обком партии и облисполком, эвенки и эвенки из колхоза «Хулан эвен» писали, что их

¹ «Тихоокеанская звезда», 23.II.1935.

² «Тихоокеанская звезда», 21.II.1936.

хозяйство экономически окрепло, в нем объединились 60 хозяйств. «Новая социалистическая культура расцветает сейчас в туземных стойбищах. Из темных, забытых при царе, народы Севера стали культурными людьми. Даже женщины, которых раньше не считали за людей, стали обучаться грамоте и активно участвуют в общественной работе. Колхоз «Хулан эвен» твердо вступил на путь зажиточности. Все государственные планы он систематически перевыполняет¹. Подобный рапорт руководству области передали и жители Чумикана и других селений побережья.

Слет бывших партизан и красноармейцев Охотского района, состоявшийся в мае 1932 г., заверил ЦК ВКП(б), что старые бойцы будут бороться за новую, колхозную жизнь так же самоотверженно, как сражались они за Советскую власть на фронтах гражданской войны.

Колхозы «Рассвет Севера» и «25-е Октября», где русские крестьяне составляли большинство, стали школой передового опыта для северян. Окрепнув, национальные артели вызывали на социалистическое соревнование русские колхозы.

Многим дальневосточникам известно имя знатного рыбака И. И. Денекина, биография которого неотделима от истории колхоза «Рассвет Севера». Здесь он стал Героем Социалистического Труда, дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР. Выйдя на пенсию, обучает трудному рыбацкому делу молодых колхозников. Начиная Денекин трудиться на Стахановском рыбозаводе, но позднее перешел работать в колхоз «Рассвет Севера». «...Весной 1940 года вступил в старейший, первый на побережье рыболовецкий колхоз «Рассвет Севера». Колхоз давал больше простора для мысли, а самое

¹ «Красный маяк», 27.I.1936.

главное — материальных возможностей к проявлению творчества»¹, — писал он в статье «Поэзия труда».

В колхозе «25-е Октября» и поныне трудятся почетные колхозники член парткома Е. А. Увагин, П. К. Протодьяконова, Д. Г. Громов, И. А. Тюшов, М. Е. Киримейская, Ф. В. Кошкина и многие другие. Для них, как и для колхозников всей нашей страны, близки и дороги слова Л. И. Брежнева, сказанные на июньском (1978) Пленуме ЦК КПСС: «...История XX века, героический путь советского крестьянства, а также путь крестьянства других социалистических стран убедительно доказали, что для правильного и справедливого решения крестьянского вопроса есть одна верная дорога — дорога строительства социализма в деревне; есть одна подлинная наука — марксистско-ленинское учение по аграрно-крестьянскому вопросу»².

ПУТЬ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Выступая 2 ноября 1977 г. на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркнул: «Октябрь, социализм обогатили историю человечества и опытом духовного раскрепощения трудящихся. Один из «секретов» господства угнетателей всегда состоял в том, что прямое физическое насилие над массами они дополняли насилием духовным. Правящие классы всячески затрудняли трудящимся доступ к образованию и культуре, удерживали их в плену ложных идей и представлений. Вот почему закономерным продолжением политической революции в нашей стране стала революция культурная»¹.

В условиях Севера одновременно с избавлением оленеводов, рыбаков и охотников «от тяжкого ярма безгра-

¹ Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, с. 7.

¹ Земля охотская. Хабаровск, 1976, с. 109.
² Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. М., 1978, с. 3.

мотности» следовало немедленно оказать им медицинскую помощь.

Становление советской медицины на Крайнем Северо-Востоке в первой половине 20-х годов происходило в трудных условиях: не хватало врачей, больницы нередко размещались в случайных помещениях, отсутствовали медикаменты, имели место финансовые затруднения. Пришлось начинать, как говорится, с нуля. Так, в отчете Тауйского сельского общества констатировалось, что в районе нет ни врача, ни фельдшера, а Ольский фельдшерский пункт не обеспечен достаточным количеством медикаментов¹. О больнице в Охотске сотрудники Дальбюро ВЦСПС сообщали Дальревкому, что «здание больницы маленькое, низкое, грязное, крыша протекает, стены покрыты плесенью. Ветхая и холодная больница мало способствует выздоровлению больных»². В том, что новое помещение, рассчитанное на 15 коек, было построено уже летом 1926 г., была немалая заслуга уездного партбюро и ревкома. В 1926 г. амбулатория Охотской больницы зарегистрировала 1531 посещение, стационаром было обслужено 34 больных³.

Тяжелое наследие досталось населению и других районов Приохотья. Аянские эвенки на съезде 1925 г. говорили: «Нужна больница, народу умирает много, а рождается мало»⁴. Их просьба была удовлетворена, и в том же году в Аяне и Чумикане были открыты фельдшерские пункты. Перемены к лучшему произошли и в Гижигинском уезде. Если в 1923 г. население уезда обслуживал всего один фельдшер С. А. Пинчук, то в

¹ Г. Ф. Севильгаев. Торжество ленинской национальной политики, — «Краеведческие записки», вып. 3. Магадан, 1961, с. 16.

² Материалы по обследованию Охотского побережья в 1925 г. Хабаровск, 1925, с. 143.

³ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 2, л. 26.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 971, л. 122.

1926 г. в Гижиге уже функционировал стационарный врачебный участок.

Трудно приходилось первым советским врачам на Охотском побережье. Огромные пространства. Бурные горные реки, по которым часто приходилось подниматься и спускаться на ненадежной ладье. Неверные тропы, то петляющие по дну горного ущелья, то завлекающие в непроходимую марь...

Хуже, что командировки врачей не могли решить все проблемы. Врач А. М. Геселевич писал: «Кочевья, отстоящие далеко от сел, почти совершенно не обслуживаются этими медицинскими оазисами»¹. Надо было приблизить медицину к кочевому населению. На помощь северянам пришло Российское общество Красного Креста (РОКК). Передвижные отряды Красного Креста изучали жизнь и быт малых народов Севера, собирали данные медико-географического характера.

В 1926 г. на Охотском побережье работала экспедиция РОКК доктора К. П. Оптовцева. Следуя по маршруту Аян — Охотск — Ола, сотрудники экспедиции оказали помощь 408 больным, обследовали 608 человек, провели 17 бесед и выступили с двумя докладами. Они же сделали противооспенные прививки населению, которые не проводились здесь уже 20 лет.

В Нелькане успешно трудился отряд доктора Монастырева, за короткое время обследовавший более 300 семей. Эвенки были очень признательны врачам за их чуткое отношение к ним. «Тунгусами было вынесено несколько резолюций, из которых одна особенно характерна по своему виду и содержанию. Она написана на якутском языке на большом листе бересты. В ней говорится о том, какую огромную помощь оказал НКЗдрав РСФСР, выслав врачебный отряд под руководством док-

¹ «Тихоокеанская звезда», 20.X.1925.

тора Монастырева, и какую колоссальную работу он провел. В этой резолюции было указано, что только Советская власть и Коммунистическая партия могут оказать медицинскую и культпросветительную помощь такому темному и бедному народу Дальнего Севера, как тунгусы... — писала газета «Автономная Якутия» 29 октября 1926 г. — Еще раньше в Нелькане был открыт стационарный фельдшерский пункт, в который приезжали для лечения и за лекарствами и тунгусы издалека; во времена же наплыва их в Нелькан за снабжением и для сдачи своей пушнины от больных в амбулатории не бывает отбоя»¹.

Самоотверженный труд первых отрядов советских медицинских работников вскоре принес свои плоды. Уже в 1928 г. оседлое население побережья, по сообщению Охотского райисполкома, было вполне удовлетворительно обеспечено медицинской помощью². Не довольствуясь этим, 2 июня 1928 г. Охотское райбюро ВКП(б) приняло постановление об открытии медицинских пунктов в Арке, Хейджане и Улье, где жили эвены. Ставился вопрос и о полном удовлетворении потребностей медицинских пунктов в медикаментах и инструментах. Предусматривалось также открытие при районной больнице зубоврачебного кабинета, родильного покоя и инфекционного отделения³.

Добрую память о себе оставили в Охотске врачи А. М. Геселевич (впоследствии видный профессор) и Н. Д. Любимов, другие специалисты. Краевой комитет Севера добивался того, чтобы в крупных центрах Охотского побережья работали опытные врачи. Когда в конце 1928 г. на побережье вспыхнула эпидемия кори, по

¹ В. Н. Васильев. Указ. соч., с. 18.

² ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 10, л. 166.

³ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 15, л. 101.

решению краевых органов¹ в Охотск немедленно выехала врач Вера Васильевна Покровская. Два месяца добиралась она зимним путем на побережье — через Большую Невер и Якутск, ехала на оленях, лошадях, шла пешком, и не только выдержала все испытания, но и погасила вспышку опасной болезни. Подружившись с эвенями, молодая женщина осталась работать на побережье, отдав возрождению северных народностей лучшие годы своей жизни.

Назовем также здесь имя врача Тарабукина, в 1928 г. возглавлявшего отряд Красного Креста, который работал в Ольском районе. Несомненно, Тарабукин советовался с опытной фельдшерницей Капитолиной Васильевной Игнатьевой-Варрен, начавшей свою трудовую деятельность в Оле еще в 1913 г. В Ямске и поныне помнят врача Н. С. Котельникову и фельдшера З. Г. Ястребову. Сегодня никого не удивит сообщение, что там-то открылись еще одни ясли, там-то создан новый кружок самодеятельности. Но в те далекие годы почин врача Н. С. Котельниковой, поднявшей женщин-северянок на борьбу за новый быт, имел огромное значение².

Советские врачи в своей работе руководствовались постановлением секретариата Далькрайкома ВКП(б) «О работе среди женщин северных окраин» от 28 января 1929 г., настоятельно рекомендовавшим «особое внимание уделить на приспособление медицины к потребностям женщин-туземок», а также более решительному развертыванию работы по родовспоможению, борьбе с женскими заболеваниями³.

Эта работа была под силу лишь людям, обладавшим

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 4559, оп. 1, д. 1, л. 53.

² Дневник Н. С. Котельниковой был опубликован в газете «Магаданская правда» 25, 26 и 27 ноября 1966 г. В настоящее время она живет в Москве.

³ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 136, л. 20—21.

незаурядными нравственными качествами. Более трех лет проработал в Тугуре и Чумикане отряд крайздрава в составе шести человек¹. И лишь в 1932 г. врач отряда с чувством исполненного долга смог доложить в Хабаровск: «...Произошел значительный сдвиг в смысле соблюдения личной чистоты среди оседлых и ближайших кочевых... Не могу не отметить, что значительно реже стали попадаться случаи ран, засыпанных порохом, махоркой и т. п. Я как при поездках в тайгу, так и при амбулатории усиленно снабжал население йодом, а в первый год и индивидуальными пакетами»².

Такую же лечебно-профилактическую и культурно-оздоровительную работу провел в 1932 г. аянский врачебный отряд во главе с доктором Смолиным. В 1931 г. в Охотско-Эвенском округе работало 5 больниц, 4 врачебных участка, 3 врачебных отряда³ и 6 фельдшерских пунктов. В 1932 г. расходы на медицинское обслуживание населения округа составили немалую по тем временам сумму — 434 тыс. руб.⁴ Вследствие улучшения материального положения северян и принятых мер детская смертность на побережье резко снизилась. Поистине советские врачи совершили подвиг!

Одновременно с медицинскими работниками на Север поехали учителя, чтобы приобщить малые народы к социалистической культуре. Ревкомы, а затем Советы придавали большое значение развитию народного образования. Уже в 1923/24 учебном году Охотский ревком открыл школы в Охотске, Новом Устье, Булгине,

¹ ПАХК, ф. 683, оп. 1, д. 125, л. 7. Персональный состав отряда, к сожалению по документам нам установить не удалось.

² ГАХК, ф. 683, оп. 1, д. 125, л. 13.

³ ГАХК, ф. 683, оп. 1, д. 139, л. 46; «Орочелско-эвенская правда», 31.XII.1931.

⁴ «Советский Север», 1934, № 1, с. 150.

Тауйске, Исе и Оле, в которых обучалось 256 учеников¹. В уезде работало восемь учителей.

В 1924 г. открылась школа и в поселке Ямске Ольской волости. В 1925 г. при Аянской школе был создан интернат, в котором жили дети эвенков и якутов. В Гижигинском уезде в 1925 г. работало две школы (в Гижиге и селе Тиличики), в которых вели занятия пять учителей. В одной Гижигинской школе обучалось 40 учащихся.

Преодолевая противодействие шаманов, северяне жадно потянулись к учению, знанию. Уже известный нам К. П. Оптовцев писал в своем отчете: «...Стремление к просвещению как молодых, так и взрослых выражено крайне резко: они охотно и энергично учили показываемые им буквы, старательно переписывая свое имя и фамилию, просили книги, карандашей и бумаги»². Этнограф В. Н. Васильев тоже отмечал, что «тяга к учению у них очень большая, какой мне никогда не приходилось встречать среди туземцев...»³

На районных съездах эвены и эвенки неизменно просили открыть школу, «так как мы видим, что темным людям плохо жить»⁴. Жители села Гадля Ольской волости в 1925 г. открыли школу имени В. И. Ленина по собственному почину, а школа-интернат в Улье была построена по инициативе райбюро ВКП(б) эвенками с помощью учителя Н. Л. Леонтьева и заведующего факторией Я. И. Юдина⁵.

Секретарь уездного ревкома Г. Н. Корюкин писал в 1924 г., что «со стороны органов Советской власти при-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 4455, оп. 2, д. 51, л. 70.

² «Записки Владивостокского отдела госуд. Русского Географического общества», т. 1 (XVIII), Владивосток, 1928, с. 89—90.

³ В. Н. Васильев. Указ. соч., с. 75.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 971, л. 122.

⁵ А. Мейселеман. Указ. соч., с. 177—178.

няты и принимаются широкие меры к просветительной работе среди населения», в Охотске построен клуб имени А. В. Луначарского, создан пункт по ликвидации неграмотности, но не хватает учебников и учебных пособий¹. На преодоление неграмотности среди взрослого населения были брошены все силы. Так, в Тауйской школе с ноября 1924 г. начались регулярные занятия в вечерней группе, насчитывавшей 41 учащегося. В 1925/26 учебном году ликбез в Гижиге окончили 21 человек. 2 ноября 1925 г. Охотское уездное партбюро организовало при ревкоме общество «Долой неграмотность», а также совет национальных меньшинств².

Важную роль в политическом просвещении кочевников сыграли Дома туземца, открытые по образцу Домов крестьянина. Первый Дом туземца был создан в 1925 г. в Охотске на средства Дальгосторга³. «Этим достигли того, что в тайге только и разговоров было о Советской власти и, в частности, о хорошем отношении к ним (к эвенкам. — А. Ф.) со стороны начальства»⁴, — говорилось в информационном отчете уездного партбюро. Перед эвенками и эвенками в Доме туземца регулярно выступали местные партийные и советские руководители; здесь же читались на доступном для северян уровне лекции, проводились беседы. Не менее успешно работал и Дом туземца в Гижиге, заведовал которым член ревкома эвен Д. А. Банков. В первую зиму Дом туземца посетило больше 65 кочевников. Важным средством политико-массовой работы среди малых народов Севера стало киноискусство, уже в 1925 г. завоевавшее признание жителей Охотского побережья⁵.

¹ ПАХК, ф. 44, оп. 1, л. 297, л. 22.

² ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 1, л. 37.

³ Там же, л. 29.

⁴ ПАХК, ф. 358, оп. 1, д. 94, л. 33.

⁵ ПАХК, р. 358, оп. 1, д. 94, л. 39.

Наиболее общепризнанной формой школы на побережье стала школа-интернат, где дети кочевников находились на полном государственном обеспечении. 16 ноября 1928 г. Комитет Севера при президиуме Далькрайисполкома, обобщив опыт трехлетней работы Аянской школы-интерната, считал возможным распространить его на другие национальные школы. Это — прямая заслуга русских учителей Курочкиной и супругов Полетаевых.

В 1927/28 учебном году в Охотском районе открылась Аркинская школа-интернат. Всю силу своей души вложил в нее учитель-украинец Николай Прокопьевич Ткачик, обретший на Охотском побережье свое призвание¹. Вспоминая о первом звонке в Аркинской школе-интернате, он писал в 1937 г.: «В декабре (1927 г. — А. Ф.) стали собираться первые ученики. Дети эвенков, живущих в тайге и не видевших ничего хорошего от пришельцев-купцов, авантюристов и разных миссионеров, дети темных, обреченных царизмом на вымирание эвенков впервые собирались на учебу. Брошена дедовская трубка. Сброшена оленья одежда. Подстрижен волос. Ученики старательно водят карандашом по бумаге. Учась у учеников эвенскому и уча их русскому языку, начала работать Аркинская школа»².

В 1928 г. в Аянском интернате обучалось 30 учащихся, в только что открытом Аркинском — 16. На содержание их было отпущено 45 500 рублей³.

Всего, по данным Дальневосточного крайоно, уже в 1926/27 учебном году в Охотском районе насчитывалось 7 школ с 225 учениками. Кроме того, ликбезом было охвачено 122 человека. В двух национальных школах,

¹ Н. П. Ткачик умер в 1944 г. в г. Николаевске-на-Амуре, возвращаясь в Арку.

² «Охотско-эвенская правда», 12.I.1938. О деятельности Н. П. Ткачика см.: А. Мейселеман. Указ. соч., с. 196.

³ ЦГАДВ, ф. р. — 3773, оп. 1, л. 2.

открытых в Тугуро-Чумиканском районе, училось 53 школьника, из них 15 якутов и 34 эвенка. В Ольском районе работали четыре школы первой ступени, где обучалось 85 учеников¹. С 1929 г. в Нагаево стала функционировать при колабазе хорошо оборудованная школа-интернат на 40 учащихся.

В первые годы Советской власти в трех районах (Охотском, Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском) из 4228 эвенков и эвенов грамотных всего было 33 человека, то есть 1,04%. А за один 1927 г. только в Оле ликвидировали неграмотность 45 взрослых эвенов². И здесь мы снова назовем имя старого учителя И. А. Варрена, очень много сделавшего для приобщения своих земляков-северян к знанию.

В июне 1928 г. И. А. Варрен, впервые за 15 лет самоотверженной работы на Севере, выехал на «материк» в отпуск и на переподготовку. В 1936 г. ему было присвоено звание народного учителя.

При Аяно-Майской красной юрте в 1930—1932 гг. овладели алфавитом 68 эвенков и якутов. В конце 1932 г. в Охотском, Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах научились читать и писать 286 кочевников и еще 400 поступили на курсы ликбеза. К этому времени в Охотском и в Ольском районах уже насчитывалось 400 грамотных взрослых эвенов и якутов. Среди русского населения, проживающего на Севере, многие имели начальное образование. Например, в Ольском районе на 363 русских приходилось 149 грамотных, в Охотском на 532—268³. Помощь русских братьев в ликвидации неграмотности северян трудно переоценить.

Подводя первые итоги движения северян за новую

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 19, л. 10.

² ПАХК, ф. 320, оп. 1, д. 200 а, л. 16.

³ ГАМО, ф. р. — 17, оп. 1, д. 18, л. 113.

культуру, секретариат Далькрайкома ВКП(б) отмечал 26 марта 1930 г.: «Задача социалистической перестройки экономики, хозяйственного уклада и быта, имея в виду огромную тягу трудящихся туземных масс к повышению своего культурно-политического уровня, настойчиво требует решительного перелома в дальнейшей работе по обслуживанию туземцев». Далькрайком ВКП(б) обязал крайоно к концу 1933 г. ввести всеобщее начальное обучение в национальных районах. Кроме того, предусматривалось резко усилить темпы ликвидации неграмотности среди северной молодежи, доведя к концу 1933 г. контингент обучающихся до 5 тыс. чел.¹

29 марта 1931 г. секретариат Далькрайкома ВКП(б) снова вернулся к вопросу о культурном обслуживании малых народов Севера, обязав крайоно, АКО, Дальгосторг подчинить эту работу задачам укрепления и дальнейшего развития колхозного строительства, вовлечения в артели новых членов, развития сельского хозяйства и перевода кочевников на оседлость. Культурно-массовые мероприятия должны были обеспечить максимальную мобилизацию бедняцко-средняцких масс на решительный отпор кулачеству².

Эти постановления секретариата Далькрайкома ВКП(б) сыграли значительную роль в улучшении партийного руководства работой школ и других культурных учреждений. Хотя во второй половине 20-х годов, как мы знаем, на Охотском побережье появилось много новых школ, они далеко не повсеместно размещались в благоустроенных помещениях. Выполняя решение Далькрайкома ВКП(б), Далькрайоно в смете на 1930/31 учебный год предусмотрело строительство новых зданий Арчинской (стоимостью 30 тыс. руб.), Чумиканской (70 тыс.

¹ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 140, л. 148.

² ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 73.

руб.) и Аянской (20 тыс. руб.) национальных школ¹, и тогда же эти планы были выполнены с помощью родителей учащихся. В 1935 г. Аянская и Аркинская школы были преобразованы в учебные заведения с семилетним сроком обучения.

Еще одним проявлением заботы Коммунистической партии и Советского правительства о духовном возрождении северян явилось создание письменности для национальных меньшинств. Введение национальной письменности осуществлял Охотско-Эвенский окружной комитет нового алфавита, а при окрисполкоме большую работу проводил комитет содействия всеобучу.

Первый эвенский букварь был написан молодым тогда этнографом В. И. Цинциус, а «дорогу в жизнь» дал ему учитель из таежной Арки Н. П. Ткачик. Получив учебник, Николай Прокопьевич под копирку размножил его и роздал учащимся. Позднее он сам стал автором учебников для эвенских школ, а также одним из первых переводчиков политической литературы на эвенский язык. Характеризуя деятельность Н. П. Ткачика, краевая аттестационная комиссия отмечала: «Работает директором и преподавателем Аркинской НСШ, преподает эвенский язык во всех классах и историю СССР в пятом—седьмом классах. К работе относится добросовестно, имеет большой интерес к изучению эвенского языка. Занимается сбором эвенского фольклора по заданию Института народов Севера. Среди учащихся и населения пользуется авторитетом. Политически подготовлен, принимает активное участие в работе национального Совета»². Авторитет учителя был настолько велик, что да-

же старики эвены называли его не иначе как «амандя», то есть отцом.

Н. П. Ткачик был воспитателем первых эвенских учителей (Н. А. Осенин, П. И. Дегтярев, П. Н. Осенин), окончивших Аркинскую школу. Выступая на собрании, юноши заявили: «Нам Советская власть открыла глаза, привила вкус к учебе, и в благодарность ей будем работать там, где нам укажут. И работать будем хорошо»¹. Учителями стали и другие молодые эвены — П. Х. Громов, А. И. Громов, С. И. Громов, А. В. Осенин. Некоторые из них — А. И. Громов, Р. И. Громов и Н. А. Осенин — позднее окончили Ленинградский институт народов Севера. В начале 1932 г. в Охотско-Эвенском округе работала 31 школа, в которых училось 1144 детей, причем 180 из них находились на полном государственном обеспечении². В 1932/33 учебном году в округе училось уже 1625 детей³.

В 1934 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание по вопросам ликвидации неграмотности и малограмотности в национальных областях и районах, которое заслушало отчет Охотско-Эвенского комитета нового алфавита. Совещание отметило плодотворную работу окружного комитета⁴. Действительно, к концу 1934 г. научились писать и читать 1000 эвенов и эвенков, то есть 40% всего взрослого населения округа⁵. Это было большое достижение в осуществлении культурной революции на побережье.

Подлинной кузницей кадров для малых народов Сибири и Дальнего Востока стал Ленинградский институт

¹ ГАХК, ф. 137, оп. 2, д. 2, л. 100.

² ГАХК, ф. 704, оп. 2, д. 49, л. 18. См. также наш очерк о Н. П. Ткачике: «Дальневосточные путешествия и приключения», вып. 6. Хабаровск, 1975, с. 274—279.

¹ «Охотско-эвенская правда», 12.I.1938.

² ПАХК, ф. 2, оп. 2, д. 665, л. 127.

³ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 36, л. 37.

⁴ «Советский Север», 1934, № 4, с. 99—100.

⁵ «Советский Север», 1935, № 3—4, с. 55.

народов Севера, открытый в 1930 г.¹ В 1932 г. в нем обучалось свыше 200 дальневосточников². Одновременно увеличился набор студентов на северное отделение Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена и других учебных заведений. Кроме того, в 1929 г. на базе северного отделения Хабаровского педтехникума был открыт Дальневосточный техникум народов Севера³, готовивший кадры учителей, советских и кооперативных работников из среды национальной молодежи. Становление этого среднего специального учебного заведения очень помогло постановлению ВЦИКА и Совнаркома РСФСР от 20 февраля 1930 г., по которому на строительство и оборудование помещения для техникума отпускалось полмиллиона рублей⁴.

Результаты осуществления этих крупных мероприятий дали о себе скоро знать. Если в 1926 г. из Охотского и Ольского районов на учебу в Ленинград и в другие города было командировано десять эвенков, то в 1927—1928 гг. только один Охотский район отправил восемь юношей и девушек⁵. Хотя это требовало немалых средств, с каждым годом контингент студентов, выехавших на учебу из Охотского, Аяно-Майского, Тугуро-Чумиканского и Ольского районов, продолжал возрастать. Так было положено начало формированию национальной интеллигенции на Охотском побережье.

Молодые северяне повседневно ощущали заботу и внимание местных партийных и советских органов. Когда в 1927 г. в Олу из Ленинграда приехали на канику-

лы Митрофан Бушуев, Иннокентий Якушев, Василий Хабаров и Леонид Беляев, сразу же состоялось специальное заседание президиума Ольского райисполкома¹. И студенты-северяне не остались в долгу. «В течение лета в необъятном районе студентами была проделана огромная работа. В этот темный край они несли луч света и жизнь. На родных им языках читали лекции по агрономии, скотоводству, рыболовству и охотничеству. Организовали стенгазету, устраивали беседы, поставили на ноги кресткомы, подтянули сельсоветы и наладили дело политучебы»², — писала газета «Тихоокеанская звезда».

В новых условиях продолжали совершенствоваться формы политико-просветительной работы на местах³. В районных центрах открывались клубы, причем клуб им. В. И. Ленина в Гижиге⁴ и клуб им. А. В. Луначарского в Охотске были построены при активном участии самих трудящихся. Стремление народных масс к культуре, к просвещению реализовалось благодаря повседневной помощи партийных, советских и комсомольских организаций Охотского побережья.

Огромную роль в осуществлении культурной революции на Севере сыграли так называемые культбазы, идея создания которых впервые была высказана в Хабаровске. Учитывая специфику местных условий, и особенно кочевой образ жизни жителей тайги и тундры, Советское правительство по предложению ЦК ВКП(б) приняло решение об организации в северных районах школ-интернатов, кочевых школ, красных чумов, красных яранг и культбаз. Последние представляли собой единый комплекс хозяйственных, культурных и меди-

¹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 944, л. 1.

² ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 36, л. 171.

³ ГАХК, ф. 137, оп. 4, д. 6, л. 65.

⁴ «Советский Север», 1930, № 2, с. 172. В 1932 г. техникум был переведен в Николаевск-на-Амуре и преобразован в педагогическое училище.

⁵ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 66, л. 69.

¹ ГАМО, ф. р. — 17, оп. 1, д. 19, л. 31.

² «Тихоокеанская звезда», 16.IX.1927.

³ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 30, л. 153.

⁴ ЦПА ИМЛ, оп. 1, д. 267, л. 89.

цинских учреждений. Из 16 культбаз, находившихся в системе Комитета Севера, семь работали в северных районах Дальнего Востока.

Первая культбаза на Охотском побережье открылась в 1929 г., когда в бухте Нагаева возник целый поселок, состоявший из школы-интерната, больницы, ветеринарного пункта, торговой фактории, Дома кочевника и других учреждений. Руководство этим важным делом было доверено старому коммунисту И. А. Яхонтову, в прошлом видному чекисту. Его заместителем был Н. В. Тупицын, впоследствии известный геолог, один из первооткрывателей золотой Колымы¹, а краеведом — М. Г. Левин, позднее ставший крупным этнографом и антропологом².

На культбазах работали лучше из лучших: опытные учителя, врачи, зоотехники и другие специалисты. Каждый из них совершал гражданский подвиг, перестраивая жизнь, быт и хозяйство малых народов Севера на новой, социалистической основе.

Говоря о культбазах на Охотском побережье, нельзя не назвать имена К. Я. Лукса и В. А. Гайдука, имевших самое непосредственное отношение к их созданию. Лукс в 1928 г., будучи в продолжительной командировке в Приохотье, выбирал место для строительства Эвенской культбазы, и он же добился того, что Президиум ВЦИКа принял решение о завершении строительства четырех дальневосточных культбаз (Чукотской, Сахалинской, Корякской и Охотско-Эвенской). В 1930 г. Лукс снова выехал на побережье и выбрал площадку

¹ Е. К. Устнев. У истоков золотой реки. М., 1972, с. 157.

² См. о нем: И. С. Гурвич. Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930—1932 гг. — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», т. IV, М., 1968.

для строительства Тугуро-Чумиканской культбазы. Деятельным помощником К. Я. Лукса был В. А. Гайдук, непосредственно возглавлявший строительство дальневосточных культбаз.

23 ноября 1931 г. Комитет Севера при Дальневосточном крайисполкоме, рассмотрев вопрос о работе Нагаевской культбазы, отметил достижения педагогов, добившихся привлечения к занятиям значительной части детей северян¹. Обратив внимание работников культбазы на ряд недостатков в их деятельности, Комитет от имени Далькрайисполкома потребовал «сделать культбазу на самом деле базой для работы среди кочевников».

13 февраля 1932 г. бюро Комитета Севера при ВЦИКе, в связи с возвращением в Москву группы работников культбазы, также рассмотрело вопрос «О работе Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы в хозяйственном и социально-культурном строительстве в Охотско-Эвенском нацокруге»². Хотя вскоре на месте Нагаевской культбазы развернулось строительство города Магадана, ее роль в социалистической реконструкции хозяйства, культуры и быта северян Приохотья трудно переоценить.

Так, ветврач Кожухов, возглавивший опорно-оленьеводческий пункт, не только неутомимо боролся с эпизоотиями, но и неустанно доказывал эвенкам преимущества жизни и работы в артелях и колхозах. В осуществлении политики коллективизации на Севере культбазам отводилась большая роль.

В 1932 г. было начато строительство Тугурской культбазы, объявленной ударной стройкой края, а в конце 1933 г. здесь уже действовали школа-интернат, больница, Дом туземца, ветеринарный пункт.

¹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 925, л. 27.

² ЦГАДВ, ф. р. — 3131, оп. 1, д. 11, л. 14.

Работали на культбазе люди, преданные своему делу. Краевед В. Е. Розов, прибывший в Тугур в 1935 г., писал вскоре в Нижне-Амурский облисполком: «Я здесь устроился, предварительно всю работу взвесил, что могу сделать до конца своей жизни. Может быть, это мой последний район исследования... Я поехал в Тугур потому, что, изучив литературу, понял: самый малоизвестный район Дальнего Востока — Чумиканский.

Проработав 1935—1936 годы в районе, окончательно в этом убедился: есть тут над чем потрудиться... Район... очень богат водными ресурсами, полезными ископаемыми. Дайте только нам закончить инвентаризацию природного богатства района, закончить учет производительных сил и дополнить музей...»¹ За годы работы в Тугуре (1935—1943) Василий Евгеньевич детально обследовал систему реки Уды с ее нерестилищами, изучал многочисленные озера и ихтиофауну района, занимался поисками полезных ископаемых на Охотском побережье. Собранные им коллекции позднее легли в основу экспозиций отдела природы Николаевского-на-Амуре краеведческого музея.

Тугурская культбаза стала одним из наиболее значительных культурно-хозяйственных очагов в Приохотье. В 1935—1936 гг. здесь работали 42 сотрудника, в том числе два врача, фельдшер, акушерка, четыре учителя, ветврач, ветфельдшер, инструктор по ловле и обработке морзверя, инструктор по колхозному строительству, заведующий механическими мастерскими². В 1934 г. при культбазе открылась опорно-оленоводческая станция, сыгравшая важную роль в реконструкции местного оленеводства на социалистической основе.

Деятельность Тугурской культбазы направлялась

¹ «Комсомольская правда», 21.X.1970.

² ГАХК, ф. 137, оп. 4, д. 22, л. 262.

Далькрайкомом ВКП(б) и Далькрайисполкомом. Так, в 1933 г. Комитет Севера при Далькрайисполкоме напоминал заведующему культбазой: «Важнейшей задачей краеведческого пункта является изучение организационных форм существующих колхозов, практического осуществления директивы ЦК ВКП(б) о простейших формах производственного кооперирования с учетом местных, районных условий и различных типов колхозов»¹.

Кроме повседневной политико-массовой и организационной работы среди местного населения сотрудники культбазы принимали участие в подготовке кадров для молодых колхозов района, ремонтировали промысловый инвентарь: ружья, капканы и т. д. Их помощь в большом и малом ощущалась повсеместно и повседневно. Для тугуро-чумиканских эвенков русские специалисты являлись представителями Советского государства, проводниками новой жизни.

«Мы, национальности Советского Союза, после Октябрьской революции получили полную возможность развития политически и экономически лишь только благодаря проведению ленинской национальной политики, — говорится в письме удских эвенков в Тугуро-Чумиканский райком партии (1934 г.). — Районную организацию ВКП(б) заверяем в том, что по первому зову Советского правительства все, как один, станем на защиту страны Советов с оружием в руках. В период мирного строительства сосредоточим все свое внимание на укреплении Советов как органов пролетарской диктатуры на селе, выполнении хозяйственных и политических планов и поднятии своего культурно-политического уровня»². Свое слово эвенки сдержали: их колхоз скоро стал лучшим в районе, а в годы Великой Отечественной вой-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 53, л. 143.

² ПАХК, ф. 2, д. 73, л. 30—31.

ны они храбро сражались с немецкими захватчиками.

Прекратила свою работу Тугурская культбаза уже после Великой Отечественной войны, полностью выполнив поставленные перед ней задачи.

Всего за каких-то семнадцать лет коренное население Охотского побережья под руководством коммунистов и с братской помощью русских рабочих и крестьян преобразовало основы своего хозяйства, жизни и быта. Накануне Великой Отечественной войны в благоустроенных поселках северян почти повсеместно имелись школы, медпункты, клубы. Неизмеримо вырос уровень политической сознательности эвенгов и эвенков, их гражданской и трудовой активности. Это было огромное достижение Коммунистической партии и Советского правительства.

ПОДВИГ СОВЕТСКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Приступая к освоению Севера, Коммунистическая партия и Советское правительство взяли твердую линию на укрепление братского союза русских трудящихся и малых народов. Суровый Север советские геологи, горняки, моряки обживали при непосредственном участии эвенков, эвенгов, якутов, чукчей, эскимосов, коряков.

«Социалистическое строительство Дальнего Востока имеет ту особенность, — подчеркивалось в отчетном докладе Далькрайкома ВКП(б) XII партийной конференции, — что оно связано с освоением новых малообжитых в промышленном и культурном отношении районов. В этом отношении огромное значение не только для края, но и для всей страны имеет развитие Камчатской и Сахалинской областей, промышленное и культурное строительство на Колыме, где чрезвычайно успешно оно проходит под руководством... бесспорно хорошего, опытного работника — тов. Берзина. Имеет огромное значение развитие и освоение Северного морского пути и превращение его в важнейшую транспортную магистраль... Боль-

шое значение имеет также развитие гражданской авиации, учитывая наше бездорожье и пространство»¹.

Выступая в феврале 1932 г. на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР, академик О. Ю. Шмидт и заместитель Председателя Президиума ВЦИК П. Г. Смидович указывали, что освоение природных богатств Севера должно быть комплексным, при условии реконструкции хозяйства местного населения, вовлечения его в строительство социализма².

Уже в 1925 г. Дальбюро ВЦСПС провело довольно обстоятельное обследование народного хозяйства районов Охотского побережья, чтобы наметить конкретные пути его подъема. В материалах комиссии отмечалось, что в период белогвардейского террора природные ресурсы Приохотья расхищались, только одного золота было вывезено за границу не менее 500 пудов³.

Передовой силой в осуществлении социально-экономических и политических преобразований на Охотском побережье по-прежнему выступали горнорабочие. Уже в 1924—1925 гг. здесь была создана комсомольская организация, а также проведена профсоюзная конференция. Старатели проявляли большой интерес к самообразованию⁴. На прииске работала библиотека, проводилась работа по ликвидации неграмотности (инженер В. Борейша регулярно читал рабочим лекции). Комиссия отметила большое значение первых мероприятий Советского правительства в деле возрождения малых народов Севера.

Однако основное внимание члены комиссии уделили

¹ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 1086, л. 70—71.

² См. об этом: «Проблемы Севера», т. VIII. М., 1933.

³ Материалы по обследованию Охотско-Камчатского побережья в 1925 г., с. 117.

⁴ Там же, с. 120.

лишь изучению приискового района и рыбалок Охотско-Камчатского рыбопромышленного общества. Положение северян осталось вне поля их зрения. С организацией в 1925 г. Комитета Севера при Далькрайисполкоме исследование жизни малых народов Севера стало одной из его задач. Уполномоченные Комитета Севера И. Г. Соболев, К. Г. Лопатин, А. П. Воронков и другие, неоднократно выезжая в командировки в Приохотье, участвовали в изучении и решении ряда актуальных проблем переустройства экономики и культуры северян. Эту работу значительно углубили и расширили краеведы культур баз Комитета Севера.

Зимой 1926 г. на Охотское побережье прибыли уполномоченные по переписи малых народов Севера. Это была крупномасштабная акция по изучению населения северных окраин Советского Союза, которая не имела прецедента в истории. Перепись дала ценные материалы о численности северян, их хозяйственной и торговой деятельности и т. д. Исследования, проводившиеся в научных целях, имели и большое практическое значение. Они выявили особенности быта и общественных отношений у малых народов, помогли определить возможные формы работы среди них.

Приполярная перепись дала основание сделать вывод о наличии социальной дифференциации у эвенов и эвенков, хотя в целом они находились на уровне развития доклассового общества. Например, Е. Громов, кочевавший в районах Северо-Востока, имел 8 тыс. оленей, а известные богачи Карамзины, державшие в своих руках Аяно-Нельканский тракт, эксплуатировали труд нескольких сот семейств эвенов.

Стремясь сорвать приполярную перепись, богатые оленеводы и шаманы распускали провокационные слухи, убеждая кочевников, что после составления посемейных и похозяйственных списков мужчины заберут в ар-

мию, а в стадах начнется падеж оленей. Они призывали уклоняться от обследования, уверяя, что среди эвенов и эвенков нет ни богатых, ни бедных. И снова враги нового строя потерпели крах. Уполномоченные по переписи побывали в самых отдаленных стойбищах Охотского побережья.

Перепись выявила, что у эвенов имелись 31 большой и малый род, 21 оседлое стойбище. Все население Охотского района составляло 3466 человек, в том числе эвенов 1710, якутов 260, русских и представителей других национальностей 1496. В 381 эвенском хозяйстве переписью было учтено 19 628 голов оленей. В Ольском районе уполномоченный Б. А. Чернявский обследовал 555 хозяйств с населением 2750 человек, из которых кочевников насчитывалось 1409, а оседлых 1341¹.

Опираясь на поддержку бедняцко-средняцкой части населения, партийные и советские органы добились успешного завершения переписи, данные которой послужили для перестройки быта и жизни северян на социалистической основе.

Почти одновременно, в 1926—1928 гг., на Охотском побережье работал якутский этнограф В. Н. Васильев. Он побывал в Нелькане, Аяне, Охотске, подробно описал материальное положение и быт аяно-майских эвенков, аркинских и ульинских эвенов. Ко времени его посещения в марте 1927 г. Аян был центром волости, входившей в состав Охотского района. Здесь находились сельсовет, школа, фельдшерский пункт, торговая фактория Дальгосторга, отделение охотничьей кооперации. Через два года Аян станет центром большого района, и на берегу живописной Аянской бухты развернется жилищное и культурное строительство, значительно возрастет население поселка.

¹ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929, с. 92.

В Охотск ученый добрался лишь в июле 1927 г. Позднее, в 1930 г., он писал в своем отчете, который был издан Академией наук СССР: «Имеются в Охотске школа, больница, таможня, магазины, дивизион ГПУ, милиция, горное управление и другие учреждения с соответствующими штатами и сотрудниками... Имеется единственное кино в клубе, где раз или два в неделю собирается народ на обозрение какого-нибудь фильма... В 75 приблизительно дворах бывшего города вместе со служилым и военным элементом едва наберется 600—700 душ. В районе Охотска поблизости разбросались селения Новое Устье, Булгин, Ивановка, Резиденция, в которых вместе с рабочими наберется еще столько же народа»¹.

Из Охотска этнограф выехал к аркинским эвенкам, затем проследовал на Алдан и вернулся в Якутск.

В 30-х годах в Охотском, Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах продолжительное время работала лингвистическая экспедиция, которой руководил молодой московский этнограф Я. С. Минц. Его спутницей была украинка по национальности, учительница по профессии, языковед по призванию М. М. Карнаух.

В 1932 г. был создан Охотско-Эвенский комитет нового алфавита во главе с Я. С. Минцем. В должности инструкторов работали М. М. Карнаух и З. О. Айзенберг. Комитет организовал курсы по изучению эвенской и эвенкийской письменности для партийных и советских работников северных районов, подготовил большую группу учителей по ликвидации неграмотности. Одновременно сотрудники комитета вели большую работу в окружной совпартшколе в Охотске. Здесь они преподавали эвенский и эвенкийский языки и сами учились у слушателей. Позднее, после закрытия окружного комитета но-

¹ В. Н. Васильев. Указ. соч., с. 41

вого алфавита, Я. С. Минц и М. М. Карнаух работали в Николаевском-на-Амуре техникуме¹, где продолжали изучение материальной и духовной культуры малых народов Нижнего Амура и Охотского побережья.

Важнейшее значение для развития экономики колхозов северных районов имели научные исследования биологических ресурсов Охотского моря, начатые в 1929 г. Тихоокеанским научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства (ТИРХ). Из экспедиции ТИРХа позднее была выделена специальная Охотско-Кухтуйская рыбоводческая исследовательская экспедиция, одним из сотрудников которой стал известный уже нам В. Е. Розов. Большой вклад в развитие государственной рыбной промышленности на Охотском побережье внесли Охотско-Камчатское акционерное рыболовецкое общество (ОКАРО), организованное в 1924 г., Акционерное Камчатское общество (АКО), тремя годами позже сменившее первое. «С созданием АКО, — говорится в справке ТИРХа, — государственная рыбная промышленность прочно встает на ноги и в течение первой пятилетки развивается бурными темпами. Рост и укрепление рыбной промышленности происходит в значительной мере за счет освоения малоиспользуемых объектов лова... АКО проделана громадная работа по социалистической реконструкции рыбного хозяйства, особенно в области обработки рыбы»².

В 1932 г. в Беринговом, Охотском и Японском морях работала ихтиологическая экспедиция под руководством профессора К. М. Дерюгина, которая собрала ценные сведения о флоре и фауне дальневосточных морей. Рекомендации ее позволили значительно увеличить промысел рыбы и морского зверя.

¹ З. О. Айзенберг в 1934 г. вернулась в Ленинград для завершения образования.

² ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 81, л. 201.

Малоисследованным в научном отношении оставалось оленеводство. 5 сентября 1931 г. президиум Дальрайисполкома принял постановление «Об организации экспедиции по обследованию северного оленеводства», в котором отмечалось: «...Значение северного оленеводства в решении проблем жирового дефицита (1151 т. голов оленей), развитии экспорта и поднятии материального уровня народностей Севера огромно, и 1932 год должен явиться переломным в темпах и объеме работ по северному оленеводству»¹.

Экспедицию, на содержание которой было предоставлено свыше 285,5 тыс. руб., возглавил член Комитета Севера при ВЦИКе К. Я. Лукс². В 1927—1928 гг. он уже побывал в продолжительной командировке на Чукотке, Колыме и Охотском побережье и прекрасно знал эти районы.

Задачи экспедиции были крайне ответственными: «провести экономическое, зооветсанитарное, геоботаническое обследование, выбор массивов под оленсовхозы, изучение кормовой базы и организации пастбищ при одновременном проведении политической и массовой работы по особой программе». В декабре 1931 г. экспедиция прибыла на пароходе «Свирьстрой» в Прихотье и приступила к обследованию Ольского, Северо-Эвенского и Охотского районов. Как сообщала окружная газета «Орочелско-эвенская правда», в ее составе находились экономист-организатор, агроном-зоотехник, ветврач, медврач и геоботаник. «Основной задачей экспедиции является хозяйственно-экономическое и естественно-историческое обследование территории в целях выявления ресурсов для организации крупного социалистического

¹ ГАХК, ф. 137, оп. 4, д. 16, л. 298.

² См. об этом более подробно: А. П. Фетисов. Начальник большого комитета. Магадан, 1974.

хозяйства (совхозов и колхозов). Экспедиция должна в первую очередь сосредоточить внимание на выявлении возможностей по социалистической и технической реконструкции оленеводства. Срок экспедиции рассчитан на 2 года¹.

Результаты исследований экспедиции показали, что для организации оленеводческих совхозов и совхозов на Севере имелись все возможности. Социалистическая реконструкция хозяйства малых народов Севера на основе коллективизации была объективно необходимой, без нее оленеводы не смогли бы избавиться от нужды.

Эвены, эвенки, коряки с интересом слушали беседы К. Я. Лукса о необходимости объединить стада оленей для совместного выпаса. Сколько сразу высвобождалось рабочих рук! Кочевники полюбили «оленьих докторов» ветврача Е. И. Горбунова и зоотехника М. С. Шульпина, лечивших их оленей, «белого шамана» Е. Н. Калининскую, слава об исцеляющей «силе» которой разнеслась по всему Северо-Востоку.

Экспедиция уже вступила на территорию Чукотского национального округа, как вдруг 29 августа 1932 г. трагически погиб К. Я. Лукс, сыгравший важную роль в осуществлении ленинского кооперативного плана в национальных округах и районах Дальнего Востока². И все же участники экспедиции завершили свои исследования на Чукотке и вернулись в Хабаровск с ценными научными результатами. Из Москвы прибыл сотрудник Комитета Севера, чтобы принять от них отчеты и другие материалы.

С организацией колхозов остро встали проблемы земельно-водного устройства. В решении их активное уча-

стие принимала Охотско-Аянская землеустроительная экспедиция, осуществлявшая свои исследования в 1935—1936 гг. под руководством П. П. Иванова. В экспедиции было занято свыше двадцати высококвалифицированных специалистов — землеустроителей, геоботаников, экономистов, охотоведов, ветврачей и зоотехников-оленеводов. Землеустроители детально изучили Охотское побережье, провели большую организационно-хозяйственную и политическую работу в таежных и прибрежных колхозах, а также научно доказали возможность развития многоотраслевого сельского хозяйства в северных районах Дальневосточного края.

Сотрудник экспедиции врач-оленевод В. Разделишин писал: «25 августа (1935 г. — А. Ф.) после восьмидневного перехода наша партия прибыла в Арку — селение, расположенное в 120 километрах к северо-западу от Охотска. Арка — это полтора десятка домов, в большинстве с плоскими крышами, в беспорядке раскиданных на таежной поляне. Вот центральная часть, здесь расположены школа, нацсовет, больница, отделение интегралсоюза.

В километре от этой части стоит ряд чумов и палаток, прижавшись к берегу реки Охота. Эта часть оседающая, не порвавшая еще с привычками кочевания... Вместо прежней закабаленной Арки, нищенствующих эвенов мы видим хозяев положения, членов колхоза, одетых в добротные платья, предъявляющих интегральной кооперации все большие и большие требования на предмет культурного обихода, хорошие товары и продукты¹.

Давая высокую оценку деятельности Охотско-Аянской экспедиции, заведующий сектором культуры Далькрайисполкома А. А. Цымек, впоследствии известный ученый-лесовод, отметил в своем докладе, что экспеди-

¹ «Орочелско-эвенская правда», 16.I.1932.

² См. об этом постановление президиума Далькрайисполкома от 8 сентября 1932 г. (ГАХК, ф. 137, оп. 4, д. 21, л. 149).

¹ «Тихоокеанская звезда», 12.IV.1936.

цией составлена экономико-географическая карта побережья, выявлены лесопромышленные зоны, «изучены оленьи пастбища, рыбные и сельскохозяйственные угодья, собраны подробные данные об экономике районов и т. д.»¹

Еще не закончили свои исследования землеустроители, как в 1936 г. в Охотск прибыла Приморско-Амурско-Охотская экспедиция Наркомпищепрома СССР, приступившая к исследованиям ихтиофауны Амура и Охотского моря. Данные этих работ позволили Охотскому и Нижнеамурскому рыбтрестам расширить масштабы государственного и колхозного рыбного лова.

* * *

Во второй половине 20-х годов на повестку дня был поставлен вопрос о промышленном освоении Северо-Востока СССР. Всего за семь лет (1928—1934) в Охотско-Колымском крае получили «прописку» свыше 75 геологических партий. Каждая из них внесла свой вклад в изучение природных богатств Севера.

И снова трудовой подвиг совершили охотские горнорабочие. Когда в 1928 г. в Среднекан прибыло первое приисловое управление «Союззолота», там уже работали старательские артели, часть которых пришла на Колыму из Охотска.

«Золотой Алдан» тоже обязан своей славой охотчанам. Пепеляевские банды еще сидели в Охотске и Аяне, когда бывший охотский горнорабочий В. П. Бертин вместе с братом Э. П. Бертиным и проводником-якутом М. П. Тарабукиным вышел в долину реки Томмот, притока Алдана. Здесь в апреле 1923 г. В. П. Бертиным был

основан прииск «Незаметный» и попутно уничтожена белогвардейская банда, готовившая нападение на старателей. Открытие золота на Алдане имело следствием изыскания, а затем и строительство Амуро-Якутской магистрали (АЯМ).

В книге «В долинах золотого песка» Л. М. Геймана и М. С. Сальцовского так описывается предьстория этой алданской экспедиции: «В трудный 1922 год дальневосточный партизан В. П. Берзин¹ бежал с группой товарищей из тюрьмы белогвардейского атамана Калмыкова. Пробирались в советский Якутск непроходимой алданской тайгой. Повстречали эвенков. От них и услышал Берзин рассказ о <...> нетронутом золоте на притоках Алдана — реках Орто-Сала и Куранах. Все новые и новые неоспоримые сведения собирал Берзин о <...> алданских россыпях. И вот, наконец, Якутск. Берзин доложил правительству молодой Якутской республики о необходимости послать на Алдан экспедицию. День выхода экспедиции в путь — одна из памятных вех истории Алдана как золотопромышленного района»².

В городе Алдане (бывший прииск «Незаметный») ныне в честь первооткрывателей воздвигнут памятник. Подняв на вытянутых руках рога лося, в развилке которых покоится золотой слиток, стоят рядом латыш Вольдемар Бертин и якут Михаил Тарабукин. Именно преследуя сохатого, вышли таежники в долину «золотого» ключа, и скульптор лишь подчеркнул значительность этого события.

Уже в 1923—1924 гг. в результате открытия алданских россыпей Якутия дала часть общесоюзной добычи

¹ В книге искажена фамилия Вольдемара Бертина.

² Л. М. Гейман, М. С. Сальцовский. В долинах золотого песка. М., 1963, с. 85.

¹ ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 329, л. 26.

золота. В 1925 г. по решению Совета Труда и Оборона СССР был образован союзный трест «Алданзолото», в штат которого и были зачислены неутомимые искатели кладов Вольдемар и Эрнест Бертины.

Когда на Алдане появился молодой геолог Ю. А. Билибин, братья Бертины стали его верными помощниками. Юрий Александрович уже тогда интересовался проблемами золотоносности Колымы, и рассказы Вольдемара Петровича о походах охотских старателей на колымские «покати» привлекли его внимание. Поведал ему Бертин и о судьбе бывшего охотского старателя Сафи Шафигуллина, по прозвищу Бориска, который после долгих мытарств нашел-таки золотоносную жилу, однако так и не смог воспользоваться обретенными сокровищами. В 1927 г. Бертин передал Билибину «записки Розенфельда с восторженными описаниями колымских золотоносных кварцевых жил и рассказал о подвигах первых охотских старателей, пробравшихся за барьер колымских хребтов. Записки и рассказы увлекли Билибина»¹.

В 1928 г. Ю. А. Билибин возглавил первую Колымскую экспедицию Геологического комитета и треста «Союззолото». В состав экспедиции, которая в июле того же года высадилась на берегу Охотского моря, у селения Ола, входили геолог В. А. Цареградский, астроном-геодезист Д. Н. Казанли, поисковики-разведчики С. Д. Раковский, Э. П. Бертин и другие геологи и рабочие. Теперь здесь установлена стела с надписью: «На этом берегу 4 июля 1928 года высадилась первая Колымская экспедиция Геолкома ВСНХ под руководством Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского». Именно в этот день отсюда начался штурм пространства, лежавшего

¹ В. Н. Болдырев, К. Б. Ивановская. Золотая дуга. М., 1970, с. 35.

к северу от пустынного побережья Охотского моря.

С. Д. Раковский, впоследствии лауреат Государственной премии СССР, рассказывает: «Я тогда работал на алданских золотых приисках. Была у нас здесь дружная артель «вольных разведчиков»: Эрнест Бертин, Степан Дураков, Александр Швецов и другие. Вместе мы прошли не одно испытание. Но Алдан казался нам слишком обжитым краем. Тянуло на новые неизведанные места. И вот получаю вдруг телеграмму. Читаю: «Алдан зпт прииск «Незаметный» зпт Раковскому зпт Бертину тчк Предлагаю принять участие работе экспедиции Колыме тчк Случае согласия прошу подобрать пятнадцать рабочих зпт выехать Владивосток зпт где встретимся второй половине мая тчк Билибин».

Показываю телеграмму Бертину. «Зовут нас обоих. Поедем?» Эрнест Бертин, еще довольно молодой человек, но уже бывалый таежный разведчик, вместо ответа деловито подвинул к себе бумагу и карандаш, и на чистом листе появились первые фамилии будущих участников экспедиции, фамилии появлялись, зачеркивались и снова вписывались: каждая кандидатура обсуждалась тщательно, с пристрастием. Наконец, был готов предварительный список»¹.

Нелегкие испытания ждали первопроходцев. Им доводилось тонуть в непроходимых болотах, пробиваться сквозь таежную глухомань, преодолевать вброд и вплавь студеные реки, пережидать пургу в палатках, занесенных снегом. И не погоня за славой, не жажда личной наживы вели их, а горячее желание проложить пути к сокровищницам северных пустынь, принести пользу Отечеству.

Уже после обследования верховьев Колымы — райо-

¹ Цитир. по: Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961, с. 149—150.

на от реки Бохапчи до реки Буюнды -- Ю. А. Билибин разработал научный прогноз золотоносности Колымы и Чукотки. Однако выводы молодого ученого многим были сочтены недостаточно обоснованными. Потребовались годы упорной борьбы, прежде чем было принято решение правительства о широком развертывании геологоразведочных работ на Северо-Востоке СССР.

Став впоследствии крупным ученым, Ю. А. Билибин опубликовал свыше шестидесяти значительных научных трудов, в том числе фундаментальную монографию «Основы геологии россыпей». Северяне чтут память о первооткрывателе-ученом. Его именем названы прииск, большой район на Чукотке, а также улицы многих северных городов и поселков. Подвигу участников первой Колымской экспедиции посвящена документальная повесть Е. К. Устиева «У истоков золотой реки» (М., 1972). Читая ее, словно идешь следом за Ю. А. Билибиным, В. А. Цареградским, С. Д. Раковским и Э. П. Бертиным. Пройдет всего лишь несколько лет — и там, где стояли палатки геологов, поднимутся здания приисков и шахт, городов и поселков. Вечная мерзлота не хотела отдавать людям драгоценный металл, но энтузиасты победили ее.

В 1930 г., когда была организована вторая Колымская экспедиция во главе с В. А. Цареградским, Э. П. Бертин снова получил предложение принять участие в поисках и немедленно выехал во Владивосток.

7 июня 1930 г., отчаянно дымя, старый пароход с участниками второй Колымской экспедиции на борту покинул Владивосток и через тринадцать дней прибыл в бухту Нагаева. Одной из первых в тайгу вышла поисковая группа Э. П. Бертина, вскоре обнаружившая обширные золотоносные площади в бассейне реки Оротукан, а также в долинах ряда ключей, впадающих в Колыму между устьями рек Дебин и Таскан. Превосходные пробы были получены и из Среднеканской дайки, которая те-

перь прослежена на протяжении 15 километров. Прогноз Ю. А. Билибина получил убедительное подтверждение.

Основываясь на данных экспедиции Цареградского, Билибин в конце 1930 г. представил в правительство новую записку о перспективах и путях освоения золотоносного района в верхнем течении Колымы. На этот раз доводы молодого ученого поколебали позиции его оппонентов. В ноябре 1931 г. был организован трест Дальстрой, директором которого стал известный чекист Э. П. Берзин, в 1918 г. принимавший участие в разоблачении «заговора послов». В 1932 г. трест приступил к планомерной промышленной добыче золота. В его системе в то время, по данным Охотско-Эвенского окркомитета, было занято около 5 тыс. рабочих¹.

Вскоре стало ясно, что без надежной дороги от Охотского побережья в долину Колымы развернуть широкий фронт работ на Севере будет невозможно. Уже 6 октября 1931 г. оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа отмечало в своем постановлении: «Прокладка Колымского тракта является одним из важнейших мероприятий округа. От успеха дорожного строительства зависят целиком и полностью успех и темпы освоения богатств Колымского бассейна. Прокладка тракта в основном разрешает проблему удешевленного и своевременного снабжения Индигирки, среднего и нижнего течения Колымы, а следовательно, ускоряет и темпы вовлечения в культурно-социальное устройство больших масс туземного населения Колымско-Индигирского бассейна»².

Однако окружное руководство не имело достаточных технических и финансовых средств, поэтому строительство магистрали было поручено тресту Дальстрой.

В 1932 г. в тайгу ушли отряды изыскателей и рабо-

¹ ЦГАДВ, ф. р. — 2411, оп. 1, д. 36, л. 121.

² ПАХК, ф. 473, оп. 1, д. 1, л. 15.

чих, а вслед за ними на просеке появились землекопы, вооруженные кирками и лопатами. Изю дня в день метр за метром наращивалось полотно шоссе, неудержимо устремлявшегося к северу от берега Охотского моря. За два года четырехсоткилометровый путь связал побережье с бассейном Колымы.

В 1934 г. геологи треста «Приморзолото» приступают к исследованиям минеральных ресурсов Охотского и Аяно-Майского районов¹. За их деятельностью внимательно следит академик В. А. Обручев.

В 1937 г. геологическая экспедиция под руководством В. З. Скорохода обнаружила признаки нефти в Аяно-Майском районе, и уже в следующем году Дальневосточное геологическое управление начало бурение скважин в низовьях Май.

Особенно успешной оказалась работа Джугджурской геологической экспедиции под руководством горного инженера А. А. Леонтовича. Она нанесла на карты и изучила площадь в 1800 квадратных километров. Экспедиция доказала, что «основными полезными ископаемыми района являются металлические (руды)»². Участник экспедиции горный инженер Н. А. Раков писал: «Геологическое строение района и наличие месторождений полезных ископаемых дают возможность считать этот район заслуживающим более углубленного изучения и дальнейшей постановки там новых поисковых и разведочных работ»³.

Размах и темпы социалистической индустриализации Северо-Востока способствовали превращению отсталых в прошлом районов в один из важных очагов горной промышленности советского Дальнего Востока. Следует

¹ См. об этом статью Воронина «Раскрыть богатства недр» («Красный маяк», 29.VII.1936).

² «Тихоокеанская звезда», I.XII.1938.

³ Там же.

также подчеркнуть, что вместе с русскими, украинцами, белорусами славу «золотой» Колымы приумножали и эвены, эвенки, якуты. Менялся облик Севера, менялись сами северяне.

* * *

В эти же годы продолжалось планомерное освоение Северного морского пути, начатое в 1918 г. по постановлению Советского правительства, подписанному В. И. Лениным. Уже в 1932 г. ледокол «Сибиряков» за один навигационный сезон, точнее за 65 дней, совершил сквозной рейс из Архангельска во Владивосток, практически доказав возможность создания «транспортного коридора» вдоль побережья Северного Ледовитого океана¹. 17 декабря 1932 г. постановлением СНК СССР был образован мощный «арктический главк» — Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), которое возглавил выдающийся советский ученый-полярник О. Ю. Шмидт. Перед управлением была поставлена задача обеспечить развитие производительных сил, освоение природных богатств и полезных ископаемых Крайнего Севера, всемерно содействовать социалистическому строительству, подъему экономики и культуры в национальных районах Севера. В считанные годы берега Северного Ледовитого океана покрылись десятками метеостанций, радиостанций, населенных пунктов, складов, мастерских и других предприятий, обслуживающих потребности навигации в Арктике.

Покорение Севера в интересах всего народа оказалось под силу только советским патриотам. Хорошо сказал об этом в 1936 г. М. И. Калинин: «Лишь сейчас, при

¹ В. А. Шнейдеров. Великим Северным (поход «Сибиряков»). М., 1963.

Советской власти, когда гигантски двинулась вперед наша промышленность, когда значительно выросла техника, когда общая народная культура и техническая подготовка стали гораздо выше, когда культурно и политически выросли творческие силы местного национального населения, можно действительно приступить к освоению этой огромной территории»¹.

В те далекие годы и в Охотске, и в Анадыре, и в Нижне-Колымске самым желанным гостем был знаменитый капитан-полярник П. Г. Миловзоров. Совершив первый свой рейс на Колыму еще в 1914 г. на пароходе «Ставрополь», Павел Георгиевич в 1923 г. доставил на Охотское побережье экспедиционный отряд С. С. Вострецова и в том же году завез грузы на Колыму. Три года спустя на том же «Ставрополе» на остров Врангеля прибыла первая партия зимовщиков и поселенцев — чукчей и эскимосов. В 1927 г. пароход «Колыма» под командой Миловзорова прошел из Владивостока к устью реки Яна. Позднее, в 1929—1931 гг., Павел Георгиевич руководил проводкой каравана судов с Лены на Колыму.

В 1935 г. П. Г. Миловзоров и его ученик А. П. Мелехов прошли на пароходах «Анадырь» и «Сталинград» из Владивостока в Мурманск, за границу и обратно. Почин отважных советских капитанов-полярников был подхвачен сотнями и тысячами молодых моряков, желавших испытать свои силы в поединке со стихией Арктики.

Здесь же следует назвать имя выдающегося советского гидрографа Б. В. Давыдова, посвятившего свою недолгую жизнь изучению течений Охотского моря. Его труд по гидрографии восточных морей СССР, изданный

¹ Цитир. по: С. З. Борисов. В единой семье советских народов (развитие Крайнего Севера за 50 лет Советской власти). М., 1968, с. 24.

в 1923 г., сыграл большую роль в обеспечении безопасности регулярных рейсов в порты Охотского, Берингова и Чукотского морей.

* * *

Большая заслуга в освоении Севера принадлежит советской авиации.

Первый самолет в Охотске должен был приземлиться весной 1930 г., когда в Арктике велись поиски пропавших без вести американских летчиков Эйелсона и Борланда. Однако в Хабаровске стало известно, что останки погибших пилотов найдены и отправлены в США, и рейс М. М. Громова на Чукотку был отменен.

Только в марте 1934 г. совершил первую посадку в Охотске самолет, да не один, а сразу целых три. Молодые пилоты М. В. Водопьянов, И. В. Доронин и В. Л. Галышев летели в Арктику снимать со льдины челюскинцев и, чтобы дозаправиться горючим, приземлились в Охотске, прямо на льду Кухтуя.

Еще бешено вращались пропеллеры, когда из кабины ведущей машины на лед выпрыгнул летчик среднего роста. Весело улыбаясь, он приветливо помахал охотчанам шлемом. Они мгновенно подняли Водопьянова на руки и начали дружно «качать». Рассказывая об этом, Михаил Васильевич, добродушно улыбаясь, добавлял, что охотчане увлеклись и «выкачали» на лед его документы.

Вечером Водопьянов выступал в клубе имени А. В. Луначарского и говорил о подвиге челюскинцев, о значении авиации в промышленном и культурном развитии Севера. Каждое слово авиатора зал встречал аплодисментами, а эвены, специально приехавшие в Охотск, чтобы посмотреть на «летающего кита», поти-

хоньку передавали друг другу весть, что «летающие киты» доставили в Охотск большую почту и надо ждать больших перемен.

Некоторое время спустя М. В. Водопьянов рассказывал корреспонденту «Тихоокеанской звезды»: «Всюду, особенно на Севере, в национальных округах и районах, население встречало нас радушно, и по тому, как нас ждали, чувствовалось, как нужен для Крайнего Севера самолет, регулярная связь с материком. Везде первым вопросом и первой просьбой было: «Дайте газету с решениями XVII съезда партии!» Мне часто приходилось вести через переводчика беседы с туземцами, объясняя, что такое самолет и для чего он. Зачастую беседы наши в период длительных задержек из-за пурги затягивались до вечера. Мне задавали кучу вопросов, и приходилось всех удовлетворять и все объяснять... Гражданская авиация здесь принесет громадную пользу делу культурного развития. Для меня это так сейчас стало ясно, что я бы охотно и с удовольствием отработал на этой трассе год-два, зная, что принес бы немалую пользу делу социалистического строительства»¹.

После успешного перелета М. В. Водопьянова и других пилотов все чаще стали появляться в северном небе крылатые машины. Самолеты Дальстроя то доставляли в Охотск почту и медикаменты, то привозили в район специалистов. Вскоре сперва в Ольском районе, а потом неподалеку от Охотска были построены первые стационарные посадочные площадки.

В годы второй пятилетки советские авиаторы окончательно освоили воздушную линию Хабаровск — Николаевск-на-Амуре — Аян — Охотск — Нагаево протяженностью две тысячи километров, проложенную еще в 1933 г. прославленным летчиком И. П. Мазуруком. За

¹ «Тихоокеанская звезда», 11.IV.1934.

этот подвиг Илья Павлович был награжден орденом Красной Звезды, а позже ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Сейчас перелет из Хабаровска в Магадан занимает чуть больше четырех-пяти часов, но в те годы это был труднейший рейс. Из-за сильной облачности И. П. Мазурук, например, не смог приземлиться в Охотске, почту ему пришлось сбрасывать на парашюте, и она едва не угодила в море. Мазуруку же выпала честь прокладывать первую воздушную трассу из Хабаровска на Северный Сахалин, затем он снова летал на Шантарские острова, в Аян, Охотск, Чумикан и Владивосток. «Пять лет работы в чудесном крае! Полмиллиона километров в дальневосточном воздухе! Мы, советские люди, шаг за шагом осваивали беспредельные арктические моря, вели наступление к высоким широтам, организовывали научное и экономическое обслуживание огромнейшей северной территории»¹, — с удовлетворением писал Мазурук в конце 30-х годов.

Вряд ли тогда думал он, что в годы Великой Отечественной войны ему придется отвечать за перегон на фронт американских самолетов на линии Аляска — Чукотка — Колыма — Якутск — Красноярск. К выполнению этого ответственного задания генерал-майор И. П. Мазурук был подготовлен годами самоотверженного труда на северных трассах.

Многие охотчане-старожилы помнят другого замечательного советского пилота — Дмитрия Николаевича Тарасова, работавшего в 30-е годы в системе Дальстроя. Вот что сообщала 14 марта 1936 г. газета «Советская Колыма»: «Магаданским радиоузлом поймана радиogramма Охотска, в которой предлагается немедленно организовать розыски вылетевшего из Хабаровска лет-

¹ «Тихоокеанская звезда», 23.V.1938.

чика Тарасова, сделавшего, по-видимому, 10 марта недалеко от Аяна вынужденную посадку. Радиограмма предлагает на советам, расположенным в районе предлагаемой посадки самолета, выслать партии на нартах, мобилизовать кочевья и охотников, расспрашивать население, не был ли замечен самолет или слышен шум мотора». Самолет был найден на восьмые сутки. После того как были заменены сломанные лыжи, Тарасов снова взмыл в воздух и благополучно достиг пункта назначения.

Многим жителям поселка Аян надолго запомнился день 31 июня 1936 г., когда в Аянской бухте совершил посадку гидросамолет, пилотируемый Героем Советского Союза В. С. Молоковым. Участник этого «большого арктического перелета» писатель Борис Горбатов так рассказывал о новом облике советского Севера: «Какая изумительная... картина развернулась перед нами. Быт народов Севера — эскимосов, чукчей, ненцев, алеутов, коряков, тунгусов, якутов, юкагиров, камчадалов — народов, возрожденных и восходящих, распахнулся перед нами. Промыслы, фабрики, индустриальные стройки Арктики, порты, угольные базы, полярные станции — все это проходило, как в чудесном калейдоскопе»¹. В маленьком Аяне тоже была ключом новая жизнь. Участники экспедиции побывали также в Охотске, Нагаево, на острове Врангеля, на Командорах, в других отдаленных районах Северо-Востока, всюду наблюдая переменны, бодрый, деятельный ритм строительства нового общества.

Север отдавал свои богатства людям большевистского характера, покоряясь мощной технике, созданной ими. Индустриализация северных районов, в силу их отдаленности и малодоступности, осуществлялась несколько

позже, чем в центральных районах страны. Однако коммунисты Приохотья понимали, что социалистическая реконструкция охотничьего хозяйства, оленеводства и рыбного промысла возможна только на основе новой техники.

Заместитель управляющего Охотско-Аянским госрыбтрестом, созданным в 1934 г., П. В. Шетц в статье «Индустриализация Севера» писал, что социалистическая реконструкция народного хозяйства поставила задачу перестройки рыбной промышленности Дальневосточного края. В этих целях вновь созданным Охотско-Аянским госрыбтрестом было развернуто строительство мощных рыбообрабатывающих заводов, оснащение новой рыбопромысловой техникой рыболовецких колхозов. Уже в первый год своей работы трест располагал промысловым флотом из десяти самоходных судов и 50 кунгасов различной грузоподъемности¹.

В путину 1938 г. предприятия Охотского и Нижне-Амурского трестов обслуживались 86 самоходными судами — речными и морскими катерами, кавасаками, шхунами. Кроме того, в распоряжение колхозных рыбаков предоставлялись суда и промысловая техника МРС. В годы Великой Отечественной войны вступила в строй Охотская МРС.

Применение ставных, закидных и кошельковых неводов, а также ловушек с боновыми заграждениями помогло во много раз увеличить производительность труда рыбака, а оснащение заводов рыбонасосными установками позволило полностью механизировать процесс подачи рыбы от ловушки к засолным чанам.

В результате реконструкции охотничьего промысла и коллективизации хозяйств возросла добыча пушнины. На научную основу было поставлено оленеводство, в

¹ Борис Горбатов. Собр. соч., т. 4. М., 1956, с. 80.

¹ «Красный маяк», 12.III.1936.

условиях колхозного строя ставшее высокотоварной и рентабельной отраслью животноводства.

Главное достижение предвоенных лет на Охотском побережье — укрепление и развитие основ социализма, включение природных ресурсов Приохотья в народно-хозяйственный оборот советского Дальнего Востока, всей страны, переход к планомерному развитию экономики и культуры.

В ГРОЗНЫЙ ДЛЯ РОДИНЫ ЧАС

В годы Великой Отечественной войны северяне, как и все трудящиеся Хабаровского края, вместе со всем советским народом ковали победу над врагом. Русские и эвенки, эвены и якуты в одном строю с представителями других социалистических наций и народностей героически защищали Родину от фашистского нашествия.

Советское правительство, проявляя заботу о малых народах Севера, освободило их от воинской обязанности. Но уже в 30-х годах, особенно при обсуждении проекта Конституции, северяне сами просили ЦК ВКП(б) и Советское правительство разрешить им служить в рядах Советской Армии. Так, аянские эвенки на первом районном съезде в 1929 г. заявили, что они грудью встанут на защиту завоеваний Великого Октября¹. Такую же клятву дали и чумиканские эвепки и якуты.

В грозный для Родины час многие молодые эвенки и эвены ушли на фронт и стали незаменимыми развед-

¹ ПАХК, ф. 1802, оп. 3, д. 23, л. 67.

чками и снайперами. Когда начались бои под Ленинградом, большинство студентов Института народов Севера вступили в ряды действующей армии добровольцами. Под Ленинградом смертью героя погиб студент-эвен И. И. Сторожев. Его двоюродный брат Д. В. Сторожев, тоже студент, был неоднократно ранен и контужен, но все же дошел почти до самого Берлина. Уже после великой победы он рассказывал: «Моя жизнь — обыкновенная судьба эвенского юноши, родившегося при Советской власти. Отец был безграмотным кочевником, имевшим с десяток оленей. Учился я в Аркинской школе-интернате у замечательного нашего учителя Н. П. Ткачика. А дальше счастливая судьба привела меня в Ленинград, в Институт народов Севера. Немцы попытались отнять у моего народа обретенное при социализме счастье.

Встав на защиту правого дела Октября, мы сражались в годы войны на фронте и в тылу».

Такой же путь прошел и один из зачинателей эвенкийской литературы, талантливый переводчик произведений А. С. Пушкина и советских писателей на языки малых народов Севера Петр Савин. Сын бедняка-оленьвода из Тугуро-Чумиканского района, он вместе с братом Михаилом был направлен учиться в Хабаровский техникум народов Севера, а потом в Ленинград. В годы Великой Отечественной войны героически сражался под Сталинградом и совершил подвиг на Курской дуге, уничтожив два немецких «тигра», за что был награжден орденом Отечественной войны II степени. «Всю войну, — пишет он в автобиографической повести «Второе дыхание», — я провел в строю, начав ее командиром отделения, а закончил помощником начальника штаба полка. Война была суровой школой... Мне довелось участвовать в двух самых больших сражениях... Тысячи километров встают перед моими глазами, сотни городов, дорог, сел,

полей, лесов, рек»¹. Кавалер многих боевых наград, капитан Петр Савин вернулся после войны в Ленинград и занялся литературой.

Брат Петра Савина Михаил за мужество и воинское мастерство был награжден двумя орденами и произведен в майоры. Третий Савин, Владимир Семенович, участвовал в разгроме милитаристской Японии.

От Брянска до Берлина в рядах 65-й армии прошел аркинский эвен М. Н. Алексеев. Кавалер многих боевых орденов и медалей, он был приглашен друзьями-однополчанами в Москву на празднование 30-летия великой победы, и здесь, в столице нашей Родины, генерал армии П. И. Батов торжественно вручил бывшему артиллеристу памятную медаль.

Аянские эвенки хорошо помнят А. К. Стручкова, одного из первых коммунистов-северян. Окончив окружную совпартшколу в Охотске, он работал в Аяне инструктором Аяно-Майского райисполкома, а в 1939 г. стал студентом Института народов Севера. В 1943 г. лейтенант-танкист А. К. Стручков погиб под Ленинградом. Вскоре пуля оборвала жизнь его друга И. Б. Белолобского, первого народного судьи из среды северян на Охотском побережье.

В боях с японцами был тяжело ранен бывший учитель из Аяно-Майского района, якут по национальности, Н. И. Пестеров. Его отец Иннокентий Гаврилович был первым коммунистом из среды местных якутов, отважным партизаном в годы гражданской войны на Дальнем Востоке.

В октябре 1941 г. под Вязьмой погиб бывший заместитель председателя Охотского райисполкома, коман-

¹ Согретая земля Дерсу. Хабаровск, 1972, с. 364.

дующий 24-й армией генерал-майор К. И. Ракутин¹. В жарких боях на Ленинградском направлении в 1942 г. смертью героя пал командир полка Московской дивизии П. М. Пшеничный. За героизм, проявленный в боях с немецкими захватчиками, бывший комиссар Охотско-Аянской экспедиции был награжден орденами Ленина и Красной Звезды. Как и многие другие северяне, мужественно сражался с врагом один из создателей Аяно-Майской районной комсомольской организации, участник гражданской войны, член Коммунистической партии с 1931 г. К. Л. Карпов.

Поистине безгранична любовь советских людей к своей Родине! Зимой 1941 г. группа эвенков, не принятых в ряды Красной Армии по состоянию здоровья и возрасту, пыталась на лыжах пройти из Аяна в Николаевск-на-Амуре, а затем в Хабаровск и дальше на передовую. В дороге эвенки едва не погибли и вынуждены были вернуться обратно. Такой же случай имел место в 1942 г. в Тугуро-Чумиканском районе. А сколько было добровольцев в северных районах, требовавших от военкоматов немедленной отправки на фронт!

Выпускники 10 класса Охотской средней школы, русские, якуты, эвенки и эвены, едва сдав экзамены, вместе с учителями выехали на фронт. Вернулись домой лишь немногие, в том числе известный ныне журналист и краевед Е. Ф. Мороков, создатель народного музея в Охотске.

По примеру русских женщин, заменивших у неводов своих мужей-рыбаков, традиционным охотничьим промыслом занялись эвенки, эвенкийки, якутки. Большую часть добытой пушнины и рыбы они сдавали в фонд помощи фронту. Колхозница артели «Первое Мая»

¹ См. об этом: Константин Симонов. Разные дни войны. Дневник писателя, т. I, М., 1977, гл. VIII.

Т. Р. Колесова на промысле белки постоянно выполняла на 140—150% сезонное задание мужчины-охотника.

Старая коммунистка Елена Соколова-Гаврильева, мать восьми детей, работала прачкой, поварихой и санитаркой в госпитале на побережье. Все годы; пока нужна была ее помощь, мужественная женщина трудилась без выходных.

В годы войны северянам пришлось вплотную заняться сельским хозяйством. Когда в 1938 г. по инициативе коммунистов в Аяно-Майском районе было раскорчевано и вспахано 77 га отвоеванной у тайги земли, никто не предполагал, как выручат вскоре район эти гектары. К 1945 г., несмотря на трудности, посевные площади здесь увеличились в 2,5 раза.

В. С. Охлопков отмечал, что развитие сельского хозяйства в Аяно-Майском районе «послужило толчком к коренному изменению быта местного населения, переходу от кочевья к оседлости. Например, при создании Немуйского товарищества в 1931 году было всего пятнадцать оседлых семей, а в 1938 году их стало уже семьдесят, в Тоттинском — соответственно двенадцать и девяносто две, в Батомгском — семь и двадцать восемь.

Одновременно с этим идет дальнейший рост рыбодобычи, осваиваются новые места лова. За пять лет более чем в три с половиной раза увеличились ассигнования на развитие рыболовной базы в районе¹. Вскоре довольно сносные урожаи картофеля и капусты стали получать и труженики Тугуро-Чумиканского района. Большая помощь северянам была оказана краевыми партийными и советскими организациями.

Трудящиеся побережья жили и работали под лозунгами: «Больше рыбы, пушнины, золота стране!», «Внес-

¹ Согрета я земля Дерсу, с. 66.

ти личный вклад в дело победы!» На долю населения Охотского побережья, как и других районов советского Дальнего Востока, выпала также трудная задача по сооружению ряда важных объектов. Захватнические аппетиты японского империализма хорошо были известны северянам.

Мужчины и юноши, зачастую в окопах, вырытых в промерзшей земле, постигали военное дело, чтобы по приказу Родины с оружием в руках встретить врага.

Шестидесятичетырехлетний краевед Тугурской культурной базы В. Е. Розов, этот удивительный человек, еще не оцененный должным образом нашими учеными и писателями, писал в своем дневнике: «В победе нельзя сомневаться, ее нужно добиться во что бы то ни стало. Сейчас все остальное — в сторону и жить только для войны, только победить. Попытаюсь и я быть вместе с детьми (на фронте. — А. Ф.), если удастся. Только как это сделать? Нужно спешить в Чумикан»¹. И через несколько дней — горестное признание: «Неужели боец, однажды громивший тевтонов, не может быть полезным сегодня? Неужели кавалер трех солдатских Георгиевских крестов растерял весь порох?»

По прибытии в Чумикан сразу пошел к председателю райисполкома и попросился на фронт.

— Задача района, — выслушав меня, сказал он, — сами должны ловить рыбу, обрабатывать ее, выращивать зерновые и овощи, добывать зверя, вести разведку полезных ископаемых, расширять посевные площади колхозов... Вы район знаете, знания и опыт — есть... В двух срочных делах вы должны нам помочь: произвести розыск молибдена на реке Мая, а также — золота, свинца, руды, угля. А в августе возглавить экспедицию вверх по реке Уд — на предмет изыскания плодородных земель

¹ Признание в сокровенном, с. 211.

для расширения посевных площадей колхозов. Это и есть ваш фронт!

Что ж... хоть это и не то, что просил, но принимаю как обязательную программу»¹.

В. Е. Розов выполнил свой долг перед Родиной. Он вел большую работу в глубоком тылу, который стал его фронтом. Он и умер, как солдат, — на своем посту.

Победа над врагом ковалась на фронте, ковалась в глубоком тылу. В суровые годы войны горняки Колымы бросили клич: «Меньше брать у государства, больше дать государству!» Повсеместно развернулось патристическое движение по сбору средств на вооружение Красной Армии.

В 1943 г., отмечая 25-летие ВЛКСМ, комсомол Дальстроя рапортовал о своей помощи фронту: собрано средств на звено бомбардировщиков «Комсомол Колымы» больше 5 млн. руб., на танковую колонну — свыше 5 млн., на вооружение — 3,5 млн., детям Ленинграда — 800 тыс., детям Сталинграда — 300 тыс., на самолеты эскадрильи им. 25-летия ВЛКСМ — 1200 тыс. руб.

В августе 1942 г. из далекой северной бухты Нагаева было отправлено несколько судов с подарками для фронтовиков. В ответной телеграмме Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский писал: «Высокий патристический подъем трудящихся Колымы и их помощь фронту в разгроме немецко-фашистских мерзавцев зовет воинов Красной Армии на новые подвиги в освобождении советской территории от немецких оккупантов»².

Жители Магадана супруги И. Ф. и А. Л. Бойко передали государству 50 тыс. руб. на постройку танка и воевали затем в составе его экипажа. Почин супругов Бойко был поддержан несколькими десятками колым-

¹ Там же.

² Н. А. Жихарев. Указ. соч., с. 230.

чан, причем многие из них стали не только танкистами, но и летчиками.

Героический труд северян был высоко оценен Советским правительством. Еще занималась заря нашей победы над гитлеровской Германией, когда 14 февраля 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о награждении коллектива Дальстроя орденом Трудового Красного Знамени.

Север давал Родине не только благородный металл, но и высококачественную пушнину. Вот перед нами резолюция совещания охотников Ольского района от 9 октября 1942 г.: «Мы, охотники, уходя в тайгу, твердо понимаем, что пушнина, которую будем добывать в данный момент, в условиях войны, имеет большую ценность для нашего государства, для фронта. Единодушно заверяем районный комитет ВКП(б) и районный Совет депутатов трудящихся, что мы отдадим все силы и умение на то, чтобы как можно больше добыть первосортной пушнины и тем самым оказать свою помощь нашей героической Красной Армии в разгроме немецко-фашистских грабителей»¹.

План заготовок пушнины был напряженным, и все же значительную часть мехов охотники сдавали в фонд обороны. Многие из них, например, престарелый Н. К. Дегтярев, один из организаторов колхозного движения в Охотском районе, отдавали государству бесплатно всю добытую пушнину. В годы войны по вполне понятным причинам резко сократилась поставка на побережье оружия и охотничьих припасов, на фронт ушли почти все молодые охотники, и все же охотничий промысел не захирел. Отцов, мужей, старших братьев, сынов заменили женщины, подростки, старики.

¹ Время. События. Люди. Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны. Магадан, 1970, с. 15.

Тысячи оленей передали в фонд обороны эвены и эвенки, компенсируя сокращение поголовья в колхозных стадах ростом приплода и уменьшением потерь оленей от эпизоотий и нападений хищников. Оленеводы хорошо помнили, как в 20-х и 30-х годах Советская власть помогала им строить новую жизнь, вкладывала большие средства в укрепление экономики оленеводческих и рыболовецких колхозов, в развитие культуры малых народов Севера.

В годы Великой Отечественной войны вылов рыбы в Охотском море удвоился. Рыбачье население Охотского побережья с воодушевлением восприняло призыв Коммунистической партии и Советского правительства значительно увеличить уловы рыбы, и уже в 1943 г., несмотря на исключительно неблагоприятные погодные условия, рыбаки Охотского района взяли 151 330 ц сельди и дали два годовых плана по кете и горбуше. В последующие годы войны Советской Армии и Военно-Морского Флота получили еще больше высококачественных консервов и балыков, соленой и маринованной рыбы.

В это грозное время началась трудовая биография будущего Героя Социалистического Труда В. К. Мелюченко. Четырнадцатилетним юношом занял он место старших товарищей, ушедших на фронт, а после войны, возглавив рыболовецкую бригаду, вместе с будущим Героем Социалистического Труда И. И. Денекиным выступил инициатором соревнования за стотысяченудовый улов на каждой ставной невод.

Приехал Иван Игнатьевич Денекин на Охотское побережье еще в 1934 г. Наше студеное море полюбилось молодому астраханскому рыбаку, и он навсегда остался здесь. Работал рыбаком, а позднее техническим руководителем лова колхоза «Рассвет Севера», бригадиром рыболовецкой бригады. Рыбачья слава пришла к нему в суровые годы войны, когда в 1941 г. его бригада добы-

ла около 6000 центнеров рыбы. Таких уловов на побережье в ту пору не знали. По подсчетам краеведов, сельдью и кетой, добытыми бригадой Денекина в годы войны, вполне можно было бы загрузить несколько железнодорожных составов. Таков был вклад Ивана Игнатьевича во всенародную победу над гитлеровской ордой.

Нельзя без волнения читать документы той незабываемой поры. «В начале 1943 года колхозники «Красной зари» послали личную посылку Маршалу Советского Союза тов. Жукову, — гласит запись в дневнике тугурского краеведа В. Е. Розова. — В посылку они положили сделанные ими же доху, торбаса, канчи, шапку, перчатки. В ответ на эту посылку тов. Жуков прислал на имя председателя колхоза письмо, в котором писал: «...Прошу передать колхозникам-эвенкам колхоза «Красная зоря» мой привет и благодарность за подарки и пожелания. Перевыполнение плана пушнины колхозниками является ценным вкладом в общее дело разгрома немецких фашистов. Желая колхозникам еще больших успехов»¹.

Учащиеся школ Охотского, Аяно-Майского, Тугуро-Чумиканского и других районов только за два первых военных года собрали в фонд победы более 350 тыс. руб., сдали облигаций госзаймов на 1,1 млн. руб., подписались на военный заем на сумму более чем 120 тыс. руб., принимали участие в сборе средств на строительство авиаэскадрильи.

В далеком тылу труженики Охотского побережья работали, забывая об отдыхе, под девизом: «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт». Многие патриоты отказывались от процентных надбавок к зарплате и отчисляли их в фонд обороны. Немало средств собирали северяне в фонд помощи районам, пострадавшим

от фашистской агрессии. Всего за военные годы только комсомольцами Магаданской области, в том числе и молодежью Ольского района, было передано государству на нужды обороны более 15 млн. руб.

Осенью 1945 г., когда советский Дальний Восток стал прифронтовой территорией, бюро Хабаровского крайкома партии приняло постановление «О задачах партийных организаций Хабаровского края в связи с военной обстановкой на Дальнем Востоке», ставшее боевой программой дальневосточников¹.

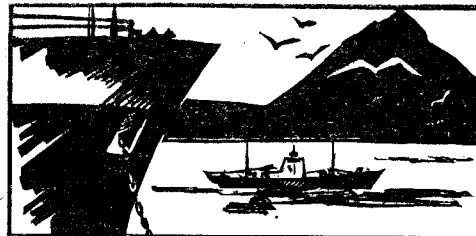
В нем отмечалось, что партийные и советские организации края должны перестроить свою работу в соответствии с требованиями военной обстановки и задачей быстрого разгрома милитаристской Японии. Для этого необходимо было оказывать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить снабжение ее всем необходимым, наладить беспрепятственное продвижение транспорта с войсками и грузами, развернуть госпитали на местах. Этим же решением бюро крайкома партии был учрежден краевой комитет помощи больным и раненым командирам и бойцам Красной Армии в составе девяти человек. И снова труженики Охотского побережья, как и все дальневосточники, с честью справились с поставленными перед ними задачами.

Через тяжелые испытания прошли в годы Великой Отечественной войны советские люди, явив потомкам пример любви к социалистической Родине, ратного и трудового героизма. «...Дружба наших народов, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — это величайшая сила нашего общества, наше огромное достоинство. Она рождалась в классовых битвах против

¹ Признание в сокровищем, с. 215.

¹ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1979, с. 256.

самодержавия, в борьбе за победу Октября, крепла на стройках пятилеток, закалялась в огне Великой Отечественной войны. Она выпестована трудящимися всех наций, и прежде всего русским рабочим классом, русским народом, который высоко поднял знамя интернационализма и на деле показал пример верности этому знамени»¹.

УВЕРЕННАЯ ПОСТУПЬ

Послевоенные годы были годами перестройки экономики Охотского побережья. Северяне укрепляли материально-техническую базу рыбопромышленных предприятий и колхозов, строили современные поселки, растили кадры рыбаков, моряков, оленеводов, мастеров высоких урожаев.

В 50-е годы на побережье, как и по всей стране, происходил процесс укрупнения колхозов. В 1956 г. в Охотском районе был организован оленеводческий колхоз им. XX партсъезда, объединивший стада аркинского колхоза, а также национальных артелей «Большевик», «Опыт», «Первое Мая». В новой артели насчитывалось 9530 оленей (ныне почти 15 тыс. голов).

Колхоз им. С. С. Вострецова, переселившись на новое место, ближе к морю, стал рыболовецким хозяйством. Орудиями промысла его снабдила Охотская МРС. Вместе с русскими новое дело осваивали эвены, не пожелавшие расстаться с родным колхозом.

В 1963 г. колхоз «25-е Октября» объединился с ар-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, с. 242.

телями «Новый путь», «Красная Звезда» и «Зверобой». На ягельниках хозяйства выпасалось почти 10 тыс. оленей.

В Аяно-Майском районе несколько мелких артелей влились в состав многоотраслевого колхоза «Восход», а в Тугуро-Чумиканском районе окреп колхоз им. Лазо. Остальные хозяйства вошли в оленеводческие совхозы.

Тогда же в Аяно-Майском районе был создан оленеводческий совхоз «Нельканский», специализирующийся на производстве высококачественного диетического мяса. Совхозные стада насчитывают более 11 тыс. голов. В Тугуро-Чумиканском районе образовался оленеводческий совхоз «Чумиканский» с отделениями в селах Тором, Алгазая, Удское и Неран.

В эти же годы охотские поморы успешно осваивали промысел рыбы в открытом море. Пробный выход в море в 1951 г. сейнера «Активный» ознаменовался обнадеживающими результатами, и в 1960 г. колхоз «25-е Октября» первым среди рыболовецких хозяйств побережья приобрел у государства два сейнера — «Пронге» и «Путятин», которые сразу же взяли хорошие уловы. А еще через два года экипаж «Путятина» под командой капитана Б. П. Стогиса добыл за сезон рыбы больше, чем все вместе встятые 16 бригад прибрежного лова. Это позволило колхозу втрое увеличить уловы.

Одновременно укрупнялись и оснащались новой техникой рыбообрабатывающие заводы и цехи на Охотском побережье. Территория и производственная база некоторых из них были переданы крупным рыболовецким колхозам, труженики которых научились сами обрабатывать рыбу. В результате возросли доходы семей рыбаков.

Уже в 1951 г. поморы Охотского побережья и Камчатки дали стране 11,3% общесоюзного улова рыбы.

В послевоенные годы, как и до войны, впереди на-

циональных артелей побережья по-прежнему шел колхоз «Хулан эвен». В 1949 г. он занял первое место в социалистическом соревновании рыболовецких колхозов страны и ему были присуждены переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и первая премия Министерства рыбной промышленности. В этом была немалая заслуга председателя артели Ф. С. Веселовского, почти четверть века возглавлявшего передовой колхоз и удостоенного высокой награды — ордена Ленина.

Победителем в социалистическом соревновании нередко выступал и колхоз им. С. С. Вострецова, которым с 1946 по 1971 г., до последних дней жизни, руководил кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции В. А. Теплов, дважды избиравшийся депутатом Верховного Совета РСФСР.

Окрепнуть рыболовецким колхозам помогли богатые уловы охотоморской сельди. С помощью государства рыбаки Приохотья успешно освоили промысел и обработку сельди, и уже в 50-е годы ее ежегодные уловы превышали многие сотни тысяч центнеров.

Большую роль в приумножении достижений северян сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», в котором, в частности, отмечалось: «В прошлом многие из этих народностей не имели письменности, вели преимущественно кочевой образ жизни и были обречены на вымирание. Теперь, в условиях советского социалистического строя, в этих районах созданы горнодобывающая промышленность, оснащенная современной техникой, получили развитие рыбная промышленность, водный и воздушный транспорт...

Народы Крайнего Севера в результате социалистических преобразований при братской помощи всех народов Советского Союза в основном перешли на оседлость,

обеспечили подъем хозяйства, вырастили значительную группу своей интеллигенции, располагают сетью школ, лечебно-профилактических и культурно-просветительных учреждений и в ряде мест построили благоустроенные поселки, имеют большие возможности для дальнейшего развития своей экономики и культуры»¹.

Однако эти возможности использовались не всегда и не везде эффективно, некоторые местные партийные и советские органы допускали серьезные промахи в руководстве колхозным и совхозным строительством в районах Севера. Вскрыв эти недостатки, ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали Совет Министров РСФСР, крайкомы и обкомы КПСС, крайисполкомы и облисполкомы (в том числе Хабаровский и Магаданский), «руководствуясь решениями XX съезда КПСС о необходимости дальнейшего последовательного осуществления ленинской национальной политики, обеспечить всестороннее развитие экономики и культуры народностей районов Севера, самым внимательным образом учитывая все их национальные особенности...»²

Именно в 50-е годы у малых народов Севера, по мнению советских ученых-североведов, «были решены основные задачи социалистического строительства и завершен переход к социализму»³.

«Преодоление отсталости, замкнутости и изолированности, интенсивные консолидационные процессы, переход к социалистическим формам общественного бытия устранили пропасть, отделявшую их от других народов страны, привели к установлению между ними социально-экономической, общественно-политической и

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 4. М., 1968, с. 331.

² Там же, с. 333.

³ В. А. Зибарев. Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера, — «История СССР», 1981, № 3, с. 46.

духовной общности, — пишет В. А. Зибарев. — Народы Севера перешли от первоначальной, примитивной общности людей к общности людей развитого социализма. Наряду с чертами и признаками, характеризующими их как отдельные народы, они обладают общесоветскими чертами и признаками, сближающими их со всеми народами СССР. Дальнейшее развитие народов Севера происходит на основе прогресса новой интернациональной общности — советского народа»¹.

40-летие Советской власти трудящиеся Охотского побережья ознаменовали трудовыми свершениями, высоко оцененными партией и правительством. В 1957 г. большая группа рыбаков и рыбообработчиков была награждена орденами и медалями, а председатель колхоза «Рассвет Севера» В. К. Мелюченко и бригадир И. И. Денёкин стали Героями Социалистического Труда. Орденом Ленина был награжден мастер высоких уловов А. И. Пьянков, комсомольско-молодежная бригада которой сдала государству 127,3 тыс. пудов лососевых. Всего правительственные награды получили 51 рыбак, в том числе орден Ленина — 6 и орден Трудового Красного Знамени 13 передовиков.

К 40-летию Великого Октября все колхозные поселки и рыбозаводы побережья были электро- и радиофицированы. Здесь имелись школы, больницы или медицинские пункты, клубы, библиотеки, регулярно демонстрировались кинофильмы.

Возросли денежные доходы северян. В 1953 г. среднегодовой заработок рыбака-колхозника в Охотском районе составлял 19 тыс. руб., а в бригаде А. И. Пьянкова — 57 тыс. руб. В том же году рыбаки колхоза «Рассвет Севера» получили на руки 3 млн. 288 тыс. руб. (в старых ценах). Если в 1951 г. Охотский райсобес вы-

¹ Там же, с. 53.

платил пенсий на сумму 847 857 руб., то в следующем году — уже 1 117 884 руб., а за три последующих года второй послевоенной пятилетки — свыше 4,5 млн. руб.

Ассигнования на медицинское обслуживание населения в районе за пять лет (1951—1956) более чем удвоились, а за двадцать последующих лет (1956—1976) возросли в семь раз. На страже здоровья трудящихся Охотского, Аяно-Майского и Тугуро-Чумиканского районов стоят около 100 врачей и 360 фельдшеров и медсестер. В Охотске на берегу моря расположился противотуберкулезный диспансер.

Большое внимание уделялось нуждам школ и детских садов. Если в 1950 г. на эти цели в Охотском районе было выделено почти 6,6 млн. руб., то в 1955 г. — уже 9,5 млн., а в 1956 г. — 12,5 млн. руб. (в старом исчислении). В 70-е годы бюджет народного образования составил здесь почти 16 млн. руб.

В конце 70-х годов в Охотском районе работало 17 школ, в том числе три средних, в которых обучалось свыше четырех тысяч детей. Гордость охотчан — межрайонная школа-интернат для детей малых народов Севера, давшая путевку в жизнь многим юношам и девушкам. Свой полувековой юбилей отпраздновала в 1977 г. Аркинская школа, где также дети оленеводов и охотников находятся на полном государственном обеспечении.

За годы девятой и десятой пятилеток в районах Севера, как и везде в стране, в основном осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию.

Как видим, неуклонный рост благосостояния и развитие культуры северян явились следствием коренных социально-экономических преобразований в районах Приохотья.

Первый секретарь Аяно-Майского райкома КПСС В. С. Охлопков писал: «Особенно значительные пере-

мены произошли в области образования, здравоохранения и культуры. Сейчас нет такого участка социальной, культурной и экономической жизни района, где бы не работали местные жители — эвенки. Только среди учителей они составляют третью часть, среди медицинских работников — четвертую, среди культработников — половину, а в таких отраслях, как оленеводство, пушной промысел и животноводство, в основном заняты местные коренные жители, многие из них имеют специальность охотоведов и зоотехников, возглавляют бригады, фермы и участки»¹.

Только в одном Охотском районе в 1975 г. каждый житель приобрел товаров на 1264 руб., то есть товарооборот на душу населения вырос вдвое по сравнению с 1960 г. В том же году населению было продано 68 легковых автомобилей, 142 мотоцикла, мебели на сумму 363 тыс. руб., ковровых изделий — на 89 тыс. руб. и т. д.

В годы девятой пятилетки в домах многих охотчан появились телевизоры. Строительство ретрансляторной станции «Орбита» было объявлено ударным. Телепередачи из Москвы смотрят и в Аяно-Майском районе.

Преобразовался и сам древний Охотск. Теперь это современный рабочий поселок городского типа с асфальтированными площадями и тротуарами.

В центре Охотска — памятник В. И. Ленину, открытый в 1957 г., накануне празднования 40-летия Великого Октября. Неподалеку от памятника поднялось здание районного Дома культуры им. Ильича. Старики эвенки еще помнят, как в Доме туземца, открытом в 1925 г. на нынешней Ленинской площади, они впервые услышали о В. И. Ленине и увидели «лампочку Ильича». Первый же памятник В. И. Ленину на Охотском побережье был

¹ Согретая земля Дерсу, с. 72.

воздвигнут в Аяне еще до войны. Бывший председатель Аяно-Майского райисполкома Н. С. Скрыпник писал: «Открытый в 1939 году монумент в честь Владимира Ильича Ленина, что возвышается в центре Аяна, стал символом окончательного утверждения новой, кипучей жизни на огромной территории района»¹.

В Охотске, протянувшемся вдоль морского берега почти на восемь километров, разместились высокомеханизированный пресервный завод, Кухтуйский рыбозавод, судоремонтный завод, пищекомбинат. На другом конце поселка в благоустроенных домах живут колхозники артели «Рассвет Севера», у самого моря высятся двухэтажные дома поселка геологов и корпуса районной больницы.

«Помолодели» и поселки Чумикан, Аян, Ола, Гижига и другие населенные пункты Прихотья. На советском Севере ныне нет глухих «медвежьих углов», всюду ключом бьет полнокровная жизнь строителей коммунизма!

Значительные перемены произошли и в Ольском районе, отметившем в 1976 г. свое 50-летие. В 1894 г. охотский окружной начальник С. А. Херсонский, посетивший Олу с целью изучения колымского пути, насчитал в ней всего 15 домишек и 96 жителей. «Не будь в селе Ольском ветхой часовни и строящейся церкви, оно напоминало бы скорее стойбище кочевников, чем поселение оседлых людей, — писал Херсонский. — Селение Ольское, несмотря на свой неказистый вид, приобретает выдающееся значение среди других поселений округа, не исключая и Охотска, благодаря удобству своей бухты². В ту пору никто и думать не мог, что неподалеку от «неказистой» Олы через каких-нибудь сорок пять лет,

то есть в 1939 г., поднимутся кварталы Магадана, с 1953 г. ставшего центром большой области.

В современной Оле нет ветхой часовни с церковью; дети горняков, рыбаков, охотников и оленеводов учатся в школах и сельскохозяйственном техникуме, а досуг северяне проводят в просторном районном Доме культуры.

В 1977 г. трудящиеся Прихотья торжественно отметили 60-летие Великого Октября и принятие новой Конституции СССР, «в которой отражены итоги всей революционно-преобразующей деятельности партии и народа после победы Октября и дана ясная перспектива дальнейшего коммунистического строительства»¹. Оглядываясь на свое прошлое, они убеждались, как далеко шагнула вперед страна, какие огромные перемены произошли на советском Дальнем Востоке.

* * *

Достижения рыбаков Охотского побережья явились результатом как их трудового энтузиазма, так и технического перевооружения промысла. И. И. Денекин писал: «Если в довоенные годы и годы войны основными орудиями лова были закидные невода, а способ транспортировки рыбы — кунгасами на веслах, то уже в 1957 году МРС выделила колхозу шесть ставных и шесть закидных неводов, три катера, более 30 кунгасов и лодок. На рыбозаводах появились первые рыбонасосы РБ-150, выкачивающие живую рыбу прямо на рыбоприемные плоты. Это новшество, на мой взгляд, было самым значительным из всех происшедших перемен. Ведь раньше

¹ «Звезда Севера», 5.XI. 1967.

² С. А. Херсонский. Указ, соч., с. 55—56.

¹ Л. И. Брежнев. О Конституции СССР. Изд. 2-е, дополн. М., 1978, с. 61.

рыбу приходилось носить снизу вверх от берега до цеха на носилках, утлая по щиколотку в морской гальке»¹.

В 1958 г. Охотская МРС, сыгравшая большую роль в реконструкции рыболовецкого промысла на Охотском побережье, была закрыта. Один только колхоз «Рассвет Севера» за счет собственных накоплений приобрел у МРС три катера типа «Ж» с мощностью двигателей по 150 л. с., шесть ставных и шесть закидных неводов. Со временем и другие колхозы обзавелись собственным промысловым флотом, что позволило им осваивать новые районы и объекты лова.

В 1977 г. рыболовецким колхозам Охотского района были переданы сейнера нижеамурских артелей. Выйдя на просторы Тихого океана, охотские поморы овладели промысловыми сайры, минтая, крабов и морской капусты.

По труду и честь. Только в одном колхозе «Рассвет Севера» за трудовые достижения в девятой пятилетке орденами и медалями было награждено 40 передовиков. План девятой пятилетки колхозом был выполнен за три с половиной года.

Девятая пятилетка означала новый этап в развитии рыбной промышленности на Охотском побережье. Выступая в Охотске на митинге, посвященном 50-летию Охотского района, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черный сказал: «Ощутим и заметен вклад рыбаков и рыбообработчиков района в выполнение задач пятилетки. За прошедшие 5 лет район добыл тысячи тонн рыбы. Рыбаками, рыбообработчиками успешно выполнен пятилетний план и принятые социалистические обязательства... Только за прошедшую пятилетку предприятиями Охотского рыбтреста освоено 17 новых видов продукции, которая по своему качеству создала охотчанам добрую славу»².

¹ Земля охотская, с. 111.

² «Охотско-эвенская правда». 7.IX.1976.

Борьба тружеников Охотского побережья за выполнение заданий девятой пятилетки совпала с подготовкой к празднованию 50-летия образования Ольского, Охотского и Тугуро-Чумиканского районов. С чувством большого удовлетворения отмечалось на юбилейных торжествах, что за пятьдесят лет население Охотского района увеличилось в шесть раз, а объем промышленного производства — в сорок семь раз. Высокие темпы развития экономики характерны и для других районов побережья.

В послевоенные годы в Охотске была открыта лаборатория ТИНРО, внесшая определенный вклад в изучение рыбных богатств Охотского моря. С помощью ученых-ихтиологов рыбаки овладевают основами комплексного использования биологических ресурсов Тихого океана, постепенно переходят к созданию искусственных нерестилищ сельди. Внедрение научно обоснованных методов воспроизводства и промысла морских организмов — первоочередная задача работников рыбной промышленности советского Дальнего Востока.

Как мы помним, еще в предвоенные годы на Охотском побережье велись геологические исследования. После войны к геологам присоединились топографы. «Карта... Как просто на нее смотреть и как не просто, порой мучительно, создавать ее! — писал известный советский писатель и геодезист Г. А. Федосеев, в 1948—1954 гг. работавший на Охотском побережье. — В борьбе за покорение природы еще много придется пережить горестных минут тем, кому суждено вступить с нею в единоборство. Но что значит трудности, если путь наш ведет к коммунизму, к светлой жизни человечества».

О трудной работе геодезистов, положивших на карту районы Охотского побережья, Г. А. Федосеев рассказывал в книгах «В тисках Джугдыра», «Смерть меня пождет», «Последний костер» и в других произведениях. На всю жизнь покорила писателя первозданная красота

вершин Станового хребта, Джугдыра и Джугджура. «Туда редко заглядывал пытливым глаз разведчика недр... — писал Г. А. Федосеев. — Ведь центральная часть этого края и в топографическом отношении является почти «белым пятном». Имеющиеся карты весьма бедны подробностями, не отображают действительной картины местности и содержат следы явной незаконченности»¹.

Незаменимым помощником Г. А. Федосеева был эвенк-проводник Улукиткан. Отдавая дань благодарности своему другу-следопыту, писатель воссоздал образ Улукиткана в ряде своих произведений, а после его смерти поставил памятник на могиле «этого великого труженика».

Многолетние исследования советских геологов ознаменовались открытиями. В 1960—1963 гг. геологоразведочная партия, возглавляемая кандидатом геолого-минералогических наук Ф. Ф. Вельдяковым, обнаружила месторождение золота в горах Джугджура. Уже в следующем, 1964 г. в местечке Хаканджа началось строительство добротного поселка горняков, в котором со временем появились медицинский пункт, школа, радио, электричество и даже поднялись антенны телевизоров.

Вскоре здесь началась добыча золота. Золотоносные руды обнаружены и в местечке Девакша. Большие поисковые работы ведутся геологами в Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах. По правобережью Уды и на Шантарских островах выявлены многочисленные и зачастую мощные залежи фосфоритов — сырья для производства ценных удобрений. По мнению специалистов, промышленное освоение шантарских «кладов» вполне возможно², как и месторождений фосфоритов в Удско-Селемджинском междуречье.

В одной из своих статей академик Н. Н. Некрасов писал: «Конечно, степень изученности обширной территории Востока страны... еще далеко недостаточна. Каждый год приносит новые открытия, растет полнота наших знаний об этом огромном континенте. Потребуется еще очень много времени для выявления всех природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Но уже открытые и исследованные природные богатства существенно влияют на решение общесоюзных экономических проблем большого диапазона»¹.

В годы девятой и десятой пятилеток начался новый этап освоения пространства и ресурсов Востока СССР, в том числе и Охотского побережья. В целях совершенствования размещения производительных сил страны в решениях XXV съезда КПСС предусматривались дальнейшее наращивание экономического потенциала восточных районов СССР и повышение их роли в общесоюзном разделении труда.

На наших глазах крепнут экономические связи между районами Сахалина, Амурского лимана, Камчатки и Охотского побережья, на необходимость развития которых обращалось внимание еще на I Хабаровской краевой партконференции. Выступая на конференции, делегаты отмечали: «Мы не можем дальше довольствоваться тем, что в Охотском море только ловим рыбу. Перед нами стоит задача собрать богатства Камчатки, Сахалина, Колымы в единый хозяйственный комплекс. Николаевск-на-Амуре должен стать крупным морским портом и узловым центром наших авиационных линий. В Николаевске-на-Амуре нужно создать мощную перевалочную базу для снабжения товарами Севера»². О создании единого Северо-Восточного народнохозяйственно-

¹ Н. Н. Некрасов. Восточные районы СССР в десятой пятилетке, — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; с. 5.

² «Тихоокеанская звезда», 19.II.1939.

¹ Г. Федосеев. В тисках Джугдыра, с. 7—8.

² «Тихоокеанская звезда», 12.III.1969.

го комплекса шла речь и на XVIII партийном съезде¹.

В 1958 г. на Иркутской конференции по развитию производительных сил Сибири снова была выдвинута концепция формирования Северо-Восточного экономического района, «осью» которого должно стать строительство Северо-Восточной железной дороги от Транссиба до Якутска и дальше на Магадан, с выходом ее ветки к Охотску.

Видный исследователь советского Севера С. В. Славин пишет: «Освоение Севера на обозримый период в 20-30 лет представляется грандиозной программой изучения, строительства, созидания в самом широком смысле этого слова, охватывающего северную половину наиболее слабозаселенной и суровой по природным условиям части нашей страны. Это общая долговременная программа². По его мнению, включение в народнохозяйственный оборот природных ресурсов Севера — «условие дальнейшего непрерывного роста всего народного хозяйства и повышения его эффективности»³.

Отраслью общесоюзной специализации в Северо-Восточном экономическом районе явится горнодобывающая промышленность, предпосылки для дальнейшего развития которой создаются самоотверженным трудом дальневосточных геологов. Главный геолог организованной в 1973 г. Охотской геологоразведочной экспедиции В. Г. Мальцев писал: «Перед коллективом Охотской экспедиции стоит ответственная и почетная задача — создать на Севере Хабаровского края минерально-сырьевую базу для горнодобывающей промышленности...

¹ «Тихоокеанская звезда», 16.III.1939.

² С. В. Славин. Освоение Севера. М., 1975, с. 83.

³ Там же, с. 3.

Охотский район, к сожалению, остается еще очень слабо изученным, а 50 процентов территории практически представляет белое пятно в поисковом отношении¹. Кроме известного уже нам золоторудного месторождения в Хакандже геологами выявлены и другие перспективные рудопроявления. На западе Охотского района, в бассейне реки Юдома, открыто месторождение полиметаллических руд и там же установлены проявления медистых песчаников. Все это еще больше укрепляет нашу веру в большое будущее Приохотья.

* * *

Реорганизация колхозов и совхозов Приохотья, как показало время, полностью оправдала себя. На охрану и улучшение продуктивности оленьих пастбищ в Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском и Охотском районах из бюджета крайисполкома ежегодно выделяется 150 тыс. руб.

Созванное в марте 1975 г. в Охотске краевое совещание оленеводов наметило пути повышения эффективности оленеводства и улучшения бытовых условий северян. Ровно через три года состоялось второе совещание оленеводов с участием партийных, советских и хозяйственных руководителей Охотского побережья, на котором снова шла речь о том, что емкость пастбищ охотской тайги позволяет значительно увеличить поголовье оленей и повысить доходы хозяйств. Так, колхоз «25-е Октября» в 1977 г. продал государству 280 т высокосортной оленины при плане 240 и получил 100 тыс. руб. чистой прибыли.

¹ «Охотско-эвенская правда», 20.I.1976.

Однако, как показало совещание, многие оленеводческие хозяйства еще допускали потери в стадах из-за гололеда, заболеваний животных, нападений хищников. Главное условие успешного развития оленеводства в наши дни — его интенсификация за счет улучшения ветеринарного обслуживания и перехода от старой вольно-лагерной системы выпаса оленей к ограждению пастбищ изгородями. Пионером сооружения дарпиров и стационарных коралей на Охотском побережье стал колхоз «25-е Октября».

Новые методы хозяйствования значительно облегчат труд людей, повысив в то же время его производительность. Уже давно оленеводство является рентабельной отраслью экономики на Охотском побережье, а продукция его с 1971 г. поступает на экспорт, пользуясь высоким спросом в ФРГ, Австрии, Швейцарии и Японии.

Как мы помним, прежде олени были основным средством грузоперевозок на Севере. В связи с механизацией транспорта оленеводство получило мясное направление. Эта перестройка позволила поднять на новый, более высокий уровень экономику национальных колхозов.

Многие из оленеводов награждены золотыми, серебряными и бронзовыми медалями ВДНХ. «В их числе Роман Егорович Безносков, Дмитрий Александрович Громов, Мария Мелентьевна Пензина, Алексей Сергеевич Чириков и десятки других самоотверженных работников таежных ферм»¹. Далеко за пределами Охотского района известны дела аркинских оленеводов Андреевых, старший из которых, бригадир, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Высокая рентабельность оленеводства — это и большая победа зооветеринарии, избавившей северное животноводство от бича эпизоотий. Более двадцати лет

трудятся в Охотском районе супруги Гертруд Васильевич и Раиса Александровна Болярские, которых званы называют оленьими докторами. На вертолете, верхом на оленях, а то и просто пешком они преодолели десятки тысяч километров таежного бездорожья. Неоднократно тонули в горных реках, замерзали в снегах и все-таки выполняли служебный долг. Достойную смену вырастил отец Гертруды Василий Алексеевич Болярский, участник штурма Зимнего, известный дальневосточный чекист, в 1923—1925 гг. очищавший охотскую тайгу от пепеляевцев и других белобандитов. Эстафету отцов несут дальше сыновья, согревая своим дыханием суровую северную землю.

Наряду с оленеводством развивалось охотничье хозяйство, хотя в новых условиях оно и перестало играть главную роль в экономике северных колхозов и совхозов. Хорошие результаты дало соревнование бригад за улучшение качества добытой пушнины и рациональное использование промыслового участка.

Заметные сдвиги произошли и в развитии полеводства и скотоводства в Охотском районе. Надежным подспорьем рабочих и служащих рыбообрабатывающего комбината стали две крупные животноводческие фермы. Дойное стадо в районе уже насчитывает около 700 коров, а колхозные и государственные хозяйства ежегодно продают населению около 2 тыс. т молока, 400 т мяса, 1200 т картофеля и около 1000 т капусты. Средние удои молока достигли в передовых хозяйствах 2971 кг от коровы.

Площадь пахотных земель, отвоеванных у тайги, растет в районе из года в год. Недалеко от Охотска, на территории заброшенного прииска «Варваринский», поднимается более 100 га целины. Сюда переведена Уракская сельскохозяйственная ферма.

Как видим, труженики Охотского района успешно

¹ Земля охотская, с. 15—16.

претворяют в жизнь указание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, «чтобы потребности населения в таких продуктах, как мясо, молоко, яйца, овощи, картофель и некоторых других, максимально удовлетворялись за счет местного производства»¹.

Наиболее высокие урожаи картофеля, капусты, овса и других сельскохозяйственных культур получают в артели «25-е Октября». Здесь давно уже добрая слава идет о заслуженной колхознице Марии Альбертовне Нечаевой, за большой личный вклад в развитие северного полеводства награжденной орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», многими медалями, в том числе серебряной медалью ВДНХ. С М. А. Нечаевой успешно соревнуются знатные звеньевые колхоза им. Ленина А. С. Захарова и А. В. Карabanова.

Хорошую сельскохозяйственную и животноводческую ферму имеет колхоз «Рассвет Севера», явившийся инициатором развития птицеводства на побережье. Колхоз им. С. С. Вострцова начал заниматься сельским хозяйством сравнительно недавно, но ныне и это хозяйство располагает почти 200 га пахотного клина и стадом крупного рогатого скота.

Этими успехами охотчане обязаны не только своему труду, но и достижениям советских ученых, продвинувших далеко на Север границу полеводства.

* * *

Десятая пятилетка стала еще одним важным рубежом в развитии производительных сил Приохотья.

Активно велось промышленное и гражданское строи-

¹ Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. М., 1978, с. 27.

тельство, капитальные вложения в которое на 5 млн. рублей превысили соответствующие показатели девятой пятилетки. На 5 тыс. кв. м увеличилась площадь сдаваемого жилья.

Как всегда, наибольший успех выпал на долю рыбаков колхоза «Рассвет Севера», ставшего победителем краевого и Всесоюзного социалистического соревнования и награжденного переходящими Красными знаменами крайкома КПСС, крайисполкома, крайсовпрофа, крайкома ВЛКСМ и Министерства рыбного хозяйства СССР, а также денежной премией.

Успешно выполнили обязательства по продаже государству молока, мяса, картофеля работники сельского хозяйства Охотского района. В 1980 г. здесь было собрано 1290 т картофеля и 650 т капусты, а также получено 1776 т молка. Только за четыре года десятой пятилетки в сельское хозяйство района было вложено 1,5 млн. руб.

Это был важный рубеж в истории Охотского района.

Хорошо потрудились и геологи, завершившие программу запасов рудного сырья. Успешно выполнил пятилетнее задание коллектив старательской артели «Охотск». В основном завершается оценка полезных ископаемых Тугуро-Чумиканского и Аяно-Майского районов, где также производится добыча золота старательским способом.

Немало было сделано за годы десятой пятилетки для развития производительных сил, повышения благосостояния трудящихся и в других районах Охотского побережья. В условиях общества развитого социализма, как отмечается в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» от 7 февраля 1980 г., северяне «достигли значительных успехов в развитии своей экономики и

культуры». Наряду с промышленным освоением Севера «дальнейшее развитие получили оленеводство, охотничий, рыбный и зверобойный промыслы, являющиеся основным занятием коренного населения... Повышение материального и культурного уровня жизни, улучшение медицинского обслуживания населения и осуществление других мероприятий, направленных на улучшение благосостояния трудящихся, привели к увеличению численности населения Севера»¹.

Однако, как подчеркивается в этом важном документе, материально-техническая база оленеводческо-промыслового хозяйства, существующая система его ведения не позволяют полностью использовать преимущества оседлого образа жизни. В комплексной программе экономического и социального развития малых народов Севера, принятой Советом Министров РСФСР 20 мая 1980 г. по рекомендации ЦК КПСС и Совета Министров СССР, особое внимание уделяется завершению к 1990 г. перевода кочевых семей на оседлый образ жизни, стимулированию их заинтересованности в развитии общественного производства, улучшению жилищного, коммунального и транспортного строительства на Севере, а также торгового обслуживания местного населения. Разработаны меры и по дальнейшему развитию медицины и народного образования².

Эти решения партии и правительства вызвали большой трудовой и политический подъем в многонациональных трудовых коллективах Приохотья. Заступив на предсъездовскую вахту, колхозники артелей «25-е Октября», им. Ленина и им. С. С. Вострецова встретили день открытия XXVI съезда КПСС значительными трудовыми достижениями.

¹ «Правда», 27. II. 1980.

² А. К. Черный. Край свершений и мужества. М., 1982, с. 30—31.

Вдохновленные историческими решениями XXVI съезда КПСС, рабочие, колхозники и служащие побережья отдают все свои силы претворению в жизнь планов одиннадцатой пятилетки. Рыболовство и рыбообработка и в текущей пятилетке остаются ведущими отраслями народного хозяйства Приохотья.

«Исходя из Основных направлений, в одиннадцатой пятилетке рыбопромышленным предприятиям объединения предстоит увеличить вылов рыбы, производство пищевой продукции на 20—22 тысячи тонн, выпуск консервов — на 1,5 млн. условных банок, объем реализации — на 16 млн. рублей, — писал генеральный директор объединения Хабаровскрыбпром В. Сафронов. — Для успешного решения этих задач необходимо более ускоренными темпами вести реконструкцию действующих и строительство новых цехов на предприятиях Охотского побережья с доведением посольных емкостей до 20 тысяч тонн, принять меры для увеличения холодильных емкостей, решить вопрос об обновлении приемно-транспортного и буксирного флота»¹.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года предусматривается рост производства сельскохозяйственной продукции, в том числе оленины. Выполняя решения XXVI съезда КПСС, трудящиеся Охотского района решили довести в 1982 г. надой молока до 2950 кг на корову, получить с каждого гектара не менее 310 ц овощей и 85 ц картофеля, добиться лучшей сохранности взрослого поголовья оленей (не менее 95%). Кроме того, продать государству молока 1800 т, мяса — 520 т, картофеля — 820 т, овощей — 600 т, произвести 2,6 млн яиц². Это — трудовой подарок охотчан к 60-ле-

¹ «Тихоокеанская звезда», 10.II.1981.

² «Тихоокеанская звезда», 17.I.1982.

тию образования СССР и 60-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов.

Пример охотчан побуждает тружеников сельского хозяйства других районов Приохотья творчески осуществлять решения XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1981) и майского (1982) Пленумов ЦК КПСС.

С огромным воодушевлением восприняли трудящиеся Охотского побережья решения XXVI съезда КПСС о разрывании хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали и о разработке проекта железной дороги Тынды — Якутск. Как уже отмечалось в советской прессе, «возникший с помощью рельсового пути экономический потенциал Сибири создает плацдарм для проникновения индустрии дальше, в районы Крайнего Севера, где богатейшие сырьевые ресурсы еще ждут своего часа...»¹

«Правда» 8 сентября 1976 г. указывала, что Байкало-Амурская магистраль «с точки зрения генерального курса развития страны — лишь первая ласточка освоения Ближнего Севера Сибири и Дальнего Востока. Впереди — новые районы с еще более суровым климатом и фантастическими природными богатствами».

Уместно вспомнить здесь, что еще в 20-х годах двигался проект строительства Великой Северной магистрали с выходом ее ветки к Охотскому морю. Известные сибирские инженеры-путейцы И. Ф. Молодых, К. Н. Миротворцев, П. А. Хлудов и Е. П. Чертовских считали, что «окончание магистрали необходимо наметить на Охотском побережье, по-видимому, у бухты Эйкан»².

¹ «Новый мир», 1975, № 1, с. 10—11.

² И. Ф. Молодых, К. Н. Миротворцев, П. А. Хлудов, Е. П. Чертовских. Транспортная проблема Восточной Сибири. М., 1930, с. 38. См. также: В. А. Ламин. Ключи к двум океанам. Хабаровск, 1981, с. 102, 112—118.

С завершением строительства Байкало-Амурской магистрали не исключена постановка вопроса о транспортном сообщении Охотского побережья (Тугурского полуострова) с Комсомольском-на-Амуре, а еще в более далекой перспективе — с Якутском. В последние годы советские ученые изучают возможность сооружения в районе Тугурского залива приливной электростанции, использование энергии которой создало бы принципиально новую ситуацию в развитии производительных сил Охотского побережья.

Первый секретарь Тугуро-Чумиканского райкома КПСС И. И. Снежко писал: «Район наш — особенный. Сколько бы ни было сделано для развития его хозяйства и культуры, но главные события у нас впереди. Тугуро-Чумиканский район почти весь «стоит» на железных рудах. Открыты новые месторождения марганца, фосфоритов.

Почти половину территории района занимают леса. Развитию лесозаготовительной промышленности помогает строительство Байкало-Амурской магистрали. Нужды БАМа будет удовлетворять Тугурский леспромхоз. Основная его база расположена в соседнем, имени Полины Осипенко районе, но на нашей территории вступят в строй его лесопункты»¹. Ввод в эксплуатацию Тугурского и Ленинского леспромхозов позволит получать не менее 1 млн. 200 тыс. кубометров древесины в год.

Большие запасы древесины имеются и в Аяно-Майском районе. Возможный выход БАМа на Охотское побережье и сооружение Тугурской приливной электростанции в перспективе² помогут также распечатать «клады» каменного угля и железной руды, фосфоритов и по-

¹ «Тихоокеанская звезда», 18.IV.1976.

² См.: В. А. Акулиничев. Океан и энергетика, — «Природа», 1979, № 8, с. 33—35.

лиметаллов, яшмы и мрамора, а также перейти к созданию мощных морских хозяйств на шельфе Охотского моря.

Претворение в жизнь решений XXVI съезда КПСС открывает пути к реализации новых масштабных планов партии и народа. Со временем еще больше возрастет вклад трудящихся Охотского побережья в трудовые достижения Хабаровского края, всей нашей страны.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу, — Полн. собр. соч. (ПСС), т. 24.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение, — ПСС, т. 25.
- Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, — ПСС, т. 41.
- Ленин В. И. О кооперации, — ПСС, т. 45.
- Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977.
- Брежнев Л. И. О Конституции СССР. Изд. 2-е, дополн. М., 1978.
- История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.
- Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1979.
- Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
- Балицкий В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969.
- Белов М. И. Северный морской путь. М., 1957.
- Васильев В. Н. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926—1928 годах. Л., 1930.
- Гарусов И. С. Разгром белогвардейцев в Охотско-Камчатском крае. Магадан, 1963.
- Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922). Воспоминания ветеранов. М., 1973.
- Григорцевич С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922). М., 1957.
- Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). Магадан, 1961.
- Земля охотская. Хабаровск, 1976.
- Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.), Томск, 1968.

Зибарев В. А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972.

Коптев К. Золото во льдах. Магадан, 1961.

Ламин В. А. Ключи к двум океанам. Хабаровск, 1981.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.

Мейсельман А. Очерки Охотско-Камчатского края. М., 1931.

Мухачев Б. И. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск, 1975.

Мухачев Б. И. Вымпелы революции. Хабаровск, 1980.

Новая жизнь народов Севера. М., 1967.

Новгородов А. И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969.

Петров П. У. Разгром испеляевской авантюры. Якутск, 1955.

Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958.

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978.

Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.). Сборник документов и материалов. Магадан, 1973.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955.

Согретая земля Дерсу. Хабаровск, 1972.

Сильницкий А. П. Поездка в северные округа Приморской области. Хабаровск, 1902.

Скачко А. И. Советская работа среди малых народностей Дальнего Востока. М., 1930.

Славин С. В. Освоение Севера. М., 1975.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. 1. СПб., 1900.

Строд И. Я. В якутской тайге. М., 1961.

Строд И. Я. В тайге. Якутск, 1961.

Степанов А. А. Хабаровский край. Хабаровск, 1957.

Степных М. П. Победа Великого Октября на Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 1975.

Тимофеев Е. Д. С. С. Вострецов, М., 1981.

Федосеев Г. В тисках Джугдыра. М., 1959.

Федосеев Г. Последний костер. М., 1971.

Федоров П. Кузнец-командир. М.—Л., 1928.

Фетисов А. П. Ледовый поход. Хабаровск, 1965.

Фетисов А. П. Карл Янович Лукс. Хабаровск, 1966.

Фетисов А. П. Охотская прелюдия. Хабаровск, 1967.

Фетисов А. П. Последний залп. Магадан, 1971.

Флеров В. С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск, 1964.

Черный А. К. Край свершений и мужества. М., 1982.

Шитиков А. П. Край наш Хабаровский. Хабаровск, 1970.

Юхименко В. Пароль «Москва—Советы». Магадан, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. И. Новгородов, проф.</i> Предисловие	3
От автора	5
Земля у моря студеного	10
За власть Советов	45
Так начиналась новая жизнь	78
Первый тунгусский	89
Самая справедливая власть	101
Время великих преобразований	115
Путь к социалистической культуре	139
Подвиг советских первопроходцев	159
В грозный для Родины час	183
Уверенная поступь	195
Краткая библиография	219

Анатолий Павлович Фетисов

РАЗБУЖЕННЫЕ ПРОСТОРЫ

Редактор В. С. Шевченко

Художественный редактор А. Н. Посохов

Технические редакторы:

Н. Б. Хохлова, Т. А. Костюченко

Корректоры В. А. Мысливец, О. В. Коренькова.

ИБ № 924

Сдано в набор 10.03.82. Подписано к печати 03.08.82. ВЛ 06845.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая, 9,80 усл. печ. л., 9,62 уч.-изд. л., 9,97 усл. кр.-отт. Тираж 15 000 экз. Заказ 5106. Цена 30 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография №1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Фетисов А. П.
Ф45 Разбуженные просторы: Страницы истории
Охотского побережья. — Хабаровск: Кн. изд.,
1982. — 224 с.

Научно-популярные очерки по истории Охотского побережья, входящего в состав Хабаровского края и Магаданской области РСФСР. Автор книги, кандидат исторических наук А. П. Фетисов, рассказывает о прошлом Охотска как центра подготовки русских тихоокеанских экспедиций XVIII в. и главного порта России на Тихом океане вплоть до середины XIX в., показывает социально-политическую обстановку на Охотском побережье накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Главное внимание в очерках уделено борьбе за Советскую власть в Прихожье в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, строительству новой жизни в районах проживания народностей Севера.

Книга выходит к 60-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов и 60-летию образования СССР.

10604—23
Ф М160(03)—82 46—82

ББК 63.3(2ДВ)
9 (С19ДВ)